

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-49472
24 апреля 2012 г.

Журнал входит в перечень научных изданий ВАК

Главный редактор

КАРЦХИЯ Александр Амиранович, д.ю.н., доцент, Москва

Шеф-редактор,

МАКАРЕНКО Григорий Иванович, Москва

Редакционная коллегия

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор, Москва

ГАБОВ Андрей Владимирович, д.ю.н., профессор,

член-корреспондент РАН, Москва

ДЕМИДОВА-ПЕТРОВА Елизавета Викторовна, д.ю.н., доцент,
Казань

ЗАЙЦЕВ Владимир Васильевич, д.ю.н., профессор, Москва

ЗАПОЛЬСКИЙ Сергей Васильевич, д.ю.н., профессор, Москва

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович, д.ю.н., профессор, Москва

ЗИБОРОВ Олег Валентинович, д.ю.н., профессор, Москва

КАБАНОВ Павел Александрович, д.ю.н., доцент, Казань

МАЛЬКО Александр Васильевич, д.ю.н., профессор, Саратов

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор, Москва

ШАХНАЗАРОВ Бениамин Александрович, д.ю.н., доцент, Москва

АТАГИМОВА Эльмира Исамудиновна, к.ю.н., Москва

ШАРШУН Виктор Александрович, к.ю.н., Минск, Белоруссия

БАБИНЦЕВ Валентин Павлович, д. социол. н., профессор, Белгород

БАРМАТОВА Светлана Петровна, д. социол. н., профессор, Брянск

МАЛЫШЕВ Михаил Львович, д. социол. н., профессор, Москва

СИЛИН Анатолий Николаевич, д. социол. н., профессор, Тюмень

УРЖА Ольга Александровна, д. социол. н., профессор, Москва

Учредитель и издатель

ФБУ «Научный центр правовой информации при
Министерстве юстиции Российской Федерации»

Адрес: 125438, Москва, Михалковская ул., 65, к.1

E-mail: monitorlaw@yandex.com

Телефон: +7-985-939-7501

Требования, предъявляемые к рукописям, а также
архивные файлы размещены на сайте:

<http://uzulo.su/mon-prav>

Отпечатано в РИО ФБУ НЦПИ при Минюсте России

Подписано в печать 20.03.2023

Общий тираж 120 экз. Цена свободная

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

МОНИТОРИНГ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА В СОСТАВАХ КОМИССИЙ ПО КООРДИНАЦИИ РАБОТЫ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Кабанов П.А. 2

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЦИФРОВОЕ ПРАВО)

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ
КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН
РОССИИ

Троян Н.А. 20

НАСЛЕДОВАНИЕ «ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕЛА»: ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Коданева С.И. 27

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ
СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 290 УК РФ

Фарахиев Д.М., Фарахиева Г.Р. 37

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЮ МОЛОДЕЖИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Сарапкина Е.Н. 44

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОТИВ
ЛИЧНОСТИ: ПОДХОДЫ К КРИМИНАЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ СНГ

Перина А.С. 59

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ОТ ЛОГОСА К ЛОГОСУ. САМОРЕЦЕНЗИРОВАНИЕ И ДОПОЛНЕНИЕ

Захарцев С.И., Сальников В.П. 69

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ НАУКИ (ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО)

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТКАЗА ВО
ВКЛЮЧЕНИИ ТРЕБОВАНИЯ КРЕДИТОРА В РЕЕСТР:

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Гурылева К.И. 76

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА И ЕГО РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ ЧАСТНОПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ

Зайцева Н.В. 88

ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ДОГОВОРОВ ПО ОКАЗАНИЮ УСЛУГ:
«С КОНКРЕТИЗАЦИЕЙ ИСПОЛНИТЕЛЯ»

Вольвач Я.В. 94

СОЦИОЛОГИЯ

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГО-
СТАТИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА В ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ
ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ: ОПЫТ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Третьякова Л.А. 102

Подписка на журнал осуществляется в почтовых отделениях по каталогу «Пресса России». Подписной индекс 44723

МОНИТОРИНГ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОСТАВАХ КОМИССИЙ ПО КООРДИНАЦИИ РАБОТЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кабанов П.А.¹

Ключевые слова: мониторинг правового регулирования, коррупция, противодействие коррупции, координация, взаимодействие, гражданское общество.

Аннотация

Цель исследования: оценка реального состояния представительства институтов гражданского общества в деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации, и выработка рекомендаций по совершенствованию структуры названных комиссий для повышения эффективности их деятельности.

Метод исследования: в качестве основного используется метод сравнительного правоведения.

Результаты исследования: дана оценка состояния представительства институтов гражданского общества в деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации. Отмечено, что привлечение представителей институтов гражданского общества в деятельность комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации не соответствует требованиям антикоррупционного и иного законодательства. Для устранения такого несоответствия автором предлагается введение критериев вхождения представителей институтов гражданского общества в состав комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации (вовлеченность в противодействие коррупции в соответствии с законодательством либо уставными документами, профессиональная антикоррупционная компетентность).

Научная новизна: мониторинг представительства институтов гражданского общества в деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации является первым научным исследованием, направленным на объективную оценку состояния структуры указанных комиссий, её соответствия федеральным и региональным нормам и приведение её в соответствие с указанными требованиями.

Практическая значимость: предложенные автором механизмы решения по приведению комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации в соответствие с требованиями федерального и регионального антикоррупционного законодательства можно использовать при формировании и реформировании деятельности названных комиссий.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-2-19

Введение

Координация деятельности — сложный управленческий процесс, обеспечивающий эффективное взаимодействие между различными структурами, выполняющими разные функции, и позволяющий снять возможные противоречия между участниками деятельности по достижению общей цели [1, с. 8—10]. Координация деятельности по реализации государственной политики противодействия коррупции является разновидностью координационной деятельности [2, с. 49—55], направленной на достижение

конкретного результата — снижения коррупционной активности в обществе с использованием различных средств, инструментов и технологий.

На федеральном уровне полномочиями по координации деятельности органов публичной власти по вопросам противодействия коррупции обладает Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, образуемый им президиум и рабочие группы по отдельным направлениям деятельности [3, с. 91—104]. На региональном

¹ Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), член экспертного совета при управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции, член рабочей группы президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции по взаимодействию со структурами гражданского общества, г. Казань, Российская Федерация. E-mail: kabanovp@mail.ru

уровне функция координации деятельности по противодействию коррупции возложена на комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации, которые учреждены повсеместно в 2015 году в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции»¹.

Для консолидации усилий органов публичной власти и институтов гражданского общества, с апреля 2010 года при президиуме Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции создана и функционирует специальная рабочая группа по взаимодействию со структурами гражданского общества, основной целью деятельности которой является организационное и методическое обеспечение взаимодействия не только органов публичной власти между собой, но и с институтами гражданского общества по вопросам формирования и реализации единой государственной политики противодействия коррупции [4, с. 15; 5, с. 22—23].

В период активной деятельности рабочей группы по взаимодействию со структурами гражданского общества президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции (в доковидный период 2011—2019 гг. — *Примечание автора*) на её заседаниях обсуждались вопросы взаимодействия между различными субъектами противодействия коррупции и неоднократно вносились предложения и рекомендации по повышению качества такого взаимодействия. По рекомендациям указанной рабочей группы в НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП) регулярно проводились мониторинговые исследования состояния взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества по вопросам противодействия коррупции, а их результаты публиковались [6; 7], в том числе в отечественных рецензируемых научных периодических изданиях [8, с. 2—3; 9, с. 9—14; 10, с. 8—10; 11, с. 44—48; 12, с. 25—31; 13, с. 7—25; 14, с. 22—30; 15, с. 59—63; 16, с. 5—8; 17, с. 22—24; 18, с. 58—65]. Отдельные вопросы взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества по финансовой поддержке некоммерческих организаций и осуществлению антикоррупционного планирования освещались в специальных аналитических докладах, подготовленных сотрудниками НИИ противодействия коррупции [19; 20], и обсуждались на заседаниях рабочей группы. Однако такие исследования проводились либо до принятия указа Президента Российской Федерации, регулирующего деятельность комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации², либо по вопросам, не связанным с деятельностью этих комиссий, хотя отдельные вопросы формирования данных комиссий, в том числе и по персональному составу, исследовались в рамках об-

щих разъяснений к Типовому положению о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации [21]. К тому же в отдельных публикациях отечественных специалистов указывались особенности формирования таких комиссий, но они касались общих положений без обращения к структурному анализу нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации [22, с. 34—52; 23, с. 1—10; 24, с. 56—73; 25, с. 149—157; 26, с. 521—525]. Лишь наши отдельные исследования были посвящены мониторингу взаимодействия федеральных, региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества при формировании комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ [27, с. 33—45]. Это свидетельствует о том, что в новых условиях отсутствуют крупные теоретические разработки по данному вопросу, что позволяет заявить о научной новизне проведенного нами исследования, а вносимые предложения и рекомендации направлены на решение задачи, сформулированной в Национальном плане противодействия коррупции на 2021—2024 годы, и обладают практической значимостью.

Объект проведенного исследования — общественные отношения в сфере взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества по вопросам реализации государственной политики противодействия коррупции.

Предмет исследования — правовое регулирование и практика взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции при формировании комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации.

Цель исследования — оценка состояния вовлеченности институтов гражданского общества в деятельность комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации, а также выработка рекомендаций по созданию оптимальной структуры комиссии для повышения эффективности взаимодействия между ними при формировании названных комиссий.

Для достижения заявленной цели исследования поставлены следующие **задачи**:

- ▶ найти, описать и проанализировать нормативные правовые акты, регулирующие деятельность комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации;
- ▶ определить фактический состав комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации;
- ▶ провести сравнительный анализ региональных нормативных правовых актов по организации деятельности комиссий по координации работы

по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации с положениями федеральных нормативных актов и собственного регионального антикоррупционного и иного законодательства, по вопросам их организации и функционирования;

- › внести предложения по совершенствованию правового регулирования деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации;
- › предложить рекомендации по совершенствованию структуры комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации.

Методология и методика исследования. Методологической основой проведенного исследования является диалектический материализм и основанные на нем общенаучные методы познания (анализ, синтез, сравнение, группировка, индукция и др.), используемые в юридических науках.

Эмпирическая и одновременно **правовая** база проведенного исследования включает в себя:

- › региональное антикоррупционное законодательство субъектов Российской Федерации — 102 единицы;
- › региональное законодательство субъектов Российской Федерации, регулирующее деятельность общественных организаций, в том числе по осуществлению ими общественного контроля — 136 единиц;
- › подзаконные нормативные правовые акты по организации деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации — 127 единиц;
- › федеральные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность федеральных и региональных органов государственной власти по взаимодействию между собой и органами местного самоуправления по противодействию коррупции — 28 единиц.

Кроме того, в качестве источников правовой информации привлекались федеральные государственные реестры, материалы судебной практики и иные документы, относящиеся к исследуемой проблематике.

Теоретической основой проведенного исследования являются труды отечественных специалистов по вопросам взаимодействия органов государственной власти между собой, с органами местного самоуправления муниципальных образований и институтами гражданского общества по вопросам реализации государственной политики противодействия коррупции.

Территориальные рамки исследования обусловлены целями и задачами исследования и включают в себя территории всех субъектов Российской Федерации, входившие в неё на 1 сентября 2022 года.

Хронологические рамки исследования определены периодом закрепления в федеральном анти-

коррупционном законодательстве института комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации (лето 2015 года) по 1 сентября 2022 года.

Процесс и результаты проведенного исследования

Основным организационно-правовым документом, определяющим структуру региональных комиссий по координации работы по противодействию коррупции, является Типовое положение о региональных комиссиях по координации работы по противодействию коррупции. Имеются и иные нормативные акты Президента Российской Федерации, которые уточняют и дополняют ранее принятые документы, в том числе регулирующие участие представителей институтов гражданского общества в этих комиссиях. Иногда для решения этого сложного вопроса региональные органы власти принимали специальные меры, отражая их в региональных нормативных правовых актах³. Как правило, представители институтов гражданского общества присутствуют в составе указанных комиссий, за исключением комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Калужской области, которая состоит исключительно из чиновников⁴. При этом структура представительства институтов гражданского общества в указанных комиссиях неоднородна. Если участие одних прямо предписано в федеральных нормативных актах (руководители общественных палат субъектов Российской Федерации), то иные представители общественных организаций должны относиться к категории «представители общественных организаций, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции». В отдельных российских регионах в законодательстве, регулирующем деятельность общественных палат, прямо указано их участие в реализации государственной политики противодействия коррупции. Например, частью 2 статьи 2 Закона Самарской области «Об Общественной палате Самарской области» в качестве одной из задач функционирования Общественной палаты Самарской области указано «создание условий для противодействия коррупции на территории Самарской области»⁵. Пунктом 6 части 2 статьи 3 Закона Воронежской области «Об Общественной палате Воронежской области», уже утратившем силу⁶, данная задача была сформулирована несколько иначе: «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению»⁷. Кроме того, перед участниками общественного контроля субъектов Российской Федерации региональным законодательством ставится конкретная задача — формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению⁸ либо указание на факты коррупции в проверяемом органе или организации⁹. Более того, пунктом 4 части 1

статьи 2 закона Республики Саха (Якутия) «Об общественном контроле в Республике Саха (Якутия)» общественным палатам и общественным советам предписано принимать участие в формировании и работе совещательных органов по противодействию коррупции¹⁰. Региональные законодатели наделяют антикоррупционными полномочиями общественные советы при региональных органах исполнительной власти. Например, пунктом 6 части 2 статьи 3 Закона Тульской области «Об общественных советах при органах исполнительной власти Тульской области» в качестве задачи деятельности общественных советов при органах исполнительной власти обозначено «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению»¹¹. На необходимость участия общественных советов в деятельности по противодействию коррупции указывают и современные исследователи [28, с. 250—255].

Проведенное нами исследование показало, что наибольшее количество в составах региональных комиссий по координации работы по противодействию коррупции из представителей общественных организаций занимают руководители общественных палат субъектов Российской Федерации. Они представлены в 76 комиссиях, или 90,5% от общего количества всех исследованных нами региональных комиссий. Лишь в составе восьми комиссий отсутствуют представители региональных общественных палат: город федерального значения Севастополь¹², Республика Башкортостан¹³, Республика Калмыкия¹⁴, Амурская¹⁵, Калужская¹⁶, Московская¹⁷, Псковская¹⁸ и Челябинская¹⁹ области. Вполне естественно, что такое несоответствие федеральным требованиям к представительству руководителей региональных общественных палат в составах комиссий по координации работы по противодействию коррупции в упомянутых субъектах Российской Федерации должно быть устранено.

Следует уточнить, что федеральным и региональным законодательством задачи противодействия коррупции иногда закрепляются за негосударственными некоммерческими организациями. В числе таких негосударственных некоммерческих организаций оказались торгово-промышленные палаты субъектов Российской Федерации [29, с. 108—113], которые отечественные специалисты справедливо относят к институтам гражданского общества, обладающим антикоррупционными полномочиями [30, с. 241—243; 31, с. 327—330]. Впервые антикоррупционная функция торгово-промышленных палат была закреплена федеральным законодательством в декабре 2015 года. Федеральный законодатель предоставил право торгово-промышленным палатам участвовать в выработке и реализации мер по противодействию коррупции при осуществлении хозяйственной деятельности, внося соответствующие изменения в Закон Российской Федерации «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации»²⁰. Это положение федерального зако-

нодательства в полном объеме было перенесено в отдельные региональные законы, регулирующие деятельность торгово-промышленных палат субъектов Российской Федерации: Чеченская Республика²¹, Республика Саха (Якутия)²², Пермский край²³, Владимирская²⁴, Ленинградская²⁵ и Тульская²⁶ области.

Кроме того, региональным законодательством, регулирующим деятельность торгово-промышленных палат субъектов Российской Федерации, также предусматривается участие этих негосударственных некоммерческих организаций в реализации государственной политики противодействия коррупции. Например, статьей 4 Закона Брянской области «О торгово-промышленной палате Брянской области» предусмотрено, что палата принимает участие в работе совещательных органов при губернаторе Брянской области и правительстве Брянской области (п. 8 ч. 1) и оказывает содействие органам государственной власти Брянской области и органам местного самоуправления в реализации мероприятий по противодействию коррупции (ч. 3)²⁷. Это же положение закреплено в законодательстве, регулирующем деятельность торгово-промышленных палат следующих субъектов Российской Федерации: город Москва²⁸, Забайкальский край²⁹, Нижегородская³⁰, Саратовская³¹ и Ульяновская³² области. К тому же действующими региональными документами антикоррупционного планирования предусмотрено участие в их реализации торгово-промышленных палат субъектов Российской Федерации³³. Следовательно, по критерию вовлеченности в реализацию государственной политики противодействия коррупции их представители могут участвовать в работе комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации в качестве полноправных членов. Однако проведенный нами структурный анализ представительства в региональных комиссиях по координации работы по противодействию коррупции показал, что данная категория лиц входит в состав 19 указанных комиссий, что составляет 22,6%, т. е. менее четверти всех региональных комиссий. Более того, из всех перечисленных выше 12 субъектов Российской Федерации, в которых региональным законодательством предусмотрено участие торгово-промышленных палат в реализации государственной политики противодействия коррупции, только в составе комиссии по координации работы по противодействию коррупции Саратовской области имеется их представитель. На наш взгляд, незначительное представительство руководителей торгово-промышленных палат в составе комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации не соответствует их предназначению, правовому положению и антикоррупционным возможностям по обеспечению антикоррупционной безопасности современного российского общества. К тому же, по мнению председателя Торгово-промышленной палаты Российской Федерации С.Н. Катырина, торго-

во-промышленные палаты субъектов Российской Федерации включены в систему профилактики коррупции в нормотворческом процессе — некоторые из них являются независимыми экспертными организациями, аккредитованными на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [32, с. 7—14]. Действительно, привлечение торговых промышленных палат субъектов Российской Федерации к проведению независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов является одной из форм участия этих негосударственных некоммерческих организаций в реализации государственной политики противодействия коррупции, требующей профессиональной антикоррупционной компетентности в сфере нормотворческой деятельности представителей этих палат.

На 5 сентября 2022 года в государственный реестр независимых экспертов (юридических лиц), получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее по тексту — реестр независимых экспертов. — *Примечание автора*), включены 28 региональных и 9 муниципальных торговых промышленных палат. Удивительно, но Торгово-промышленная палата Российской Федерации в этом государственном реестре независимых экспертов отсутствует. Она не взяла на себя функцию независимого эксперта на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов и не реализует в данной форме свои антикоррупционные полномочия, в то время как региональные торговые промышленные палаты осуществляют антикоррупционную экспертизу.

В числе независимых экспертных учреждений оказались следующие региональные торговые промышленные палаты, включенные в государственный реестр независимых экспертов:

- Союз «Торгово-промышленная палата Саратовской области» (рег. № 4);
- Союз «Волжская торговая промышленная палата» (рег. № 9);
- Союз «Торгово-промышленная палата Ростовской области» (рег. № 46);
- Торгово-промышленная палата Нижегородской области (рег. № 79);
- Союз «Торгово-промышленная палата Нижегородской области» (рег. № 434);
- Московская торговая промышленная палата, некоммерческая организация — торговая промышленная палата (рег. № 103)
- Союз «Волгоградская торговая промышленная палата» (рег. № 113);
- Курская торговая промышленная палата (рег. № 117);

- Ленинградская областная торговая промышленная палата (рег. № 118);
- Смоленская торговая промышленная палата (рег. № 125);
- Союз «Торгово-промышленная палата Республики Мордовия» (рег. № 126);
- Пермская торговая промышленная палата (рег. № 142);
- Торгово-промышленная палата Республики Башкортостан (рег. № 144);
- Союз «Рязанская торговая промышленная палата» (рег. № 155);
- Санкт-Петербургская торговая промышленная палата (рег. № 157);
- Торгово-промышленная палата Самарской области (рег. № 158);
- Торгово-промышленная палата Ямало-Ненецкого автономного округа (рег. № 159);
- Северная торговая промышленная палата (рег. № 186);
- Торгово-промышленная палата Республики Ингушетия (рег. № 187);
- Торгово-промышленная палата Краснодарского края (рег. № 190);
- Торгово-промышленная палата Костромской области (рег. № 252);
- Торгово-промышленная палата Ставропольского края (рег. № 253);
- Торгово-промышленная палата Тюменской области (рег. № 253);
- Союз «Торгово-промышленная палата Тюменской области» (рег. № 390);
- Торгово-промышленная палата Республики Татарстан (рег. № 303);
- Союз «Белгородская торговая промышленная палата» (рег. № 364);
- Союз «Торгово-промышленная палата Воронежской области» (рег. № 369);
- Союз «Вологодская торговая промышленная палата» (рег. № 379);
- Союз «Ульяновская областная торговая промышленная палата» (рег. № 400);
- Союз «Калининградская торговая промышленная палата» (рег. № 436).

Следует отметить, что торговые промышленные палаты Нижегородской и Тюменской областей были дважды внесены Минюстом России в государственный реестр независимых экспертов.

Для реализации собственного потенциала в реализации государственной политики противодействия коррупции статус независимых экспертных организаций получили и некоторые муниципальные торговые промышленные палаты. В государственный реестр независимых экспертов внесены следующие муниципальные торговые промышленные палаты:

- Торгово-промышленная палата г. Дзержинска Нижегородской области (рег. № 14);
- Торгово-промышленная палата г. Тольятти (рег. № 36);

- › Новороссийская торгово-промышленная палата (рег. № 104);
- › Балашихинская торгово-промышленная палата (рег. № 111);
- › Пятигорская торгово-промышленная палата (рег. № 136);
- › Солнечногорская торгово-промышленная палата (рег. № 164);
- › Сургутская торгово-промышленная палата (рег. № 201);
- › Союз «Серпуховская торгово-промышленная палата» (рег. № 360);
- › Союз «Торгово-промышленная палата города Волгодонска» (рег. № 426).

Представители указанных торгово-промышленных палат, обладающие профессиональной антикоррупционной компетентностью по профилактике коррупции в правотворческой деятельности, подтвержденной Минюстом России, могут входить в состав комиссий по координации работы по противодействию коррупции соответствующих субъектов Российской Федерации. Кроме того, торгово-промышленные палаты субъектов Российской Федерации выполняют и иные антикоррупционные функции, например, организацию и осуществление регионального общественного антикоррупционного мониторинга [33, с. 108—110; 34, с. 336—340], антикоррупционного просвещения, антикоррупционной пропаганды и другие [35, с. 73—77; 36, с. 175—180; 37, с. 9—10].

Проведенный нами анализ состава комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации показал, что в их составе встречаются представители и других негосударственных некоммерческих организаций — советов муниципальных образований. Их представители находятся в составе 14 комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации, что составляет 16,7% от общего количества указанных комиссий. Проведенный нами анализ регионального законодательства и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы по взаимодействию органов государственной власти субъектов Российской Федерации с советами муниципальных образований, показал, что их взаимодействие предусмотрено только по вопросам местного самоуправления. Как правило, региональный законодатель формулирует реализацию такого взаимодействия в конкретной форме — направлять представителей совета муниципальных образований для участия в работе органов государственной власти в качестве членов экспертных, консультативных, координационных советов и групп, образуемых органами государственной власти³⁴. Однако ни в одном из 41 регионального закона и трех региональных подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих отношения по взаимодействию органов государственной власти субъектов Российской Федерации с советами

муниципальных образований, не предусмотрено такое взаимодействие по вопросам реализации государственной политики противодействия коррупции. Безусловно, участие представителей советов муниципальных образований в составе комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации может быть плодотворным и необходимым, если они обладают соответствующими профессиональными антикоррупционными компетенциями либо являются независимыми экспертами, уполномоченными на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных правовых актов. Например, в числе юридических лиц, получивших аккредитацию уполномоченных на проведение независимой антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в государственном реестре Минюста России находится негосударственная некоммерческая организация «Совет (ассоциация) муниципальных образований Оренбургской области» (рег. № 81). Потенциально представитель этой некоммерческой негосударственной организации может быть включен в состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции Оренбургской области при наличии у него профессиональной антикоррупционной компетентности в сфере нормотворческой деятельности, подтвержденной Минюстом России. Однако в составе комиссии по координации работы по противодействию коррупции Оренбургской области представителя этой негосударственной некоммерческой организации нет³⁵.

В составе комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации должны присутствовать представители специализированных общественных организаций, одной из уставных целей деятельности которых является противодействие коррупции. В типовом положении о комиссии они названы «представители общественных организаций, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции». Эта категория лиц, обладающая профессиональной антикоррупционной компетентностью, должна участвовать в деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации. Проведенный нами анализ состава указанных комиссий показал, что только в 16 комиссиях имеются представители «общественных организаций, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции», или 19% от общего количества.

В составе комиссий по координации работы по противодействию коррупции города Санкт-Петербурга, Республики Бурятия, Белгородской, Владимирской и Псковской областей, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа имеются представи-

тели Общероссийской общественной организации «Центр противодействия коррупции в органах государственной власти». При этом сама Общероссийская общественная организация «Центр противодействия коррупции в органах государственной власти» является организацией, включенной в государственный реестр независимых экспертов (рег. № 208), как и некоторые из её региональных отделений, расположенных в Санкт-Петербурге (рег. № 270), Белгородской (рег. № 112 и 231), Волгоградской (рег. № 65) и Иркутской (рег. № 196) областях, Республике Тыва (рег. № 154), Республике Хакасия (рег. № 174), Республике Бурятия (рег. № 349) и Красноярском крае (рег. № 211).

В состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции Московской области включен председатель правления Межрегиональной общественной организации содействия реализации программ в области противодействия и борьбы с коррупцией «Национальный комитет общественного контроля». Однако, судя по её наименованию, руководство этой общественной организации трудно заподозрить в профессиональной антикоррупционной компетентности, хотя эта общественная организация имеется в государственном реестре независимых экспертов (рег. № 354).

В составе комиссии по координации работы по противодействию коррупции Рязанской области находится председатель Рязанской областной общественной организации «Комиссия содействия правоохранительным органам по борьбе с организованной преступностью и коррупцией».

В составе комиссии по координации работы по противодействию коррупции Тамбовской области присутствует председатель правления Региональной общественной организации «Комитет по борьбе с коррупцией» Тамбовской области.

В состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции Тверской области входит член Общественного совета Тверской региональной общественной организации по противодействию коррупции «Антикоррупционный центр».

В состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции Республики Карелия входит председатель Карельской региональной общественной организации содействия противодействию коррупции «Общественность против коррупции».

Председатель Новгородской региональной общественной организации «Комитет по правозащите граждан и противодействию коррупции» входит в состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции Новгородской области.

Председатель межрегиональной общественной организации «Северо-Западный Центр противодействия коррупции в органах государственной власти» входит в состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции города Санкт-Петербурга. Эта общественная организация

находится в государственном реестре независимых экспертов (рег. № 270).

Председатель политического совета Ингушского регионального отделения общероссийской политической партии «Народ против коррупции» входит в состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции Ингушской Республики.

Сопредседатель общественного совета автономной некоммерческой организации «Центр общественных процедур «Бизнес против коррупции» по административному и гражданскому направлениям входит в состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции Республики Татарстан. Его антикоррупционная компетентность подтверждается тем, что эта некоммерческая организация внесена в государственный реестр независимых экспертов, хотя сам представитель этой организации не входит в список членов данной организации, профессиональная компетентность которых отражена в реестре.

В состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции Алтайского края входит представитель Межрегиональной общественной организации содействия реализации программ в области противодействия и борьбы с коррупцией «Национальный комитет общественного контроля».

Председатель Камчатского регионального отделения общероссийской общественной организации «Общественная комиссия по борьбе с коррупцией» входит в состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции Камчатского края.

Анализ состава комиссий показал, что только две общероссийские общественные организации, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции, имеют свое представительство в комиссиях по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации. Этими общероссийскими общественными организациями являются «Центр противодействия коррупции в органах государственной власти» (в 7 регионах) и «Общественная комиссия по борьбе с коррупцией» (в одном регионе). В остальных регионах в составе комиссий по координации работы по противодействию коррупции представительство организаций, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции, ограничивается региональными или межрегиональными общественными организациями с аналогичными уставными задачами.

Проведенное нами исследование показало, что в составе комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации имеются представители иных общественных организаций, чья профессиональная деятельность не связана с вопросами реализации государственной политики противодействия коррупции. К ним можно отнести представителей общероссийских организаций:

- › «Российская социологическая ассоциация» (Костромская область);
- › «Ассоциация работников правоохранительных органов и спецслужб Российской Федерации» (Липецкая область);
- › общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» (Архангельская и Вологодская области);
- › «Российский союз ветеранов Афганистана» (Ростовская область);
- › «Деловая Россия» (Чувашская Республика).

Значительна доля представительства в составе комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации и иных региональных общественных организаций, в полномочиях которых отсутствуют антикоррупционные функции:

- › профсоюзы (Республика Мордовия, Вологодская и Тюменская области);
- › отраслевые ассоциации и союзы (Санкт-Петербург, Вологодская, Новосибирская и Свердловская области);
- › ветеранские организации (Республика Калмыкия, Омская, Ростовская, Тюменская и Ульяновская области).

Возможно, вхождение данной категории представителей общероссийских и региональных общественных организаций в состав комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации обусловлено не их принадлежностью к данным организациям, а имеющейся профессиональной антикоррупционной компетентностью, но каких-либо документальных подтверждений этой гипотезы нами не обнаружено. Возможно, это лишь та категория лиц, которая обеспечивает кворум на заседаниях при значительной загруженности других членов комиссий.

Анализ персонального состава комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации показал, что в них входят представители региональных отделений общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». При этом уставом Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» участие этой организации в противодействии коррупции не предусмотрено³⁶, хотя отдельные публичные мероприятия по вопросам противодействия коррупции этой организацией проводятся [38, с. 11—13; 39, с. 26—27; 40, с. 16].

В то же время обращение к государственному реестру независимых экспертов показало, что региональные отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» выступают в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных правовых актов.

На 5 сентября 2022 года в государственном реестре независимых экспертов, размещенном на сай-

те Министерства юстиции Российской Федерации³⁷, указано 45 региональных отделений общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Однако лишь в составе 8 комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации имеются представители региональных отделений общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Представительство региональных отделений общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» обнаружено в составах комиссий по координации работы по противодействию коррупции Республики Башкортостан³⁸, Республики Марий Эл³⁹, Пензенской⁴⁰ и Ульяновской⁴¹ областей, Ненецкого автономного округа⁴², Краснодарского⁴³, Пермского⁴⁴ и Ставропольского⁴⁵ краев. Очевидно, что представительство региональных отделений общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» крайне мало в составах комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации и не соответствует их антикоррупционному потенциалу. Такое положение может быть вызвано как низкой антикоррупционной активностью в сфере нормотворчества самих региональных отделений указанной общественной организации, с одной стороны, так и нежеланием включения их представителей в состав комиссий со стороны региональных органов власти — с другой.

Особая категория членов региональных комиссий по координации работы по противодействию коррупции — это лица, аккредитованные Министерством юстиции Российской Федерации в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Включение их в состав указанных комиссий дополнительно предусмотрено пп. «а» п. 43 Национального плана противодействия коррупции на 2021—2024 годы. Проведенный нами структурный анализ состава комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации показал, что лишь в отдельных региональных комиссиях имеется представительство независимых экспертов из государственного реестра независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации (физических лиц). Такие эксперты имеются в составах пяти комиссий по координации работы по противодействию коррупции: Республики Крым, Чувашской Республики, Ямало-Ненецкого автономного округа, Алтайского края и Амурской области. Даже с учетом имеющихся восьми представителей независимых экспертных учреждений в комиссиях по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федера-

ции, для повышения представительства институтов гражданского общества за счет указанной категории специалистов, обладающих профессиональной антикоррупционной компетентностью в сфере нормотворчества, такого количества явно недостаточно. Поэтому дополнение указанных комиссий независимыми экспертами является одним из приоритетных направлений развития их антикоррупционного потенциала.

Самостоятельное значение имеют для состава комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации представители научных и образовательных организаций, в которых имеются специалисты высокой квалификации, обладающие знаниями, умениями и навыками в вопросах противодействия коррупции (эксперты), а пользуясь языком регионального антикоррупционного законодательства, «лица, специализирующиеся на изучении проблем профилактики коррупции»⁴⁶, хотя очевидно, что у коррупции и профилактики коррупции проблем нет. Проблемы есть в сознании плохо подготовленных чиновников и законодателей, которые не могут понять, что специалист высокой квалификации не ищет проблем у коррупции — пусть они у неё будут сохраняться и возрастать вечно в форме адекватной угрозы системного противодействия. Необходимо понять, что такой специалист исследует социальное явление коррупции, его причины, предлагает меры по устранению (нейтрализации, локализации или ликвидации) причин коррупционного поведения и разрабатывает новые технологии противодействия коррупции либо предлагает меры, направленные на повышение эффективности использования имеющихся антикоррупционных инструментов.

Проведенный нами структурный анализ состава комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации показал, что представители научных и образовательных организаций довольно часто входят в состав указанных комиссий в качестве экспертов. Их представительство обнаружено в 64, или 76,2% всех исследованных нами региональных комиссий. Их общее количество в составе указанных комиссий составляет 96 человек, или 5,6% от общего количества всех членов комиссий. Такое количество представителей экспертного сообщества в деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции явно недостаточно. В то же время удивляет состав представительства в указанных комиссиях научных и образовательных организаций. Из всей совокупности представителей научных и образовательных организаций 75, или 78,1% из них, являются ректорами, проректорами, директорами филиалов (руководителями) образовательных учреждений или научных учреждений и только 21 человек, или 21,9%, относятся к категории профессорско-преподавательского состава (заведующие кафедрами (отделами), профессора, доценты, старшие

преподаватели), то есть вовлеченными в научно-исследовательскую деятельность. Возможно, что эти специалисты вовлечены в исследования вопросов повышения эффективности противодействия коррупции. В общей структуре региональных комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации представительство научного сообщества составляет 1,2% от общего состава. При этом не все представители профессорско-преподавательского состава вузов, включенные в состав комиссий, проводят соответствующие исследования, что превращает их в сторонних зрителей на этих мероприятиях, обеспечивающих кворум.

Следует оговориться, что нахождение в составе руководства образовательной или научной организации не исключает участия в научной деятельности и наличия индивидуальной антикоррупционной компетентности у члена комиссии, но существенно ограничивает возможности проведения научных исследований и развития антикоррупционных компетенций. Изложенное позволяет сделать однозначный вывод о том, что региональные органы государственной власти при формировании персонального состава комиссий по координации работы по противодействию коррупции неточно поняли термин «представители образовательных и научных организаций» и фактически подменили его содержанием термином «руководители» указанных организаций. В результате такой интерпретации произошла подмена представительства экспертного сообщества на многоликое, чаще всего некомпетентное представительство руководителей этих организаций, которое необходимо лишь для обеспечения кворума на заседаниях, а не для решения сложных задач противодействия коррупции. В связи с этим встает закономерный вопрос: а по каким объективным критериям необходимо формировать в составе комиссии представительство экспертов от научных и образовательных организаций? На наш взгляд, для научных и образовательных организаций этот вопрос решается просто. Проведение кандидатом в состав комиссии научных исследований по вопросам противодействия коррупции и регулярная ежегодная публикация их результатов в научных, учебных и учебно-методических изданиях либо наличие диплома кандидата (доктора) наук, выданного на основе результатов публичной защиты диссертации по вопросам противодействия коррупции — это основной критерий для кандидатов в состав комиссии. В качестве дополнительных критериев, свидетельствующих о наличии у претендента профессиональной антикоррупционной компетентности, могут выступать ряд обстоятельств. Во-первых, преподавание кандидатом учебных дисциплин по вопросам, связанным с противодействием коррупции, в течение продолжительного периода — не менее трех лет. Во-вторых, наличие у кандидата дополнительного профессионального антикоррупционного об-

разования в виде переподготовки или повышения квалификации по вопросам противодействия коррупции. В-третьих, предыдущая профессиональная деятельность кандидата, связанная с противодействием коррупции в органах публичной власти и/или организациях. Например, прохождение службы в подразделениях правоохранительных органов (МВД России, ФСБ России, Следственный комитет России) по борьбе с коррупцией, в подразделениях по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции органов прокуратуры, подразделениях по профилактике коррупционных и иных правонарушений федеральных государственных органов, органах по профилактике коррупционных и иных правонарушений субъектов Российской Федерации. В-четвертых, нахождение кандидата в государственном реестре независимых экспертов и проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

Проведенный нами структурный анализ комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации показал, что в некоторых из них входят специалисты с высоким уровнем профессиональной антикоррупционной компетентности. Специалисты с высоким статусом эксперта имеются в комиссиях по координации работы по противодействию коррупции:

- ▶ Красноярского⁴⁷ (к. ю. н., доц. И.А. Дамм) и Приморского⁴⁸ (д. ю. н., проф. В.А. Номоконов) краев;
- ▶ Кировской⁴⁹ (к. ю. н., доц. П.Н. Фещенко), Московской⁵⁰ (к. ю. н., доц. А.М. Цирин) и Свердловской⁵¹ (д. ю. н., проф., акад. РАН В.Н. Руденко, д. ю. н., доц. С.Д. Хазанов) областей;
- ▶ Республики Татарстан⁵² (д. ю. н., проф. И.И. Бикеев).

При этом на территории Российской Федерации проводят исследования по вопросам противодействия коррупции по различным научным специальностям около тысячи специалистов, значительная доля которых имеют ученые степени и ученые звания. Однако в числе членов комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации количество этой категории лиц невелико, следовательно, региональным органам власти интеллектуальная составляющая реализации государственной политики противодействия не нужна.

В процессе исследования появился вопрос о статусе независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в структуре комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации, тем более что в действующих нормативных правовых актах не указано, к какой категории представителей институтов гражданского общества их относить. В связи с этим можно с уверенностью сказать, что в структуре ко-

миссий есть две группы независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

Первая группа — это физические лица, индивидуально получившие аккредитацию в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в Минюсте России, входящие в соответствующий государственный реестр независимых экспертов.

Вторая группа — это представители негосударственных некоммерческих и общественных организаций, получившие аккредитацию в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в Минюсте России, входящие в соответствующий государственный реестр независимых экспертов.

Обе эти группы независимых экспертов следует отнести к представителям институтов гражданского общества, которые могут претендовать на включение в состав комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации в качестве членов. Такое представительство многоликого гражданского общества должно быть без претензий на высокий статус эксперта, поскольку их антикоррупционная профессиональная компетентность, даже подтвержденная Министерством юстиции Российской Федерации, касается только одной сферы жизнедеятельности — нормотворчества. Использование независимыми экспертами только одного инструмента — антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов — не делает их компетентными в использовании других инструментов (антикоррупционный мониторинг, антикоррупционное планирование, антикоррупционное просвещение, антикоррупционное образование, антикоррупционная пропаганда и др.) и универсальными специалистами по вопросам противодействия коррупции.

При этом представителей экспертных организаций, включенных в государственный реестр независимых экспертов, при включении в состав комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации следует проверять на обладание ими профессиональной антикоррупционной компетентностью. Сама по себе принадлежность представителя к любой из негосударственных некоммерческих или общественных организаций, получивших аккредитацию в качестве независимого эксперта, не является критерием его профессионализма в вопросах формирования и реализации государственной политики противодействия коррупции; в отдельных случаях у него отсутствует профессиональная антикоррупционная компетентность, которая приобретает десятилетиями профессиональной деятельности. Например, для

представителей юридических лиц, включенных в государственный реестр независимых экспертов по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, определены единые критерии соответствия заявленным требованиям. Более того, в государственном реестре указываются персональные данные экспертов из числа физических лиц (представителей данной организации), благодаря профессиональным качествам которых эти юридические лица внесены в указанный реестр Министерством юстиции Российской Федерации. По этому основанию в состав комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации должны входить лица, чья персональная профессиональная компетентность подтверждена Министерством юстиции Российской Федерации. Однако региональная практика формирования персонального состава комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации идет другим путем.

Выборочный анализ практики формирования комиссий по координации работы по противодействию коррупции Ставропольского края и Ингушской Республики от региональных отделений Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» и Торгово-промышленной палаты Ставропольского края показал следующее. Для получения государственной аккредитации в качестве независимого экспертного учреждения по проведению антикоррупционной экспертизы Ставропольское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» представило документы на своих представителей: докторов юридических наук, профессоров И.Н. Клюковскую и И.В. Мухачева, а также кандидата юридических наук М.П. Мельникову. Необходимо отметить, что вклад в формирование теоретических основ современной государственной политики противодействия коррупции России только одного из представленных экспертов, Ирины Николаевны Клюковской — первого в Российской Федерации специалиста, подготовившего и защитившего докторскую диссертацию по вопросам противодействия коррупции [41], не вызывает сомнений, достаточно прочитать её научные произведения, посвященные данной проблематике [42, с. 12—15; 43; 44, с. 126—128; 45; 46, с. 197—201; 47, с. 138—141; 48; 49, с. 179—185; 50, с. 152—160]. Однако в составе краевой комиссии оказался другой человек — председатель Ставропольского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», персонально не представленный в государственном реестре независимых экспертов. Это положение касается включения в состав комиссии по координации работы по противодействию коррупции Ставропольского края руководителя региональной торгово-промышленной палаты и включения в состав комиссии по ко-

ординации работы по противодействию коррупции Республики Ингушетия заместителя председателя Ингушского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Оба этих члена соответствующих региональных комиссий по координации работы по противодействию коррупции хотя и представляют аккредитованные Минюстом России независимые экспертные организации, но сами не имеют профессиональной антикоррупционной компетентности, подтвержденной Минюстом России.

Невзирая на такие перекосы в формировании комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации, связанные с включением представителей независимых экспертных учреждений, необходимо отметить, что находящиеся в государственных реестрах независимых экспертов (физические и юридические лица) представители субъектов Российской Федерации являются кадровым резервом, который можно использовать для обновления состава комиссий.

Основные выводы по результатам проведенного исследования

Проведенный нами мониторинг представительства институтов гражданского общества в составе комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации показал следующее.

Во-первых, представительство институтов гражданского общества в комиссиях по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации в основном ограничивается наличием в их составе председателей региональных общественных палат; иные категории представителей институтов гражданского общества имеются лишь в составах небольшого количества комиссий.

Во-вторых, в составе комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации недостаточное количество представителей институтов гражданского общества, обладающие специальной профессиональной антикоррупционной компетентностью, в том числе таких категорий, как:

- ▶ представители некоммерческих организаций, уставная деятельность которых связана с противодействием коррупции;
- ▶ представители экспертного сообщества;
- ▶ независимые эксперты, уполномоченные на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Такое положение в структуре комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации противоречит требованиям, изложенным в пп. «а» п. 43 Национального плана

противодействия коррупции на 2021—2024 годы, предусматривающего введение в состав указанных комиссий этой группы представителей институтов гражданского общества.

В-третьих, в целях повышения эффективности деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации и вовлечения представителей институтов гражданского общества в их деятельность высшим должностным лицам органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации необходимо дополнительно ввести в состав указанных комиссий:

➤ представителей некоммерческих организаций, уставная деятельность которых связана с противодействием коррупции;

➤ представителей экспертного сообщества — лиц, обладающих профессиональной антикоррупционной компетентностью;

➤ независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, внесенных в государственный реестр независимых экспертов.

В-четвертых, научно-исследовательским и образовательным организациям высшего образования Российской Федерации необходимо разработать единые критерии включения в состав комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации для различных категорий представителей институтов гражданского общества.

Сноски

1. Указ Президента РФ от 15.07.2015 № 364 (в ред. от 25.04.2022 № 232) «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть II). ст. 4477.
2. Указ Президента РФ от 15.07.2015 № 364 (в ред. от 25.04.2022 № 232) «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть II). ст. 4477.
3. См., например: Распоряжение Губернатора Новосибирской области от 23.05.2017 № 93-р «О плане совместных мероприятий Общественной палаты Новосибирской области, органов государственной власти Новосибирской области, государственных органов Новосибирской области по повышению роли гражданского общества в противодействии коррупции на 2017 год» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/465717021?ysclid=l87hu9da5332322559> (дата обращения: 18.09.2022).
4. Постановление Губернатора Калужской области от 16.10.2015 № 482 (в ред. от 25.07.2022 № 322) «О комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Калужской области» // Весть документы. 2015. 30 октября.
5. Закон Самарской области от 11.02.2008 № 8-ГД (в ред. от 17.03.2021 № 21-ГД) «Об Общественной палате Самарской области» // Волжская коммуна. 2008. 14 февраля.
6. Закон Воронежской области от 16.12.2016 № 169-ОЗ «Об Общественной палате Воронежской области и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов Воронежской области» // Информационная система «Портал Воронежской области в сети Интернет», URL: <http://www.govrn.ru>, 21.12.2016.
7. Закон Воронежской области от 02.07.2008 № 66-ОЗ (в ред. от 11.12.2014 № 175-ОЗ) «Об Общественной палате Воронежской области» // Молодой коммунар. 2008. 12 июля.
8. Закон Воронежской области от 05.06.2015 № 103-ОЗ (в ред. от 26.09.2018 № 112-ОЗ) «О регулировании отдельных вопросов осуществления общественного контроля в Воронежской области» // Информационная система «Портал Воронежской области в сети Интернет», URL: <http://www.govrn.ru>, 08.06.2015; Закон Кировской области от 11.11.2016 № 8-ЗО (в ред. от 23.07.2019 № 284-ЗО) «Об общественном контроле в Кировской области» // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. 2016. № 6(168). ст. 6071; Закон Нижегородской области от 22.09.2015 № 127-З (в ред. от 10.09.2021 № 110-З) «Об общественном контроле в Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2015. 8 декабря; Закон Свердловской области от 19.12.2016 № 151-ОЗ (в ред. от 26.02.2018 № 19-ОЗ) «Об общественном контроле в Свердловской области» // Областная газета. 2016. 22 декабря.
9. Закон Вологодской области от 07.12.2015 № 3806-ОЗ (в ред. от 11.12.2020 № 4821-ОЗ) «Об отдельных вопросах осуществления общественного контроля в Вологодской области» // Красный Север. 2015. 12 декабря; Закон Карачаево-Черкесской Республики от 01.07.2022 № 36-РЗ «Об отдельных вопросах организации и осуществления общественного контроля в Карачаево-Черкесской Республике» // Официальный интернет-портал правовой информации, URL: <http://pravo.gov.ru>, 05.07.2022; Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 21.12.2015 № 139-ЗАО (в ред. от 24.12.2018 № 126-ЗАО) «Об общественном контроле в Ямало-Ненецком автономном округе» // Красный Север. 2015. 28 декабря.
10. Закон Республики Саха (Якутия) от 30.04.2014 1305-3 № 167-V (в ред. от 27.11.2015 1514-3 № 589-V) «Об общественном контроле в Республике Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2014. 24 мая.
11. Закон Тульской области от 18.06.2021 № 50-ЗТО «Об общественных советах при органах исполнительной власти Тульской области» // Сборник правовых актов Тульской области и иной официальной информации, URL: <http://npatula.ru>, 18.06.2021.
12. Указ Губернатора города Севастополя от 15.10.2015 № 100-УГ (в ред. от 28.06.2021 № 54Т-УГ) «О создании Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в городе Севастополе» // Официальный сайт Правительства Севастополя, URL: <http://sevastopol.gov.ru>, 16.10.2015.
13. Указ Главы Республики Башкортостан от 09.10.2015 № УГ-249 (в ред. от 31.05.2022 № УГ-351) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 15 июля 2015 года № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» // Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Главы и Правительства Республики Башкортостан. 2015. № 31(505). ст. 1312.
14. Указ Главы Республики Калмыкия от 15.09.2008 № 162 (в ред. от 11.04.2022 № 55) «О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Республике Калмыкия» // Хальмг унн. 2008. 17 сентября.
15. Постановление Губернатора Амурской области от 12.10.2015 № 252 (в ред. от 31.01.2022 №19) «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» // Официальный интернет-портал правовой информации, URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 15.10.2015.
16. Постановление Губернатора Калужской области от 16.10.2015 № 482 (в ред. от 25.07.2022 № 322) «О комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Калужской области» // Весть документы. 2015. 30 октября.
17. Постановление Губернатора Московской области от 08.07.2019 №315-ПП (в ред. от 31.03.2022 № 95-ПП) «О некоторых вопросах деятельности комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Московской области» // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2019. 29 июля.
18. Распоряжение Губернатора Псковской области от 20.01.2020 № 4-РГ (в ред. от 26.05.2022 № 71-РГ) «О составе комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Псковской области».
19. Постановление Губернатора Челябинской области от 06.08.2008 № 245 (в ред. от 12.01.2022 № 2) «О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Челябинской области» // Сборник нормативных правовых актов Губернатора и Правительства Челябинской области. 2008, № 8, август.
20. Федеральный закон от 30.12.2015 № 451-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). ст. 71.
21. Закон Чеченской Республики от 20.12.2006 № 57-РЗ (в ред. от 15.03.2021 № 13-РЗ) «О Торгово-промышленной палате Чеченской Республики» // Вести Республики. 2006. 28 декабря.
22. Закон Республики Саха (Якутия) от 03.07.2018 2040-3 № 1639-V «О Торгово-промышленной палате Республики Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2018. 19 июля.

23. Закон Пермского края от 27.04.2018 № 220-ПК «О Пермской торгово-промышленной палате» // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2018, № 17, часть 1.
24. Закон Владимирской области от 21.08.2018 № 84-ОЗ (в ред. от 02.12.2020 № 116-ОЗ) «О Торгово-промышленной палате Владимирской области» // Владимирские ведомости. 2018. 1 сентября.
25. Областной закон Ленинградской области от 17.02.2020 № 18-оз (в ред. от 15.03.2021 № 19-оз) «О Торгово-промышленной палате Ленинградской области» // Официальный интернет-портал Администрации Ленинградской области, URL: <http://www.lenobl.ru>, 17.02.2020.
26. Закон Тульской области от 28.11.2019 № 113-ЗТО (в ред. от 31.01.2022 № 2-ЗТО) «О торгово-промышленной палате Тульской области» // Сборник правовых актов Тульской области и иной официальной информации, URL: <http://npatula.ru>, 29.11.2019.
27. Закон Брянской области от 03.02.2020 № 5-3 «О торгово-промышленной палате Брянской области» // Официальный интернет-портал правовой информации, URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.02.2020.
28. Закон г. Москвы от 27.03.2002 № 17 (в ред. от 15.02.2017 № 2) «О Московской торгово-промышленной палате» // Ведомости Московской городской Думы. 2002. № 5 ст. 80.
29. Закон Забайкальского края от 03.12.2019 № 1772-33К «О Торгово-промышленной палате Забайкальского края» // Официальный интернет-портал правовой информации, URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.12.2019.
30. Закон Нижегородской области от 03.05.2017 № 50-3 «О Торгово-промышленной палате Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2017. 16 июня.
31. Закон Саратовской области от 06.06.2019 № 55-ЗСО (в ред. от 20.12.2019 № 143-ЗСО) «О Торгово-промышленной палате Саратовской области» // Собрание законодательства Саратовской области. 2019, № 5, май-июнь.
32. Закон Ульяновской области от 22.09.2017 № 116-ЗО «О торгово-промышленной Палате Ульяновской области» // Официальный интернет-портал правовой информации, URL: www.pravo.gov.ru, 27.09.2017.
33. Указ Главы Республики Коми от 16.09.2021 № 111 (в ред. от 06.04.2022 № 37) «Об утверждении региональной программы «Противодействие коррупции в Республике Коми (2021 - 2024 годы)» и признании утратившими силу некоторых указов Главы Республики Коми» // Сетевое издание «Перечень правовых актов, принятых органами государственной власти Республики Коми, иной официальной информации», URL: <http://www.law.rkomi.ru>, 16.09.2021; Указ Губернатора Архангельской области от 07.09.2021 № 116-у (в ред. от 22.04.2022 № 61-у) «Об утверждении плана противодействия коррупции в Архангельской области на 2021 - 2024 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации, URL: <http://pravo.gov.ru>, 09.09.2021; Постановление Правительства Республики Дагестан от 29.12.2018 № 206 (в ред. от 22.09.2021 № 421) «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «О противодействии коррупции в Республике Дагестан» // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Дагестан, URL: <http://pravo.e-dag.ru>, 09.01.2019; Постановление Правительства Оренбургской области от 28.06.2019 № 417-пп (в ред. от 24.11.2020 № 959-пп) «Об утверждении региональной программы противодействия коррупции в Оренбургской области на 2019 - 2024 годы» // Портал официального опубликования нормативных правовых актов Оренбургской области и органов исполнительной власти Оренбургской области, URL: <http://www.pravo.orb.ru>, 01.07.2019. Постановление Правительства Ульяновской области от 24.08.2022 № 478-П «Об утверждении областной программы «Противодействие коррупции в Ульяновской области» // Ульяновская правда. 2022. 9 сентября; Распоряжение Администрации Томской области от 18.05.2018 № 324-ра (в ред. от 22.10.2021 № 645-ра) «Об утверждении региональной программы противодействия коррупции в Томской области на 2018 - 2024 годы» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/467945409?ysclid=187i8eur3у390566781> (дата обращения: 18.09.2022).
34. См.: например: Закон Мурманской области от 09.07.2010 № 1254-01-ЗМО (в ред. от 30.05.2022 № 2767-01-ЗМО) «О взаимодействии органов государственной власти Мурманской области с Ассоциацией «Совет муниципальных образований Мурманской области» // Мурманский Вестник. 2010. 14 июля.
35. Указ Губернатора Оренбургской области от 15.10.2015 № 791-ук (в ред. от 14.12.2021 № 694-ук) «О комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Оренбургской области» // Оренбуржье. 2015. 23 октября.
36. Устав Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» // https://alrf.ru/upload/doc/Устав_АЮР_2019.pdf (Дата обращения: 04.09.2022).
URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/gosudarstvennyj-reestr-nezavisimyh/> (Дата обращения: 04.09.2022).
38. Указ Главы Республики Башкортостан от 09.10.2015 № УГ-249 (в ред. от 25.01.2022 № УГ-31) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 15 июля 2015 года N 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» // Ведомости Государственного Собрания - Курултая, Главы и Правительства Республики Башкортостан. 2015. № 31(505). ст. 1312.
39. Указ Главы Республики Марий Эл от 02.10.2015 № 283 (в ред. от 06.07.2022 № 96) «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» // Официальный интернет-портал Республики Марий Эл, URL: <http://марийэл.рф>, 02.10.2015.
40. Постановление Губернатора Пензенской области от 05.10.2015 № 120 (в ред. от 09.08.2022 № 34) «О комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Пензенской области» // Пензенские губернские ведомости. 2015. 9 октября.
41. Постановление Губернатора Ульяновской области от 12.10.2015 № 179 (в ред. от 12.01.2022 № 4) «Об утверждении Положения о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Ульяновской области и признании утратившими силу некоторых постановлений Губернатора Ульяновской области» // Ульяновская правда. 2015. 20 октября.
42. Постановление Губернатора Ненецкого автономного округа от 09.10.2015 № 84-пг (в ред. от 28.05.2018 № 32-пг) «О комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Ненецком автономном округе» // Официальный интернет-портал правовой информации, URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 12.10.2015.
43. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 15.10.2015 № 972 (в ред. от 17.05.2022 № 279) «О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Краснодарском крае» // Официальный сайт администрации Краснодарского края, URL: <http://admkrai.krasnodar.ru>, 20.10.2015.
44. Распоряжение Губернатора Пермского края от 14.09.2021 № 219-р (в ред. от 18.04.2022 № 76-р) «О комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Пермском крае» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/574886406?ysclid=17nkfs1cdn967553898> (дата обращения: 04.09.2022).
45. Постановление Губернатора Ставропольского края от 11.10.2015 № 557 (в ред. от 17.06.2022 № 234) «О комиссии при Губернаторе Ставропольского края по координации работы по противодействию коррупции в Ставропольском крае» // Официальный интернет-портал правовой информации Ставропольского края, URL: <http://www.pravo.stavregion.ru>, 19.10.2015.
46. Закон Оренбургской области от 15.09.2008 № 2369/497-IV-ОЗ (в ред. от 30.08.2022 № 440/143-VII-ОЗ) «О противодействии коррупции в Оренбургской области» // Южный Урал. 2008. 27 сентября.
47. Распоряжение Губернатора Красноярского края от 11.01.2022 № 5-рг «Об утверждении состава комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Красноярском крае» // Официальный интернет-портал правовой информации Красноярского края, URL: <http://www.zakon.krskstate.ru>, 12.01.2022.
48. Распоряжение Губернатора Приморского края от 11.03.2022 № 51-рг «О внесении изменений в распоряжение Губернатора Приморского края от 2 февраля 2016 года № 19-рг «Об утверждении состава комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Приморском крае и состава ее президиума».
49. Указ Губернатора Кировской области от 23.09.2015 № 212 (в ред. 01.06.2022 № 13) «Об образовании комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Кировской области» // Официальный информационный сайт Правительства Кировской области, URL: <http://kirovreg.ru>, 23.09.2015.
50. Постановление Губернатора Московской области от 08.07.2019 № 315-ПГ (в ред. от 31.03.2022 № 95-ПГ) «О некоторых вопросах деятельности комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Московской области» // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2019. 29 июля.
51. Указ Губернатора Свердловской области от 09.10.2015 № 449-УГ (в ред. от 02.03.2022 № 97-УГ) «О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Свердловской области» // Собрание законодательства Свердловской области. 2016. № 10. ст. 1611.
52. Указ Президента Республики Татарстан от 13.10.2015 № УП-986 (в ред. от 10.03.2022 № УП-196) «О Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Республике Татарстан» // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 2015. № 78. Ст. 2688.

Литература

1. Максуров А.А., Макаров И.И. Координация в праве : монография. Ярославль : ЯФ МФЮА, 2012. 320 с.
2. Максуров А.А. Проблемы эффективности координации деятельности по борьбе с коррупцией // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 49—55.
3. Кабанов П.А. Президиум Совета при Президенте Российской Федерации и образуемые им рабочие органы как высшие федеральные специализированные антикоррупционные учреждения: вопросы повышения качества правового регулирования и эффективности их деятельности // Вестник Административного права и практика администрирования. 2013. № 2. С. 91—104. DOI: 10.7256/2306-9945.2013.2.370 . URL: https://e-notabene.ru/al/article_370.html
4. Заседание рабочей группы президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции по вопросам взаимодействия со структурами гражданского общества (под председательством министра юстиции РФ А.В. Коновалова) (29.09.2014 г.) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2014. № 4. С. 15.
5. Заседание рабочей группы президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции по вопросам взаимодействия со структурами гражданского общества в Минюсте РФ 21.11.2011 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2011. № 1. С. 22—23.
6. Взаимодействие институтов гражданского общества и органов местного самоуправления в сфере противодействия коррупции: материалы Всероссийского межвузовского «круглого стола», г. Нижнекамск, 23 декабря 2011 г. / Отв. ред. д. ю. н., проф. П.А. Кабанов; д. ф. н., доц. О.Д. Агапов. Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2012. 115 с.
7. Вовлеченность институтов гражданского общества в антикоррупционную деятельность органов публичной власти Республики Татарстан : аналитический доклад / Под науч. ред. П.А. Кабанова и И.И. Бикеева. Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. 28 с.
8. Бикеев И.И., Дудко Е.В., Кабанов П.А., Плаксимова А.Н., Хайрутдинова Л.Р. Мониторинг взаимодействия органов публичной власти Республики Татарстан и институтов гражданского общества при реализации государственной политики противодействия коррупции: результаты социологического исследования // Следователь. 2013. № 10. С. 2—3.
9. Бикеев И.И., Кабанов П.А. Криминологический мониторинг состояния взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации, входящих в Приволжский федеральный округ, с институтами гражданского общества при формировании и деятельности специализированных антикоррупционных органов // Следователь. 2011. № 10. С. 9—14.
10. Газимзянов Р.Р., Кабанов П.А. О состоянии вовлеченности институтов гражданского общества в деятельность органов публичной власти Республики Татарстан при разработке важнейших антикоррупционных программных документов // Следователь. 2011. № 9. С. 8—10.
11. Кабанов П.А. Взаимодействие научных и образовательных организаций с органами Российской Федерации по методическому обеспечению деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции публичной власти субъектов // Диалектика противодействия коррупции: материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 27 ноября 2020 г. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. С. 44—48.
12. Кабанов П.А. Криминологический мониторинг взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Мониторинг правоприменения. 2012. № 4. С. 25—31.
13. Кабанов П.А. Криминологический мониторинг взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции при формировании и осуществлении деятельности специализированных совещательных, консультативных, координационных и экспертных антикоррупционных органов // Следователь. 2011. № 6. С. 7—25.
14. Кабанов П.А. Мониторинговое исследование взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации с институтами гражданского общества при формировании и осуществлении деятельности специализированных совещательных, консультативных, координационных и экспертных антикоррупционных органов (аналитический доклад по результатам контент-анализа официальных источников на август 2012 года) // Следователь. 2012. № 12. С. 22—30.
15. Кабанов П.А. Криминологический мониторинг взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции при формировании специализированных антикоррупционных органов // Проблемы современной науки и практики. 2012. № 3-4. С. 59—63.
16. Кабанов П.А. Некоторые формы взаимодействия институтов гражданского общества с органами местного самоуправления в области противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 5—8.
17. Кабанов П.А. Основные формы взаимодействия институтов гражданского общества с органами местного самоуправления в области противодействия коррупции // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 6. С. 22—24.
18. Кабанов П.А. Основные направления взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества по реализации государственной политики противодействия коррупции // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т.1. № 8. С. 58—65.
19. Бикеев И.И., Кабанов П.А., Никитин С.Г. Проблемы финансовой поддержки органами публичной власти Российской Федерации антикоррупционной деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций: аналитический доклад к заседанию рабочей группы президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции по взаимодействию со структурами гражданского общества 26.06.2018. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова, 2018. 14 С.
20. Бикеев И.И., Кабанов П.А. Региональные антикоррупционные программы: сравнительный анализ эффективности: аналитический доклад к заседанию рабочей группы президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции по взаимодействию со структурами гражданского общества. 25 декабря 2019 г. Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. 72 с.

21. Научно-практический комментарий к Типовому положению о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации, утвержденному Указом Президента Российской Федерации № 364 от 15 июля 2015 года / Под науч. ред. д. ю. н., проф. И.И. Бикеева, д. ю. н., проф. П.А. Кабанова. Казань, 2016. 156 с.
22. Агеев В.Н. К вопросу о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации // *Вестник Административного права и практики администрирования*. 2015. № 5. С. 34—52.
23. Агеев В.Н. Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации: основные задачи и механизмы их реализации // *Юридические исследования*. 2016. № 4. С. 1—10.
24. Агеев В.Н. Основные задачи комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации // *Право и политика*. 2020. № 6. С. 56—73.
25. Матулис С.Н. Правовые основы деятельности комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2018. № 7 (259). С. 149—157.
26. Соловьева К.В. Задачи и направления деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъекте России (на примере Чувашской Республики) // *Актуальные проблемы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти д. ю. н., проф., почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженного работника образования Чувашской Республики Аркадия Сизого*. Чебоксары, 2022. С. 521—525.
27. Кабанов П.А. Мониторинг состояния вовлеченности институтов гражданского общества в деятельность комиссий по координации работы по противодействию коррупции субъектов Российской Федерации // *Мониторинг правоприменения*. 2022. № 2(43). С. 33—45. DOI: 10.21681/2226-0692-2022-2-33-45.
28. Тапенова А. Общественные советы как институт гражданского общества по противодействию коррупции // *Государственная политика противодействия коррупции в России и за рубежом: состояние и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции (Тамбов, 9 декабря 2016 г.)*. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2017. С. 250—255.
29. Куликова Ю.А. Торгово-промышленная палата как один из видов некоммерческой организации в России // *Вестник Российского государственного аграрного заочного университета*. 2021. № 38 (43). С. 108—113.
30. Красноусов С.Д. Торгово-промышленная палата РФ как институт гражданского общества в системе противодействия коррупции // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 8. С. 241—243.
31. Столярова А.Н., Михайлова Е.М. Некоторые особенности деятельности торгово-промышленных палат в вопросах противодействия коррупции // *Система ПОД/ФТ в глобальном мире: риски и угрозы мировой экономики. Сборник тезисов докладов участников V Международной научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ*. (Москва, 14—15 ноября 2019 г.). Москва : Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2020. С. 327—330.
32. Кагырин С.Н. Роль торгово-промышленных палат в формировании партнерства государства и бизнеса в противодействии коррупции // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2015. № 4. С. 7—14.
33. Андрухина О.В. Антикоррупционный мониторинг как один из элементов противодействия коррупции в России. Результаты проведенного торгово-промышленной палатой Нижегородской области антикоррупционного мониторинга в 2012 году // *Евразийский юридический журнал*. 2013. № 11 (66). С. 108—110.
34. Николаев А.С. Система торгово-промышленных палат в противодействии коррупции // *Вестник научных трудов «Юристъ»*. По материалам заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции. В 2-х ч. / Под ред. Н.Т. Димитриевой [и др.]. Казань, 2020. С. 336—340.
35. Левина Ю.В. О реализации специального проекта Торгово-промышленной палаты Российской Федерации «Бизнес-барометр коррупции» // *Реализация в Южном федеральном округе государственной политики в сфере противодействия коррупции. Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 9 декабря 2020 г.) / Под общей ред. Б.М. Магомедова, А.А. Никитиной, Р.В. Бушманова*. Ростов н/Д, 2020. С. 73—77.
36. Николаев А.С. Внедрение и реализация Антикоррупционной хартии российского бизнеса в системе торгово-промышленных палат // *Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности в сфере противодействия коррупции на современном этапе развития АПК. Сборник научно-практических материалов Международной научно-практической конференции, подготовленный по результатам заседания Совета общественных организаций и объединений Республики Татарстан по противодействию коррупции*. Казань, 2021. С. 175—180.
37. Юсупов М.Р. Антикоррупционный комитет Московской Торгово-промышленной палаты поможет бизнесу в борьбе с коррупцией // *Право и безопасность*. 2011. № 3-4. С. 9—10.
38. В Ассоциации юристов России состоялось экспертное обсуждение противодействия коррупции в спорте // *Юридический мир*. 2015. № 1. С. 11—13.
39. Заседание комиссии Ассоциации юристов России по противодействию коррупции // *Юридический мир*. 2015. № 5. С. 26—27.
40. Заседание комиссии по противодействию коррупции Ассоциации юристов России под председательством А.В. Федорова (06.10.2014 г.) // *Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ*. 2014. № 4. С. 16.
41. Ключовская И.Н. Теоретические основы криминологического исследования антикоррупционной политики : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2004. 353 с.
42. Ключовская И.Н. Антикоррупционная политика как вид правовой политики // *Современное право*. 2004. № 3. С. 12—15.
43. Ключовская И.Н. Вопросы теории антикоррупционной политики. Москва, 2003. 91 с.
44. Ключовская И.Н. Оценка эффективности реализации антикоррупционной политики // *Общество и право*. 2009. № 2 (24). С. 126—128.
45. Ключовская И.Н. Теоретические основы криминологического исследования антикоррупционной политики : монография. Ставрополь, 2004.
46. Ключовская И.Н., Зикеев В.А. Пути совершенствования антикоррупционного законодательства // *Общество и право*. 2016. № 2 (56). С. 197—201.

47. Клюковская И.Н., Мелекаев Р.К. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как форма реализации антикоррупционной политики : монография. Москва : Илекса, 2015. 296 С.
48. Клюковская И.Н., Мелекаев Р.К. Правовая природа и принципы криминологической антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов // Общество и право. 2011. № 5. С. 138—141.
49. Клюковская И.Н., Пинкевич Т.В. Методологические подходы к определению индикаторов эффективности правозащитного и правоприменительного направлений реализации антикоррупционной политики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 179—185.
50. Клюковская И.Н., Тер-Аванесова И.Н. Развитие современных информационно-коммуникативных технологий и их влияние на динамику коррупционных проявлений // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 152—160.

PUBLIC LAW SCIENCES (CONSTITUTIONAL LAW SCIENCES)

MONITORING THE REPRESENTATION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE COMMISSIONS COORDINATING THE ACTIVITIES FOR COMBATING CORRUPTION IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pavel Kabanov²

Keywords: *legal regulation monitoring, corruption, combating corruption, coordination, cooperation, civil society.*

Abstract

Purpose of the study: assessing the current state of the representation of civil society institutions in the commissions coordinating the activities for combating corruption in the subjects of the Russian Federation and working out recommendations for improving the structure of these commissions in order to raise the efficiency of their functioning.

Method of study: the main method used is the comparative legal studies method.

Study findings: an assessment is given for the state of the representation of civil society institutions in the commissions coordinating the activities for combating corruption in the subjects of the Russian Federation. It is noted that enlisting representatives of civil society institutions in the commissions coordinating the activities for combating corruption in the subjects of the Russian Federation doesn't comply with the requirements imposed by anti-corruption and other laws. For removing this discrepancy the author proposes to introduce criteria for participation of representatives of civil society institutions in the commissions coordinating the activities for combating corruption in the subjects of the Russian Federation (involvement in combating corruption in accordance with the law or founding documents, professional anti-corruption competence).

Research novelty: monitoring the representation of civil society institutions in the commissions coordinating the activities for combating corruption in the subjects of the Russian Federation is the first research study aimed at an objective assessment of the structure of the said commissions, its compliance with federal and regional legal regulations, and ways for bringing it to compliance with their requirements.

Practical importance: the mechanisms proposed by the author for bringing the commissions coordinating the activities for combating corruption in the subjects of the Russian Federation to compliance with the requirements of the federal and regional anti-corruption laws can be used in forming and reforming the activities of these commissions.

References

1. Maksurov A.A., Makarov I.I. Koordinatsiia v prave : monografiia. Iaroslavl' : IaF MFYuA, 2012. 320 pp.
2. Maksurov A.A. Problemy effektivnosti koordinatsii deiatel'nosti po bor'be s korruptsiei. Aktual'nye problemy ekonomiki i prava, 2014, No. 1 (29), pp. 49–55.
3. Kabanov P.A. Prezidium Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii i obrazuemye im rabochie organy kak vysshie federal'nye spetsializirovannye antikorrupsionnye uchrezhdeniia: voprosy povysheniia kachestva pravovogo regulirovaniia i effektivnosti ikh deiatel'nosti. NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniia, 2013, No. 2, pp. 91–104. DOI: 10.7256/2306-9945.2013.2.370 . URL: https://e-notabene.ru/al/article_370.html

² Pavel Kabanov, Dr.Sc. (Law), Associate Professor, Director of the Research Institute for Combating Corruption of the Timiryasov Kazan Innovation University, member of the Expert Council under the Directorate of the President of the Russian Federation for Problems of Combating Corruption, member of the Working Group for Co-operation with Civil Society Structures of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Combating Corruption, Kazan, Russian Federation. E-mail: kabanov@mail.ru

4. Zasedanie rabochei gruppy prezidiuma Soveta pri Prezidente RF po protivodeistviu korruptsii po voprosam vzaimodeistviia so strukturami grazhdanskogo obshchestva (pod predsedatel'stvom ministra iustitsii RF A.V. Konovalova) (29.09.2014 g.). Vestnik Federal'noi palaty advokатов RF, 2014, No. 4, p. 15.
5. Zasedanie rabochei gruppy prezidiuma Soveta pri Prezidente RF po protivodeistviu korruptsii po voprosam vzaimodeistviia so strukturami grazhdanskogo obshchestva v Miniuste RF 21.11.2011. Vestnik Federal'noi palaty advokатов RF, 2011, No. 1, pp. 22–23.
6. Vzaimodeistvie institutov grazhdanskogo obshchestva i organov mestnogo samoupravleniia v sfere protivodeistviia korruptsii: materialy Vserossiiskogo mezhvuzovskogo "kruglogo stola", g. Nizhnekamsk, 23 dekabria 2011 g. Otv. red. d. iu. n., prof. P.A. Kabanov; d. f. n., dots. O.D. Agapov. Kazan' : Izd-vo "Poznanie" Instituta ekonomiki, upravleniia i prava, 2012. 115 pp.
7. Vovlechennost' institutov grazhdanskogo obshchestva v antikorrupsionnoi deiatel'nost' organov publichnoi vlasti Respubliki Tatarstan : analiticheskii doklad. Pod nauch. red. P.A. Kabanova i I.I. Bikeeva. Kazan' : Izd-vo "Poznanie" Instituta ekonomiki, upravleniia i prava, 2011. 28 pp.
8. Bikeev I.I., Dudko E.V., Kabanov P.A., Plaksimova A.N., Khairutdinova L.R. Monitoring vzaimodeistviia organov publichnoi vlasti Respubliki Tatarstan i institutov grazhdanskogo obshchestva pri realizatsii gosudarstvennoi politiki protivodeistviia korruptsii: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniia. Sledovatel', 2013, No. 10, pp. 2–3.
9. Bikeev I.I., Kabanov P.A. Kriminologicheskii monitoring sostoiianiia vzaimodeistviia organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii, vkhodiashchikh v Privolzhskii federal'nyi okrug, s institutami grazhdanskogo obshchestva pri formirovanii i deiatel'nosti spetsializirovannykh antikorrupsionnykh organov. Sledovatel', 2011, No. 10, pp. 9–14.
10. Gazimzianov R.R., Kabanov P.A. O sostoianii vovlechennosti institutov grazhdanskogo obshchestva v deiatel'nost' organov publichnoi vlasti Respubliki Tatarstan pri razrabotke vazhneishikh antikorrupsionnykh programmykh dokumentov. Sledovatel', 2011, No. 9, pp. 8–10.
11. Kabanov P.A. Vzaimodeistvie nauchnykh i obrazovatel'nykh organizatsii s organami Rossiiskoi Federatsii po metodicheskomu obespecheniiu deiatel'nosti komissii po koordinatsii raboty po protivodeistviu korruptsii publichnoi vlasti sub'ektov. Dialektika protivodeistviia korruptsii: materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 27 noiabria 2020 g. Kazan' : Izd-vo "Poznanie" Kazanskogo innovatsionnogo universiteta, 2021, pp. 44–48.
12. Kabanov P.A. Kriminologicheskii monitoring vzaimodeistviia organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii s institutami grazhdanskogo obshchestva v sfere protivodeistviia korruptsii. Monitoring pravoprimeneniia, 2012, No. 4, pp. 25–31.
13. Kabanov P.A. Kriminologicheskii monitoring vzaimodeistviia organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii s institutami grazhdanskogo obshchestva v sfere protivodeistviia korruptsii pri formirovanii i osushchestvlenii deiatel'nosti spetsializirovannykh soveshchatel'nykh, konsul'tativnykh, koordinatsionnykh i ekspertnykh antikorrupsionnykh organov. Sledovatel', 2011, No. 6, pp. 7–25.
14. Kabanov P.A. Monitoringovoe issledovanie vzaimodeistviia organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii s institutami grazhdanskogo obshchestva pri formirovanii i osushchestvlenii deiatel'nosti spetsializirovannykh soveshchatel'nykh, konsul'tativnykh, koordinatsionnykh i ekspertnykh antikorrupsionnykh organov (analiticheskii doklad po rezul'tatam kontent-analiza ofitsial'nykh istochnikov na avgust 2012 goda). Sledovatel', 2012, No. 12, pp. 22–30.
15. Kabanov P.A. Kriminologicheskii monitoring vzaimodeistviia organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii, vkhodiashchikh v Severo-Kavkazskii federal'nyi okrug, s institutami grazhdanskogo obshchestva v sfere protivodeistviia korruptsii pri formirovanii spetsializirovannykh antikorrupsionnykh organov. Problemy sovremennoi nauki i praktiki, 2012, No. 3-4, pp. 59–63.
16. Kabanov P.A. Nekotorye formy vzaimodeistviia institutov grazhdanskogo obshchestva s organami mestnogo samoupravleniia v oblasti protivodeistviia korruptsii. Administrativnoe i munitsipal'noe pravo, 2012, No. 5, pp. 5–8.
17. Kabanov P.A. Osnovnye formy vzaimodeistviia institutov grazhdanskogo obshchestva s organami mestnogo samoupravleniia v oblasti protivodeistviia korruptsii. Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie, 2012, No. 6, pp. 22–24.
18. Kabanov P.A. Osnovnye napravleniia vzaimodeistviia organov publichnoi vlasti s institutami grazhdanskogo obshchestva po realizatsii gosudarstvennoi politiki protivodeistviia korruptsii. Sotsial'naia integratsiia i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve, 2019, t. 1, No. 8, pp. 58–65.
19. Bikeev I.I., Kabanov P.A., Nikitin S.G. Problemy finansovoi podderzhki organami publichnoi vlasti Rossiiskoi Federatsii antikorrupsionnoi deiatel'nosti sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsii: analiticheskii doklad k zasedaniu rabochei gruppy prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po protivodeistviu korruptsii po vzaimodeistviu so strukturami grazhdanskogo obshchestva 26.06.2018. Kazan' : Izd-vo "Poznanie" Kazanskogo innovatsionnogo universiteta im. V.G. Timiriasova, 2018. 14 pp.
20. Bikeev I.I., Kabanov P.A. Regional'nye antikorrupsionnye programmy: sravnitel'nyi analiz effektivnosti: analiticheskii doklad k zasedaniu rabochei gruppy prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po protivodeistviu korruptsii po vzaimodeistviu so strukturami grazhdanskogo obshchestva. 25 dekabria 2019 g. Kazan' : Izd-vo "Poznanie" Kazanskogo innovatsionnogo universiteta, 2020. 72 pp.
21. Nauchno-prakticheskii kommentarii k Tipovomu polozheniiu o komissii po koordinatsii raboty po protivodeistviu korruptsii v sub'ekte Rossiiskoi Federatsii, utverzhdennomu Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii No. 364 ot 15 iuliia 2015 goda. Pod nauch. red. d. iu. n., prof. I.I. Bikeeva, d. iu. n., prof. P.A. Kabanova. Kazan', 2016. 156 pp.
22. Ageev V.N. K voprosu o komissii po koordinatsii raboty po protivodeistviu korruptsii v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii. NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniia, 2015, No. 5, pp. 34–52.
23. Ageev V.N. Komissii po koordinatsii raboty po protivodeistviu korruptsii v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii: osnovnye zadachi i mekhanizmy ikh realizatsii. Iuridicheskie issledovaniia, 2016, No. 4, pp. 1–10.
24. Ageev V.N. Osnovnye zadachi komissii po koordinatsii raboty po protivodeistviu korruptsii v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii. Pravo i politika, 2020, No. 6, pp. 56–73.
25. Matulis S.N. Pravovye osnovy deiatel'nosti komissii po koordinatsii raboty po protivodeistviu korruptsii v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii. Zhurnal rossiiskogo prava, 2018, No. 7 (259), pp. 149–157.

26. Solov'eva K.V. Zadachi i napravleniia deiatel'nosti komissii po koordinatsii raboty po protivodeistviuu korruptsii v sub'ekte Rossii (na primere Chuvashskoi Respubliki). Aktual'nye problemy ugovol'nogo, ugovolno-ispolnitel'nogo prava i kriminologii. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati d. iu. n., prof., pochetnogo rabotnika vysshego professional'nogo obrazovaniia Rossiiskoi Federatsii, zaslužennogo rabotnika obrazovaniia Chuvashskoi Respubliki Arkadiia Sizogo. Cheboksary, 2022, pp. 521–525.
27. Kabanov P.A. Monitoring sostoianiia вовлеченности institutov grazhdanskogo obshchestva v deiatel'nost' komissii po koordinatsii raboty po protivodeistviuu korruptsii sub'ektov Rossiiskoi Federatsii. Monitoring pravoprimeneniia, 2022, No. 2 (43), pp. 33–45. DOI: 10.21681/2226-0692-2022-2-33-45.
28. Tapenova A. Obshchestvennye sovery kak institut grazhdanskogo obshchestva po protivodeistviuu korruptsii. Gosudarstvennaia politika protivodeistviia korruptsii v Rossii i za rubezhom: sostoianie i perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Tambov, 9 dekabria 2016 g.). Tambov : Tambovskii gosudarstvennyi universitet imeni G.R. Derzhavina, 2017, pp. 250–255.
29. Kulikova Iu.A. Torgovo-promyshlennaia palata kak odin iz vidov nekommercheskoi organizatsii v Rossii. Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo agrarnogo zaonchnogo universiteta, 2021, No. 38 (43), pp. 108–113.
30. Krasnousov S.D. Torgovo-promyshlennaia palata RF kak institut grazhdanskogo obshchestva v sisteme protivodeistviia korruptsii. Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia, 2011, No. 8, pp. 241–243.
31. Stoliarova A.N., Mikhailova E.M. Nekotorye osobennosti deiatel'nosti torgovo-promyshlennykh palat v voprosakh protivodeistviia korruptsii. Sistema POD/FT v global'nom mire: riski i ugrozy mirovoi ekonomiki. Sbornik tezisov dokladov uchastnikov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Mezhdunarodnogo setevogo instituta v sfere POD/FT. (Moskva, 14–15 noiabria 2019 g.). Moskva : Rossiiskii ekonomicheskii universitet imeni G.V. Plekhanova, 2020, pp. 327–330.
32. Katyryn S.N. Rol' torgovo-promyshlennykh palat v formirovanii partnerstva gosudarstva i biznesa v protivodeistvii korruptsii. ETAP: ekonomicheskaiia teoriia, analiz, praktika, 2015, No. 4, pp. 7–14.
33. Andriukhina O.V. Antikorruptsionnyi monitoring kak odin iz elementov protivodeistviia korruptsii v Rossii. Rezul'taty provedennogo torgovo-promyshlennoi palatoi Nizhegorodskoi oblasti antikorruptsionnogo monitoringa v 2012 godu. Evraziiskii iuridicheskii zhurnal, 2013, No. 11 (66), pp. 108–110.
34. Nikolaev A.S. Sistema torgovo-promyshlennykh palat v protivodeistvii korruptsii. Vestnik nauchnykh trudov "Iurist". Po materialam zasedaniia III Soveta molodezhnykh obshchestvennykh organizatsii i ob'edinenii Respubliki Tatarstan v sfere protivodeistviia korruptsii. V 2-kh ch. Pod red. N.T. Dimitrievoi [i dr.]. Kazan', 2020, pp. 336–340.
35. Levina Iu.V. O realizatsii spetsial'nogo proekta Torgovo-promyshlennoi palaty Rossiiskoi Federatsii "Biznes-barometr korruptsii". Realizatsiia v luzhnom federal'nom okruge gosudarstvennoi politiki v sfere protivodeistviia korruptsii. Sbornik nauchnykh trudov po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii (Rostov-na-Donu, 9 dekabria 2020 g.). Pod obshchei red. B.M. Magomedova, A.A. Nikitinoi, R.V. Bushmanova. Rostov-na-Donu, 2020, pp. 73–77.
36. Nikolaev A.S. Vnedrenie i realizatsiia Antikorruptsionnoi khartii rossiiskogo biznesa v sisteme torgovo-promyshlennykh palat. Aktual'nye problemy obespecheniia ekonomicheskoi bezopasnosti v sfere protivodeistviia korruptsii na sovremennom etape razvitiia APK. Sbornik nauchno-prakticheskikh materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, podgotovlennii po rezul'tatam zasedaniia Soveta obshchestvennykh organizatsii i ob'edinenii Respubliki Tatarstan po protivodeistviuu korruptsii. Kazan', 2021, pp. 175–180.
37. Iusupov M.R. Antikorruptsionnyi komitet Moskovskoi Torgovo-promyshlennoi palaty pomozhet biznesu v bor'be s korruptsiei. Pravo i bezopasnost', 2011, No. 3-4, pp. 9–10.
38. V Assotsiatsii iuristov Rossii sostoialos' ekspertnoe obsuzhdenie protivodeistviia korruptsii v sporte. Iuridicheskii mir, 2015, No. 1, pp. 11–13.
39. Zasedanie komissii Assotsiatsii iuristov Rossii po protivodeistviuu korruptsii. Iuridicheskii mir, 2015, No. 5, pp. 26–27.
40. Zasedanie komissii po protivodeistviuu korruptsii Assotsiatsii iuristov Rossii pod predsedatel'stvom A.V. Fedorova (06.10.2014 g.). Vestnik Federal'noi palaty advokатов RF, 2014, No. 4, p. 16.
41. Kliukovskaia I.N. Teoreticheskie osnovy kriminologicheskogo issledovaniia antikorruptsionnoi politiki : dis. ... d-ra iurid. nauk. Moskva, 2004. 353 pp.
42. Kliukovskaia I.N. Antikorruptsionnaia politika kak vid pravovoi politiki. Sovremennoe pravo, 2004, No. 3, pp. 12–15.
43. Kliukovskaia I.N. Voprosy teorii antikorruptsionnoi politiki. Moskva, 2003. 91 pp.
44. Kliukovskaia I.N. Otsenka effektivnosti realizatsii antikorruptsionnoi politiki. Obshchestvo i pravo, 2009, No. 2 (24), pp. 126–128.
45. Kliukovskaia I.N. Teoreticheskie osnovy kriminologicheskogo issledovaniia antikorruptsionnoi politiki : monografiia. Stavropol', 2004.
46. Kliukovskaia I.N., Zikeev V.A. Puti sovershenstvovaniia antikorruptsionnogo zakonodatel'stva. Obshchestvo i pravo, 2016, No. 2 (56), pp. 197–201.
47. Kliukovskaia I.N., Melekaev R.K. Antikorruptsionnaia ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak forma realizatsii antikorruptsionnoi politiki : monografiia. Moskva : Ileksa, 2015. 296 pp.
48. Kliukovskaia I.N., Melekaev R.K. Pravovaia priroda i printsipy kriminologicheskoi antikorruptsionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov. Obshchestvo i pravo, 2011, No. 5, pp. 138–141.
49. Kliukovskaia I.N., Pinkevich T.V. Metodologicheskie podkhody k opredeleniiu indikatorov effektivnosti pravozashchitnogo i pravoprimitel'nogo napravlenii realizatsii antikorruptsionnoi politiki. Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii, 2018, No. 4 (44), pp. 179–185.
50. Kliukovskaia I.N., Ter-Avanesova I.N. Razvitie sovremennykh informatsionno-kommunikativnykh tekhnologii i ikh vliianie na dinamiku korruptsionnykh proiavlennii. Gumanitarnye i iuridicheskii issledovaniia, 2021, No. 1, pp. 152–160.

Влияние цифровых технологий на повышение уровня культуры информационной безопасности граждан России¹

Троян Н.А.²

Ключевые слова: информационное общество, система правовой информации, цифровая трансформация, государственное управление, искусственный интеллект, угрозы, правовое регулирование.

Аннотация

Цель статьи: анализ проблем и поиск наиболее эффективных путей их решения с учетом стратегических задач государства и общества в условиях цифровизации.

Методы исследования: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также системный метод, позволяющий анализировать законодательство в данной сфере.

Результаты исследования: в статье рассмотрены приоритетные направления развития системы информационного права и правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации, находящиеся под влиянием цифровой трансформации. В исследовании выявлено, что воздействие цифровых технологий на различные сферы информационного общества генерирует широкий комплекс вызовов и угроз информационной безопасности. Это обуславливает необходимость выработки адекватных подходов к противодействию им.

Установлено, что в современных реалиях общество подвержено информационным угрозам и массированному информационно-психологическому воздействию, поэтому необходимо, чтобы законодательство обеспечивало состояние защищенности личности, общества и государства от информационных угроз, а также было способно адаптироваться к цифровым технологиям и изменениям структуры современных общественных отношений в условиях цифровой трансформации.

Научная новизна: обосновывается вывод о том, что в Российской Федерации сегодня было бы целесообразно, в рамках повышения культуры информационной безопасности граждан России, разработать Концепцию формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-20-26

Введение

На современном этапе в период цифровой трансформации развитие информационного общества характеризуется стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). При этом ключевыми движущими силами прогресса в информационной сфере выступают технологии больших данных, искусственного интеллекта и робототехники, а также квантовых технологий [1]. Новая цифровая реальность уже сегодня проявляется в широком применении высокоскоростного индустриального Интернета (Internet of Things), интегрированных промышленных сетей и искусственного интеллекта, применении сервисов автоматической идентификации, сбора и обработки глобальных баз данных (Big Data), облачных сервисов и вычислений (cloud computing), умных робототехнических комплексов (Smart Everything), развитии социальных сетей, разнообразных ИТ-платформ и сервисов в цифровой среде [2, с. 27].

Цифровая среда генерирует широкий комплекс вызовов и угроз национальной и международной безопасности, что обуславливает необходимость выработки адекватных подходов к противодействию им, в том числе в правовой плоскости [3]. Так, Т.А. Полякова отмечает, что «в теории российского информационного права информационная безопасность преимущественно рассматривалась комплексно, включая аспекты безопасности как информации, так и самого человека в информационной среде»³. Однако последний аспект зачастую сводился к вопросам защиты личности и социума от вредной информации. Сегодня можно с уверенностью отметить, что стремительное развитие ин-

¹ Статья написана в рамках Государственного задания № FMUZ-2021-0042 «Правовое регулирование цифровой экономики, искусственного интеллекта, информационной безопасности».

² Троян Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: n-troyan66@yandex.ru

³ Полякова Т.А. Теоретико-правовой анализ законодательства в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 230 с.

формационных технологий способствует реализации одного из важнейших прав — права на свободу и доступ к информации, но при этом значительно увеличивает количество угроз информационной безопасности как для отдельного гражданина Российской Федерации, так и для государства в целом⁴. Нельзя оставить без внимания вопрос защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, зависящих от информационных технологий передачи, обработки и хранения данных, гарантирующих защиту их интересов.

На современном этапе цифровые технологии оказывают существенное влияние на развитие различных отраслей экономики и стали составной частью современных управленческих систем в государственном управлении и таких сферах, как оборона страны, безопасность государства и обеспечение правопорядка [4, с. 47]. Развитие глобального информационного общества оказало влияние на образование киберфизического мира и формирование объективно нового явления, получившего название «Индустрия 4.0», которое характеризуется созданием и интеграцией принципиально новых, революционных цифровых технологий [5, с. 19].

Развитие системы правовых актов стратегического планирования в области обеспечения информационной безопасности

Необходимо отметить, что разрабатываются стратегические документы в области обеспечения устойчивости и безопасности функционирования информационной инфраструктуры и сервисов передачи, обработки и хранения данных, которые позволят обеспечить защиту прав и законных интересов субъектов от угроз информационной безопасности [6, с. 47]. Так, например, значимость информационной безопасности нашла признание на уровне базового документа «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»⁵, которая определяет информационную безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной среде. В 2021 году значимость информационной безопасности нашла признание на уровне базового документа стратегического планирования — Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержден-

ной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400⁶; в Стратегии используется более точный термин: «деструктивное информационно-психологическое воздействие». Таким образом, защита российского общества от воздействия данного характера выделена в акте в качестве национального интереса. Так, А.А. Смирнов в своем научном исследовании сформулировал определение информационно-психологической безопасности как «составной части системы информационной безопасности, представляющей собой состояние защищенности личности, социальных групп и общества от деструктивного информационно-психологического воздействия» [7, с. 16]. Такой подход существенно расширяет научное понимание предметного поля информационно-психологической безопасности. Так, например, в Указе Президента РФ от 2 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности»⁷, являющемся стратегическим документом, отражены официальные взгляды на сущность международной информационной безопасности. Основными угрозами в данной сфере являются использование ИКТ в военно-политической и иных сферах для подрыва суверенитета государств, нарушения их территориальной целостности, а также в террористических, экстремистских и преступных целях⁸. На наш взгляд, также представляет большой интерес новый базовый документ стратегического планирования в Российской Федерации — Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 года № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»⁹, где к основным направлениям государственной политики относятся современные методы прогнозирования, а также развитие системы мониторинга и контроля стратегического планирования; кроме того, предложено формирование иерархической системы связанных между собой документов стратегического планирования¹⁰.

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.12.2023 № 4088-р «О Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан РФ» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.12.2022).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 5.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.12.2022).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 2.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.12.2022).

⁷ Указ Президента РФ от 2 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 5.12.2022).

⁸ Указ Президента РФ от 2.04.2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 5.12.2022).

⁹ Указ Президента РФ от 8.11.2021 года № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 5.12.2022).

¹⁰ Указ Президента РФ от 8.11.2021 года № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 5.12.2022).

Одной из ключевых проблем развития информационного общества является обеспечение информационной безопасности личности, общества и государства, формирование информационной культуры граждан. Поэтому в период цифровой трансформации обеспечение информационной безопасности является приоритетной составляющей национальной безопасности и не только занимает ключевое место в стратегических документах, но и влияет на развитие всей современной правовой системы, особенно информационного права. Связано это, полагаем, с ростом числа рисков, вызовов и угроз информационной безопасности, препятствующих реализации прав и свобод человека и гражданина в «цифровом» пространстве, что вызывает необходимость научного осмысления с позиции информационного права значительного количества проблем, касающихся обеспечения состояния защищенности личности, общества и государства от информационных угроз, а также адаптации к новым технологиям, изменению структуры общественных отношений [6]. В связи с этим Т.А. Полякова отмечает, что «риски в этой области связаны с определенным алармизмом, невозможностью реализации субъектами своих прав в современных условиях цифровизации, а также уровнем культуры информационной безопасности, ростом оборота персональных данных и возможностей их нецелевого использования» [6].

Формирование и развитие культуры информационной безопасности в Российской Федерации

В современных условиях стремительное развитие информационных технологий оказывает влияние практически на все сферы общественной жизни. В связи с использованием облачных технологий, больших данных и искусственного интеллекта обеспечение достоверности информации становится одним из ключевых критериев формирования глобального информационного общества. Так, Б.Б. Леонтьев в своем исследовании отмечает, что «вектор идеологического самосознания членов общества как вектор движения в будущее должен быть лаконично выраженным, для всех единым, внятным и понятным всем членам общества. Он четко определяет образ будущего и суверенную самостоятельность данного общества» [8, с. 48].

Ввиду отсутствия в России системного подхода к повышению грамотности граждан по вопросам информационной безопасности особую актуальность приобретает вопрос формирования и развития культуры информационной безопасности. В этой связи, полагаем, целесообразна разработка утвержденной распоряжением Правительства РФ от 22.12.2023 № 4088-Р «Концепции формирования и

развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации»¹¹, которая бы:

- ▶ способствовала повышению уровня грамотности граждан России по вопросам информационной безопасности;
- ▶ позволила уменьшить количество преступлений с использованием цифровых технологий;
- ▶ обеспечила защиту персональных данных, а также повысила уровень доверия к цифровым сервисам¹².

В России достаточно остро стоят проблемы правового просвещения, связанные с повышением уровня правовой культуры населения в информационной сфере [9, с. 61]. На наш взгляд, в Концепции представляется важным разделение угрозы информационной безопасности с технической и психологической точек зрения. Так, угрозы информационной безопасности с технической точки зрения представляют собой утечку информации, несанкционированный доступ к информационным ресурсам, нарушение функционирования информационных систем или их компонентов, несанкционированный массовый сбор информации и др. С психологической точки зрения к угрозам необходимо отнести негативное воздействие (травлю) в цифровом пространстве, пропаганду насилия, распространение недостоверной информации и другого вредоносного контента¹³. Таким образом, угрозы данного характера оказывают деструктивное влияние на все сферы жизни граждан Российской Федерации, и противодействовать этому достаточно сложно. Нельзя оставить без внимания определение понятия «культура информационной безопасности», т. е. совокупность сформированных знаний, умений и навыков по вопросам информационной безопасности, обеспечивающая безопасное пребывание гражданина Российской Федерации в информационном пространстве¹⁴. Вместе с тем большой спектр вызовов и угроз информационной безопасности в современных условиях требует развития интеграционного сотрудничества в разных сферах. В связи с этим остаются

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2023 № 4088-Р «Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

¹² Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2023 № 4088-Р «Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2023 № 4088-Р «Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2023 № 4088-Р «Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

актуальными такие проблемы, как недостаточный контроль за соблюдением требований по защите персональных данных, формирование пространства доверия и развитие института идентификации, а также противоправные действия в информационном пространстве в различных сферах (банковской, финансовой), распространение недостоверной информации и т. д. [6, с. 43]. Важно понимать, что защищенность от угроз зависит не только от права или технологий, но и от совокупного влияния правового регулирования, технических и технологических возможностей. Так, представляется достаточно обоснованной точка зрения А.В. Минбалева: «использование цифровых технологий оказывает влияние на изменение общественных отношений в различных сферах деятельности в информационном обществе, что детерминирует трансформацию сложившихся фундаментальных правовых категорий, институтов и теоретико-методологических основ правового регулирования, которые, в свою очередь, также играют значительную роль в развитии цифровых технологий» [10, с. 31]. Вполне возможно, что в будущем информационная безопасность процесса познания станет межотраслевым институтом, который будет сформирован на основе научных исследований и норм информационного права и позволит обеспечить необходимый уровень защищенности личности в формировании или повышении своего уровня знаний с целью адаптации граждан к цифровой действительности [6, с. 65]. Как справедливо указывает Т.А. Полякова, «информационное право должно ответить на вызовы современного мира и прорывных технологий, включая стратегические задачи развития искусственного интеллекта, обеспечения цифрового суверенитета, выработки правил поведения не только правового, но и этического характера. В условиях развития глобального информационного общества юридические значения и практические навыки в этой сфере актуальны и востребованы» [11, с. 39]. В условиях цифровой трансформации на современном этапе определяющей предпосылкой построения системы обеспечения информационной безопасности выступает комплекс существующих и потенциальных угроз в этой области [12, с. 64]. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года угроза национальной безопасности определяется как «прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, обороне и безопасности государства»¹⁵. В аналогичном ключе в официальных актах и научной литературе угроза информационной безопасности трактуется

как фактор или совокупность факторов, создающих опасность для личности, общества и государства и их интересов в информационном пространстве¹⁶. Необходимо также выделить в контексте правового подхода принятые в Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации такие аспекты понятия «угрозы информационной безопасности», как травля в цифровом пространстве, пропаганда насилия, национализм, распространение недостоверной информации и другого вредоносного контента¹⁷. Одной из приоритетных задач данной концепции является проведение на регулярной основе мониторинга информационной грамотности граждан. Сегодня необходимо разработать новый комплексный научный подход к решению поставленной задачи и обеспечить обучение граждан современным правилам поведения для обеспечения информационной безопасности. Для повышения уровня культуры информационной безопасности необходимо разделить граждан на группы с целью более эффективного донесения достоверной информации об основных правилах информационной безопасности страны.

Культуре информационной безопасности принадлежит ведущая роль в обеспечении безопасности несовершеннолетнего в социальной среде современного информационного общества. Условия социальной среды ребенка требуют обновленных подходов к формированию информационной культуры несовершеннолетнего, позволяющих противостоять рискам и угрозам информационного пространства, а также выработки так называемого социального иммунитета и устойчивости личности ребенка к информационным рискам [13, с. 292]. Несовершеннолетние граждане крайне уязвимы к различным угрозам информационной безопасности, в особенности к травле (негативное психологическое воздействие) в цифровом пространстве в силу своего возраста, отсутствия необходимых знаний в области информационной безопасности, а также свободного (без контроля взрослых) использования информационно-коммуникационной сети Интернет, приводящего к ложному ощущению безопасности. Поэтому крайне важно прививать знания по всему спектру вопросов информационной безопасности, таких как распознавание фишинговых сайтов и сообщений, телефонного мошенничества, вырабатывать умение распознать недостоверную информацию и вредоносный контент. Формирование информационной культуры несовершеннолетних предусматривает

¹⁵ Указ Президента РФ от 12.04.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

¹⁶ Концепция Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности / Совет Безопасности Российской Федерации // URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document112/> (дата обращения: 12.12.2022).

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2023 № 4088-Р «Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

обучение правовым знаниям и навыкам правовой грамотности, разъяснение прав в информационной сфере, а также правовое просвещение в сфере информационной безопасности.

Правовое просвещение рассматривается О.Ю. Рыбаковым как одна из значимых форм реализации правовой политики государства; с его помощью происходит воздействие на сознание, формируется определенный образ мыслей и поведения¹⁸. Справедливо и утверждение Э.И. Атагимовой, что «правовое просвещение является важным условием создания эффективной системы предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних и формирования юридической культуры молодежи»¹⁹, с чем сложно не согласиться.

Необходимо отметить Концепцию информационной безопасности детей²⁰, стратегический документ, регулирующий совершенствование механизмов защиты несовершеннолетних от дестабилизирующего воздействия информационной среды и создание благоприятных условий для адаптации; это способствует обеспечению гармоничного развития молодого поколения при условии минимизации всех негативных факторов, связанных с формированием информационного общества в России. Конституционные приоритеты в сфере обеспечения безопасности и охраны прав несовершеннолетних конкретизированы также в нормах Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»²¹. В этом законе на законодательном уровне закреплены базовые понятия, такие как доступ детей к информации, информационная безопасность детей и т. д. Был принят также ряд правовых актов в сфере противодействия распространению негативного контента, например, Федеральный закон от 28.07.2012 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»²² и др.

На наш взгляд, заслуживает положительной оценки опыт организации информационного просвещения несовершеннолетних в рамках проведения ежегодного (начиная с 2014 года) Единого урока по безопасности в сети Интернет²³ по инициативе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации при поддержке Минобнауки России, Минкомсвязи России, Института развития Интернета, федеральных и региональных органов власти, а также представителей интернет-отрасли и общественных организаций.

В заключение необходимо отметить, что сегодня необходима выработка комплексного подхода и проведение общей информационной кампании для населения, направленной на повышение грамотности по вопросам информационной безопасности. Это будет способствовать повышению уровня доверия к цифровым сервисам и дальнейшей цифровизации экономики государства и оградит граждан от преступлений с использованием ИКТ. Целью государственной политики в области повышения культуры информационной безопасности в России является формирование у граждан навыков противодействия угрозам информационной безопасности, в том числе информационно-психологическим угрозам и, как следствие, повышение общего уровня грамотности граждан России в вопросах информационной безопасности²⁴.

Сегодня, на данном историческом этапе очень важно развитие инновационной культуры, сохранение культурного наследия и его институтов, так как в основе существования и безопасности России информационная составляющая цивилизованного общества — идентификационный код нации России. В подтверждение необходимо отметить мудрое высказывание Н.К. Рериха, великого философа, художника, общественного деятеля, основателя международного договора «Пакт Рериха»: «Там, где культура, там и мир. Там и подвиг, там и правильное решение труднейших социальных проблем» [14, с. 166].

¹⁸ Рыбаков О.Ю. Правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: формы и виды // Юристъ-Правоведъ. 2004. № 4 (11). С. 23—26.

¹⁹ Атагимова Э.И. Правовое просвещение и предупреждение молодежной преступности // Мониторинг правоприменения. 2015. № 4 (17). С. 17.

²⁰ Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-Р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.12. 2015. № 49. Ст. 7055.

²¹ Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

²² Федеральный закон РФ от 28.07. 2012 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.12.2022).

²³ Единый урок, календарь, методики, материалы. Основы информационной безопасности детей // Единый урок по безопасности в сети Интернет. URL: <http://единыйурок.рф> (дата обращения: 12.12.2022).

²⁴ Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2023 №4088-Р «Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.01.2023).

Литература

1. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104—114.
2. Карцхия А.А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1 (30). С. 25—29. DOI: 10/21681/2226-0692-2019-1-25-29
3. Модели правового регулирования в глобальном информационном обществе : монография / под общ. ред. Т.А. Поляковой. Саратов : Амирит, 2020. 254 с.
4. Карцхия А.А. Искусственный интеллект как средство управления в условиях глобальных рисков // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 45—50. DOI: 10/21681/2226-0692-20120-1-45-50
5. Карцхия А.А., Макаренко Г.И., Сергин М.Ю. Современные тренды киберугроз и трансформация понятия кибербезопасности в условиях цифровизации системы права // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 3 (31). С. 18—23. DOI: 10/21681/2311-3456-2019-3-18-23
6. Формирование системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе : монография / под общ. ред. д. ю. н., проф. Т.А. Поляковой // Институт государства и права РАН. М. : Саратов : Амирит, 2022. 332 с.
7. Смирнов А.А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 444 с.
8. Леонтьев Б.Б. Теория современного общества // Мониторинг правоприменения. 2022. № 2 (43). С. 46—54. DOI: 10/21681/2226-0692-2022-2-46-54
9. Троян Н.А. К вопросу об оказании бесплатной юридической помощи в субъектах Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2 (35). С. 59—64. DOI: 10/21681/2226-0692-2020-2-59-64
10. Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 31—36.
11. Полякова Т.А. Актуальные проблемы развития системы правового обеспечения информационной безопасности в цифровую эпоху и юридическое образование // Вестник Университета имени Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 37—44.
12. Смирнов А.А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации // Сборник статей. СПб. : Русь, 2021. 271 с.
13. Рыбакова О.С. Информационная безопасность несовершеннолетних / Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения : монография / под ред. О.Ю. Рыбакова. М. : Проспект, 2021. 424 с.
14. Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации : монография / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М. : ИГП РАН, 2022. 368 с.

PUBLIC LAW SCIENCES (DIGITAL LAW)

IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON RAISING THE LEVEL OF INFORMATION SECURITY CULTURE OF RUSSIA'S CITIZENS²⁵

Natal'ia Troian²⁶

Keywords: *information society, legal information system, digital transformation, public administration, artificial intelligence, threats, legal regulation.*

Abstract

Purpose of the paper: analysing the problems and finding the most efficient ways to solve them considering the strategic tasks of the state and society under the conditions of digitalisation.

Methods of study: general scientific methods of analysis and synthesis as well as the system method making it possible to analyse the laws in the given field were used.

The study's findings: priority areas of development of the information technology law system and legal support for information security in the Russian Federation influenced by digital transformation are considered in the paper. In the study it is found that the impact of digital technologies on different spheres of information society generates a broad variety of challenges and threats to information security which calls for a need to develop suitable methods for combating them.

It was found that society under the modern realities is exposed to information threats and massive information and psychological influence, therefore it is necessary that laws should ensure protection of individuals, society and the state against information threats as well as be capable of adapting to digital technologies and changes in the structure of modern societal relations under the conditions of digital transformation.

²⁵ The paper was written within the framework of Government Assignment FMUZ-2021-0042 "Legal regulation of digital economy, artificial intelligence, information security".

²⁶ Natal'ia Troian, Ph.D. (Law), Senior Researcher at the Sector of Information Law and International Information Security of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: n-troian66@yandex.ru

Research novelty: a conclusion is justified that today in Russia it would be advisable to develop, within the framework of raising the level of information security culture of Russia's citizens, the Concept for the Formation and Development of the Information Security Culture of Citizens of the Russian Federation.

References

1. Poliakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B. Pravovoe regulirovanie kvantovykh kommunikatsii v Rossii i v mire. Gosudarstvo i pravo, 2022, No. 5, pp. 104–114.
2. Kartskhiia A.A. Tsifrovaia transformatsiia prava. Monitoring pravoprimeneniia, 2019, No. 1 (30), pp. 25–29. DOI: 10/21681/2226-0692-2019-1-25-29
3. Modeli pravovogo regulirovaniia v global'nom informatsionnom obshchestve : monografiia. Pod obshch. red. T.A. Poliakovoi. Saratov : Amirit, 2020. 254 pp.
4. Kartskhiia A.A. Iskusstvennyi intellekt kak sredstvo upravleniia v usloviakh global'nykh riskov. Monitoring pravoprimeneniia, 2020, No. 1 (34), pp. 45–50. DOI: 10/21681/2226-0692-20120-1-45-50
5. Kartskhiia A.A., Makarenko G.I., Sergin M.Iu. Sovremennye trendy kiberugroz i transformatsiia poniatii kiberbezopasnosti v usloviakh tsifrovizatsii sistemy prava. Voprosy kiberbezopasnosti, 2019, No. 3 (31), pp. 18–23. DOI: 10/21681/2311-3456-2019-3-18-23
6. Formirovanie sistemy pravovogo regulirovaniia obespecheniia informatsionnoi bezopasnosti v usloviakh bol'shikh vyzovov v global'nom informatsionnom obshchestve : monografiia. Pod obshch. red. d. iu. n., prof. T.A. Poliakovoi. Institut gosudarstva i prava RAN. M. : Saratov : Amirit, 2022. 332 c.
7. Smirnov A.A. Formirovanie sistemy pravovogo obespecheniia informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii : dis. ... d-ra iurid. nauk. M., 2022. 444 c.
8. Leont'ev B.B. Teoriia sovremennogo obshchestva. Monitoring pravoprimeneniia, 2022, No. 2 (43), pp. 46–54. DOI: 10/21681/2226-0692-2022-2-46-54
9. Troian N.A. K voprosu ob okazanii besplatnoi iuridicheskoi pomoshchi v sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii. Monitoring pravoprimeneniia, 2020, No. 2 (35), pp. 59–64. DOI: 10/21681/2226-0692-2020-2-59-64
10. Minbaleev A.V. Transformatsiia regulirovaniia tsifrovyykh otnoshenii. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGUuA), 2019, No. 12, pp. 31–36.
11. Poliakova T.A. Aktual'nye problemy razvitiia sistemy pravovogo obespecheniia informatsionnoi bezopasnosti v tsifrovuiu epokhu i iuridicheskoe obrazovanie. Vestnik Universiteta imeni Kutafina (MGUuA), 2019, No. 12, pp. 37–44.
12. Smirnov A.A. Problemy obespecheniia informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii. Sbornik statei. SPb. : Rus', 2021. 271 pp.
13. Rybakova O.S. Informatsionnaia bezopasnost' nesovershennoletnikh. Bezopasnost' detstva: sotsial'nye problemy i pravovye sposoby ikh resheniia : monografiia. Pod red. O.Iu. Rybakova. M. : Prospekt, 2021. 424 pp.
14. Novye gorizonty razvitiia sistemy informatsionnogo prava v usloviakh tsifrovoi transformatsii : monografiia. Otv. red. T.A. Poliakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. M. : IGP RAN, 2022. 368 pp.

НАСЛЕДОВАНИЕ «ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕЛА»: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Коданева С.И.¹

Ключевые слова: наследственное право, аккаунт, учетная запись, пользовательское соглашение, персональные данные, пользовательский контент, социальные сети, цифровые сервисы, электронная почта, имущественные права.

Аннотация

Цель работы: определение правовой природы учетных записей и пользовательского контента в цифровых сервисах, установление возможности их наследования, а также определение прав родственников на доступ к аккаунту покойного.

Методы исследования: для достижения поставленных в работе целей были использованы общенаучные и специальные методы научного познания, а также методы логического анализа, анализа законодательства, научной и деловой литературы, сравнительного анализа, систематизации, обобщения, системного подхода.

Результаты исследования: проведенный анализ позволил сделать вывод о необходимости разграничения прав на учетные записи в цифровых сервисах и на пользовательский контент. В отношении учетной записи у пользователя возникают имущественные права, вытекающие из пользовательского соглашения. Имущественные права на аккаунты, позволяющие приобретать права на результаты интеллектуальной деятельности и имущество, предоставляющие цифровые права, а также используемые для коммерческой деятельности, не имеют непосредственной связи с личностью пользователя, поэтому могут быть переданы по наследству. Права на иные типы учетных записей неразрывно связаны с личностью пользователя, поэтому не могут передаваться по наследству. Вместе с тем родственники могут иметь законный нематериальный интерес в отношении пользовательского контента, что дает им право на доступ к такому контенту.

Научная новизна: на основании проведенного анализа автор предлагает собственную классификацию аккаунтов в зависимости от сервисов и пользовательского контента, доступ к которым предоставляет учетная запись. Указано также на необходимость внесения изменений в законодательство РФ.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-27-36

Введение и постановка задачи

Стремительное развитие цифровых технологий и социальных сетей не только упрощает общение и самовыражение для отдельных людей, но и приводит к лавинообразному росту информации и распространяемых через Интернет данных, что связано с постоянным ростом числа пользователей. Так, в 2021 г. аккаунты на одной или нескольких платформах имело более 4,2 млрд человек [1, С. 419], что чуть больше половины населения всего Земного шара. При этом цифровые технологии позволяют создавать огромное количество пользовательской информации: посты и блоги в социальных сетях, переписка с друзьями в мессенджерах и по электронной почте, управление разнообразными сервисами при помощи своего аккаунта, включая покупки, управление финансами, управление устройствами «умного дома» и т. д.

Все это вместе взятое формирует «информационное тело» человека или его «цифрового двойника», получив доступ к которому, можно приобрести огромное количество экономически ценных данных, начиная от данных о счетах и онлайн-активах пользователя, которые можно продать или «вывести» в офлайн, переведя в денежную форму, и заканчивая различными персональными данными, сведениями о привычках и предпочтениях, которые можно обработать и затем коммерциализировать.

Кроме того, значительная часть цифрового контента не имеет непосредственной экономической или коммерческой ценности, однако она имеет эмоциональную ценность для пользователя, его родственников и друзей. Это разнообразные «воспоминания» (фотографии, заметки, обсуждения

¹ Коданева Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела правоповедения ИНИОН РАН, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, ORCID: 0000-0002-8232-9533, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: kodanevas@gmail.com

интересующих пользователя тем с друзьями в социальных сетях и т. д.), а также результаты творческой самореализации пользователя (как правило, объекты авторского права – стихи, рассказы, эссе, фотографии, музыка, песни и т. д.).

При жизни пользователя вопросы о правах доступа к подобному контенту, как правило, не возникают, а если и возникают, то связаны они в основном с неправомерным нарушением охраняемых законом прав и интересов (например, мошенничество и кража финансовых средств и виртуального имущества, нарушение авторских прав и т. д.).

Однако после смерти пользователя ситуация резко осложняется, поднимая серьезные правовые вопросы о правовой природе как перечисленных данных и контента, так и самой учетной записи. Казалось бы, родственники, наследники, друзья в социальных сетях и другие заинтересованные лица должны быть заинтересованы в одном – сохранении доброй памяти о покойном. Однако на практике видение того, в чем это должно выражаться, а также того, кто должен получить доступ к цифровому контенту, созданному покойным при жизни, к его аккаунту, и должен ли вообще кто-то получать такой доступ, сильно различается.

Так, например, все больше случаев, когда люди пытаются «воскресить» своих любимых с помощью цифровых технологий: ботов и дипфейков². Например, сервис компании MyHeritage под названием DeepNostalgia позволяет пользователям анимировать фотографии покойных родственников и друзей и делиться ими на различных платформах. Сервис использует технологию, в которой к загруженным фотографиям применяется видеовоспроизведение, фиксированные последовательности движений и жестов, что позволяет людям на фотографии улыбаться и моргать. Более продвинутая технология – это чат-бот, созданный с использованием искусственного интеллекта и данных умершего, который может продолжать общаться в социальных сетях от имени покойного [2].

Но даже если не вдаваться в подобные крайности, интересы окружения умершего пользователя могут различаться, тем более что в цифровом мире родственники (прежде всего родители и дети) редко бывают «друзьями» и «контактами», они не имеют доступ к профилю друг друга, а значит, представление друзей по социальным сетям и ближайших родственников о том, чего бы хотел покойный и как лучше увековечить его память (например, будет лучше удалить аккаунт, сохранить его в неизменном виде или продолжать использовать, выкладывая новые, ранее неопубликованные произведения либо воспоминания друзей о нем), может быть различным. Кроме того, родственники могут быть заинтересо-

ваны в получении доступа к аккаунтам покойного, его переписке в социальных сетях, мессенджерах и по электронной почте как некоему аналогу писем и дневников прошлого.

Все это поднимает целый комплекс этических и правовых вопросов, касающихся уважения личности умершего, неприкосновенности его частной жизни и персональной информации, а также правомерности использования его «информационного тела» и «цифровых останков» (цифровых следов, оставшихся в Сети после смерти пользователя).

Наконец, доступ может быть необходим в случаях внезапной гибели человека для установления истинной причины смерти и других важных фактов о его образе жизни, настроении перед гибелью и т. п.

Однако реализация перечисленных выше и других возможных интересов близких покойного на практике сталкивается с юридическими препятствиями, что требует проведения детального анализа правовой природы «цифровых останков» – аккаунтов и контента на различных цифровых сервисах и платформах³.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ

Анализ российской и зарубежной нормативно-правовой базы и судебной практики

Применительно к задаче настоящего исследования следует обратиться прежде всего к статье 1112 Гражданского кодекса (ГК) РФ, согласно которой в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, а также личные неимущественные права и другие нематериальные блага.

Таким образом, в соответствии с российским законодательством наследовать можно только имущество и имущественные права, которые не являются неразрывно связанными с личностью покойного. При этом правомочия наследников относительно нематериальных благ довольно ограничены и сводятся в основном к праву на защиту в суде чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ), праву требовать защиты частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ), а также праву давать согласие на обработку персональных данных (ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных») и

² Дипфейк (англ. deep fake) – основанная на искусственном интеллекте методика синтеза изображения путём соединения и наложения существующих изображений и видеоматериалов. *Прим. ред.*

³ Поскольку некоторые компании создают не просто отдельные пользовательские приложения (почту, социальные сети и т. п.), но целые экосистемы (например, через аккаунт в Яндексе можно получить доступ к сервисам почты, заказа такси, быстрой доставки, музыки, фильмов и т. д.), то в настоящей статье применительно к отдельным приложениям и сайтам будет использоваться термин «цифровой сервис», а применительно к подобным экосистемам – «платформа».

на обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ).

При этом, во-первых, реализовать права на защиту можно только в судебном порядке. Во-вторых, круг лиц, которые могут реализовать указанные права, определен законодателем по-разному. Так, согласие на обработку персональных данных дают наследники; выступать в защиту чести, достоинства и деловой репутации могут любые заинтересованные лица, а давать согласие на обнародование и использование фотографии и выступать в защиту частной жизни могут только дети, родители и переживший супруг.

Такое разнообразие подходов представляется необоснованным и не соответствующим складывающейся практике. Во-первых, непонятно, почему право давать согласие на обработку персональных данных предоставлено именно «наследникам», а не родственникам, особенно если учесть приведенную выше норму статьи 1112 ГК РФ, согласно которой к наследникам переходят только имущество и имущественные права, а нематериальные блага, в том числе связанные с использованием и защитой персональных данных, не могут быть переданы по наследству. Во-вторых, ограничение прав в отношении неприкосновенности частной жизни и использования изображений покойного только детьми, родителями и супругами представляется чрезмерным, поскольку не учитывает ситуацию отсутствия указанных родственников. Например, в судебной практике имел место случай, когда в защиту неприкосновенности частной жизни покойного с требованием удалить его фотографию выступил внук, являющийся единственным родственником. Однако ему было отказано именно потому, что его родство с покойным было признано недостаточно близким [3].

Наконец, ограниченность приведенного правового регулирования создает сложности в решении вопросов принадлежности прав на распоряжение «цифровыми останками», особенно в социальных сетях. Например, родственники могут быть заинтересованы в удалении из социальных сетей переписки покойного, поскольку считают, что она выставляет его в неприглядном свете и тем самым порочит его честь и достоинство. Могут ли они требовать этого? Или родители хотят получить доступ к аккаунту своего погибшего ребенка, чтобы понять, был ли это несчастный случай или суицид, спровоцированный общением в социальных сетях. Могут ли они в таком случае требовать предоставить им такой доступ?

Анализ приведенного выше законодательства показывает, что в рамках защиты нематериальных благ родственники могут только обращаться в суд с требованием удаления определенной информации. Что касается вопроса о доступе к аккаунту, то законодательство как РФ, так и других стран мира не дает прямого ответа. Судебная практика также пока крайне скудна и ограничивается несколькими, хотя

и довольно громкими делами в США и одним в Германии. Связаны все эти споры с тем, что цифровые сервисы (социальные сети и почтовые сервисы) отказываются предоставлять родственникам доступ к аккаунтам умерших пользователей, ссылаясь на пользовательские соглашения, содержащие прямой запрет на это, а также требования законодательства США о защите конфиденциальной информации и тайну переписки⁴.

Таким образом, очевидна коллизия между требованиями конфиденциальности, которые цифровые сервисы трактуют максимально широко, и правами наследников покойного на доступ к его «цифровым останкам».

Для разрешения данной коллизии необходимо проанализировать правовую природу аккаунтов и содержащегося в них контента. Иными словами, следует понять, являются ли «цифровые останки» имуществом, имущественными или неимущественными правами и иными нематериальными благами.

Как было отмечено, законодательство нигде в мире не дает прямого ответа на данный вопрос, хотя первые попытки правового регулирования цифрового наследования были предприняты в США еще в 2002 г. и касались учетных записей сервисов электронной почты. В 2005 г. в штате Коннектикут был принят первый закон, содержащий положения о праве наследников на доступ к аккаунту. Позже похожие законы были приняты и в других штатах, однако они использовали различные правовые подходы. Необходимость сглаживания различий в правовом регулировании в данной сфере обусловила принятие Единообразного закона о доступе к цифровым активам доверенного лица (RUFADAA), положения которого на сегодняшний день имплементированы в законодательство практически всех штатов. Закон содержит положения о доверительном управлении цифровыми активами пользователя по аналогии с нормами об управлении материальным, «физически осязаемым» имуществом, однако возможность доступа к электронной коммуникации зависит от наличия согласия самого пользователя, выраженного в завещании, доверенности или иным образом. Таким образом, законодатель США не признает «цифровое наследие» покойного в качестве имущества, а только создает определенный правовой режим управления в отношении такого наследия.

При этом и в доктрине, и в судебной практике США доступ к аккаунту рассматривается как договорное, а не имущественное обязательство, что, с учетом специфики стран с общей системой права, значительно снижает правовые гарантии и возможности для защиты прав пользователей. В частности,

⁴ Поскольку большинство наиболее популярных социальных сетей и почтовых сервисов зарегистрированы в США, они указывают в своих пользовательских соглашениях право этой страны в качестве применимого. При этом суд Калифорнии в деле по иску родственников Сахара Дафтари против Facebook распространил действие американского законодательства на иностранных граждан.

в этой правовой системе права и обязанности, вытекающие из договора, прекращаются со смертью стороны и не могут быть переданы по наследству. Поэтому в известных судебных спорах суды США отказывались предоставить доступ непосредственно к аккаунту пользователя, ограничившись только предписанием передать родственникам определенный контент (распечатку страницы с перечнем входящих и исходящих писем, распечатки всех входящих или всех исходящих писем и т. д.).

Так, в 2005 г. суд Калифорнии по иску семьи морского пехотинца Дж. Элсворта к компании Yahoo, отказавшейся предоставить им доступ к аккаунту погибшего, признал действия почтового сервиса соответствующими Закону США о конфиденциальности электронных коммуникаций 1986 г., однако предписал предоставить заявителям переписку из этого аккаунта. Сначала Yahoo предоставила на компакт-диске копии всех входящих писем, а после повторного обращения в суд родственников Дж. Элсворта – бумажную распечатку всех исходящих сообщений [2].

В 2011 г. в штате Вирджиния после самоубийства несовершеннолетнего, при выяснении причин, побудивших сына на совершение подобного действия, родители умершего ребенка не смогли добиться от Facebook доступа к аккаунту [4].

В 2012 г. суд Калифорнии по требованию М. Харриса к Twitter обязал социальную сеть раскрывать всю информацию, не связанную с контентом, и информацию о контенте старше 180 дней, указав, что информация о контенте, размещенном менее чем за 180 дней, может быть раскрыта только на основании ордера на обыск [2].

В Германии, относящейся к континентальной системе права, напротив, действует принцип универсального правопреемства в наследовании. Поэтому в знаменитом решении Верховного федерального суда Германии от 12.07.2018 г. по спору между родителями погибшей под поездом метро девочки и Facebook⁵ суд постановил, что в случае смерти владельца учетной записи социальной сети пользовательское соглашение по общему правилу в соответствии с § 1922 Германского гражданского уложения переходит к его наследникам [5]. В Италии суд Милана в 2021 г. вынес решение по иску родителей погибшего к компании Apple, отказавшейся предоставить им доступ к аккаунту их сына, и признал их право на доступ, поскольку это требовалось для восстановления и сохранения персональных данных погибшего, которые иначе были бы удалены после установленного периода бездействия аккаунта. Суд признал, что права родственников, связанные с личными данными умерших лиц, могут быть

реализованы по «достойным защиты семейным обязательствам» [6].

В российском законодательстве и судебной практике подобные вопросы никак не регламентируются и не анализируются, хотя сам по себе термин «учетная запись» используется в документах некоторых органов власти. Например, в Методических рекомендациях по использованию Единой системы идентификации и аутентификации и Письме ФНС России от 31.08.2020 № БВ-4-23/13939 «учетная запись» выполняет функцию учета, отслеживания юридически значимых действий субъектов при взаимодействии с органами публичной власти [7].

Анализ научной литературы

В научной литературе рассматриваемой проблематике также уделено достаточно мало внимания. Авторы имеющихся публикаций предлагают различные подходы к определению правовой природы аккаунтов (учетных записей) в цифровых сервисах. Так, некоторые авторы относят их к отдельному виду цифрового имущества или цифровым активам [8, 9, 10], к имущественным правам [11], определяют как договорные отношения [12], субъективное право пользователя на доступ к техническому функционалу информационной сети (право требования) [13], право пользования [7], объект интеллектуальной собственности или базу данных [14, 15, 16], либо вообще не относят к объектам гражданских прав, сводя соответствующие правоотношения к регулированию технических услуг по доступу в Интернет [17] либо к информации [18].

При этом практически никто из авторов не проводит границы между учетной записью и содержащимся в ней (либо связанным с ней) контентом. Так, многие авторы обосновывают имущественные права на аккаунт с точки зрения его ценности как совокупности находящегося в нем контента. Это же обоснование используется в качестве аргумента для признания учетной записи базой данных. При этом предлагаются различные критерии для классификации учетных записей. Например, В.Н. Козлова предлагает их делить на (1) учетные записи в сервисах предоставления государственных и/или муниципальных услуг, личные кабинеты на маркетплейсах, иных торговых площадках и сервисах коммерческих и некоммерческих услуг и (2) личные профили и страницы в социальных сетях и мессенджерах. При этом она полагает, что первый тип аккаунтов носит личный, неимущественный характер, в то время как второй тип предполагает возможность их коммерческого использования и поэтому на них возникают имущественные права [11].

И.В. Щенников выделяет два вида учетных записей: (1) для общения в социальных сетях или стриминговых сервисах, (2) для поглощения виртуального контента в компьютерных играх, а также

⁵ Социальная сеть Facebook принадлежит транснациональной холдинговой компании Meta, деятельность которой решением суда признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

три категории аккаунтов по критерию оборотоспособности: (1) аккаунты, которые в силу своих признаков (количество подписчиков, популярности блогера, игрового инвентаря, размещения особых виртуальных объектов и др.) будут иметь самостоятельную коммерческую оценку (ценность); (2) аккаунты, не имеющие самостоятельной имущественной ценности (личный кабинет в интернет-магазине или рабочие учетные записи); (3) аккаунты, связанные с индивидуализацией личности человека (такие аккаунты могут содержать памятные фотографии, видеозаписи и др.) [14].

Однако, как представляется, предложенные авторами подходы к определению правовой природы и классификации учетных записей не учитывают их важную техническую особенность, связанную с тем, что аккаунт является своего рода «ключом», предоставляющим своему владельцу доступ к определенным сервисам. Например, в приведенных выше примерах использования термина в документах органов власти учетная запись предоставляет доступ к возможности взаимодействия с соответствующими органами и получения государственных услуг.

Определение правовой природы учетных записей в цифровых сервисах и возможности перехода на них прав по наследству

Таким образом, учетные записи сами по себе не являются ни имуществом, ни информацией, ни объектами интеллектуальной собственности. Это право доступа к определенному цифровому сервису в соответствии с условиями пользовательского соглашения, т. е. договора. Таким образом, взаимоотношения между пользователем и цифровым сервисом являются договорными по своей природе, что зафиксировано в самих пользовательских соглашениях и признано имеющейся судебной практикой. Соответственно, заполнение учетной записи равносильно акцепту условий пользовательского соглашения. При этом можно согласиться с выводами А.Ю. Мигачевой и К.А. Пченушай, что пользовательское соглашение представляет собой смешанный договор, сочетающий элементы лицензионного соглашения и договора услуг [13].

Исходя из этого, пользователь учетной записи приобретает имущественные права, которые в соответствии со ст. 1112 ГК РФ могут быть переданы по наследству, если они не являются неразрывно связанными с личностью наследодателя. Установить наличие этой связи можно по характеру предоставляемых пользователю услуг и пользовательского контента.

Действительно, доступ к учетной записи позволяет управлять своим профилем и получить доступ к пользовательскому контенту, который может быть разделен на три категории объектов: имущественные права (включая цифровые права), объек-

ты интеллектуальной собственности и прочая информация (которая, в свою очередь, может включать общедоступную информацию и конфиденциальную информацию).

Так, аккаунты на маркетплейсах (Ozon, Wildberries) и в цифровых сервисах, позволяющих приобретать книги («ЛитРес», «Яндекс Музыка», «Кинопоиск»), могут содержать как остатки денежных средств на счетах пользователя, так и объекты интеллектуальной собственности (книги, музыка, фильмы). Кроме того, пользователи подобных аккаунтов могут иметь права на приобретенные, но не доставленные товары. Наконец, некоторые учетные записи могут быть привязаны (предоставлять доступ) к криптокошелькам. Соответственно, пользователи такого рода учетных записей приобретают имущественные права, которые могут быть переданы по наследству.

Аналогичный подход следует использовать и в случаях, когда аккаунты в социальных сетях используются не в личных, а в коммерческих целях – для рекламы, продвижения и продажи товаров, работ и услуг, поскольку размещенный в них контент имеет коммерческую ценность.

Посты в социальных сетях и электронные письма содержат множество объектов, которые потенциально могут быть признаны объектами интеллектуальной собственности. Это могут быть авторские посты или блоги, стихи, музыка, произведения изобразительного искусства и фотографии. В случае же, если, к примеру, почта используется в качестве рабочей, в ней могут храниться объекты, подлежащие защите в качестве ноу-хау, и коммерческая информация. При этом как социальные сети, так и почтовые сервисы в своих пользовательских соглашениях признают интеллектуальные права на размещаемый контент за пользователями, хотя и включают условия о предоставлении им широкой лицензии на соответствующие объекты.

Исходя из содержания статьи 1112 ГК РФ, исключительные права на объекты интеллектуальной собственности переходят к наследникам, которые имеют полное право потребовать предоставления им доступа к соответствующему контенту и возможности управления им (например, удаления со страницы в социальной сети, доступа к содержанию электронной переписки, касающейся создания и распоряжения соответствующими объектами).

Однако практическая реализация прав наследников в отношении указанных объектов затруднена тем, что большая часть пользовательского контента не может быть признана интеллектуальной собственностью из-за несоответствия формальным критериям, прежде всего достаточного уровня оригинальности и отсутствия творческого характера (например, когда пользователь просто передает какую-то информацию).

При этом многие авторы, прежде всего зарубежные, настаивают на приоритете защиты «по-

смертной конфиденциальности» как реализации принципа автономии личности [2]. Сторонники данной точки зрения исходят из приоритетности интересов пользователя социальной сети (даже покойного) перед интересами любых третьих лиц, будь то друзья или родственники.

Социальные сервисы, как иностранные, так и российские, такие как Facebook, Twitter, TikTok, Google, Yandex, почта Microsoft, почта Yahoo, почта Apple, WhatsApp, VK, Telegram, «Одноклассники», «Яндекс Почта» и др., придерживаются именно этой точки зрения, закрепив ее в пользовательских (или лицензионных) соглашениях. В соответствии с этими соглашениями аккаунты являются собственностью этих компаний, а пользователям предоставлено только право доступа к ним. Это право запрещено передавать третьим лицам. Например, пунктом 6.3.13 Правил пользования сайтом «ВКонтакте» пользователю запрещается «воспроизводить, дублировать, копировать, продавать, осуществлять торговые операции и перепродавать доступ к использованию Сайта, в том числе его неактивированных данных и команд, для каких-либо целей, за исключением случаев, когда такие действия были прямо разрешены Пользователю в соответствии с условиями настоящих Правил или отдельного соглашения с Администрацией». Предметом лицензионного соглашения социальной сети «Одноклассники» является предоставленное «Лицензиату на условиях простой неисключительной лицензии право использования Социальной сети, включая права использования активированных и неактивированных данных и команд, в пределах, определенных настоящим Соглашением» (п. 3.1 Соглашения); при этом лицензиату запрещено «передавать предоставленные Лицензиату права использования Социальной сети, другим Лицензиатам или третьим лицам посредством заключения сублицензионного договора или иным способом» (п. 4.2.4 соглашения).

При этом сформированная американскими цифровыми компаниями практика, основанная на описанной выше особенности системы общего права, которая исключает возможность наследования договорных прав, предполагает, что после смерти пользователя отношения между ним и соответствующим цифровым сервисом прекращаются. Будущее же аккаунта зависит от политики сервиса. Так, большинство из них предусматривает блокировку или удаление неактивного аккаунта (например, в Twitter, TikTok, Google, почты Yandex, Microsoft, Yahoo, Apple). Соответственно, наследники могут только потребовать досрочного удаления аккаунта. Политика запрещенных в настоящее время в России социальных сетей Facebook и Instagram, напротив, направлена на сохранение контента. Поэтому в пользовательских соглашениях прописана столь широкая лицензия на использование этими социальными сетями пользовательского контента, что пользователь фактически лишен возможности са-

мостоятельно удалить свой аккаунт, и даже после удаления как учетной записи, так и отдельного контента нет гарантии, что этот контент не сохранился в архивах социальных сетей. После смерти пользователя его страница становится «памятной». В этом случае все опубликованные записи будут доступны пользователям с прежними настройками приватности, а сам аккаунт перестанет отображаться в разделе «Вы можете их знать» или напоминаниях о днях рождения, а также дополнится специальной плашкой «Вспоминаем о...».

При этом Facebook отказывается передавать ключи доступа к учетной записи родственникам и наследникам покойного, что стало поводом для упоминавшихся выше судебных разбирательств. Вместе с тем с недавнего времени эта социальная сеть стала предоставлять возможность выбора «доверенного управляющего» – кого-то из списка друзей – «уполномоченным лицом» на случай своей смерти. Этому «доверенному управляющему» будут предоставлены ограниченные права управления учетной записью покойного с единственной целью – увековечения его памяти. Так, управляющий может опубликовать прощальный пост или информацию о похоронах на странице умершего, он может отвечать на новые запросы о добавлении в друзья и менять фото профиля и обложку. При этом он не приобретает доступ к переписке, удалению контактов и редактированию старых записей.

Google также создал сервис на случай длительной неактивности учетной записи. Пользователю предлагается назначить доверенное лицо, которое сможет скачать данные аккаунта до того, как тот будет окончательно удален.

Следует подчеркнуть, что уполномоченное пользователем лицо и в Facebook, и в Google – это кто-то из его друзей или контактов. Учитывая упоминавшиеся выше особенности общения в цифровом пространстве, такими доверенными лицами чаще всего окажутся не родственники или наследники покойного из реального мира, что поднимает вопрос о том, кто имеет приоритетные права на пользовательский контент и управление аккаунтом: доверенное лицо или реальный наследник? И можно ли рассматривать использование подобных услуг, предоставляемых цифровым сервисом, в качестве завещаний? Представляется, что нет, поскольку в обоих приведенных примерах к доверенному лицу переходят только ограниченные полномочия в отношении «увековечения памяти», но не права на саму учетную запись или содержащийся в ней контент. Соответственно, данный институт ближе к назначению душеприказчика (исполнителя завещания) в соответствии со ст. 1134 ГК РФ.

Хотя данный тип пользовательского контента имеет наибольшую связь с личностью покойного, представляется, что связь эта заключается в возможности формирования и потребления контента, установления дружеских отношений и общения,

т. е. процесса пользования аккаунтом. При этом та часть контента, которая была опубликована самим пользователем для общего доступа, не может быть ограничена в использовании, следовательно, доступ к ней не может быть ограничен для родственников и/или наследников покойного. Что касается остальной (приватной) части контента, то здесь, как представляется, было бы верным использовать подход Верховного суда Германии, приравнявшего его к личным письмам и мемуарам, в отношении которых родственники имеют законный нематериальный интерес. При этом наследование самой учетной записи, как и предоставление к ней неограниченного доступа, предполагающего возможность дальнейшего ее использования, невозможны.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить четыре типа учетных записей:

1. Учетные записи, предоставляющие доступ к государственным и иным подобным персонализированным сервисам, связанным с предоставлением услуг, но не порождающим имущественных прав, которые могут передаваться по наследству;

2. Учетные записи в цифровых сервисах, позволяющих пользователям приобретать имущественные права (маркетплейсы, сервисы, предоставляющие лицензию на результаты интеллектуальной деятельности: онлайн-кинотеатры, сервисы потоковой музыки и электронные библиотеки, крипто-кошельки и т. п.);

3. Учетные записи в цифровых сервисах, предназначенных для общения, обмена и совместного создания пользовательского контента (социальных сетях, мессенджерах, электронной почте). Данный тип учетных записей в зависимости от цели использования может делиться на два подтипа:

- а) частные аккаунты;
- б) бизнес-аккаунты;

4. Учетные записи на платформах, объединяющих несколько цифровых сервисов. Особенностью данного типа аккаунтов является то, что один аккаунт позволяет получать доступ к различным цифровым сервисам, относящимся к типам 1–3.

Выводы

Подводя итог, прежде всего следует согласиться с мнением большинства экспертов, подчеркивающих необходимость законодательного регулирования правового статуса учетных записей (аккаунтов) на различных цифровых платформах и сервисах, а также возможности и условий распоряжения правами на них.

Далее, важно подчеркнуть необходимость разграничения учетной записи (аккаунта) как инструмента доступа к разнообразным цифровым сервисам и непосредственно пользовательского контента. Соответственно, представляется, что правовая природа аккаунта является договорной, поскольку

пользователь, создавая учетную запись и представляя требуемые данные, фактически совершает акцепт условий пользовательского соглашения с соответствующей платформой (будь то портал государственных услуг, маркетплейс, почтовый сервис или социальная сеть). Имущественные права пользователя из соответствующего договора (услуг и/или лицензионного) могут быть как неразрывно связаны с его личностью, так и нет. Например, покупки, совершенные на маркетплейсе, аудио- и видеоконтент, приобретенный в соответствующих приложениях, бонусы, полученные в рамках программ лояльности и т. д.: имущественные права на все эти объекты могут передаваться по наследству, а следовательно, имущественные права на учетные записи в данной категории цифровых сервисов подлежат передаче наследникам. Соответственно, в случае правопреемства таких аккаунтов необоснованным является утверждение о недопустимости разглашения персональных данных, указанных пользователем при заполнении своей учетной записи, наследникам, поскольку они становятся правопреемниками по данному договору (п. 5 ст. 6 Федерального закона от 27.07.06 № 152-ФЗ «О персональных данных»).

Напротив, учетные записи в государственных информационных системах неразрывно связаны с личностью пользователя, поскольку государственные услуги предоставляются непосредственно данному гражданину и наследники, как правило, не получают в порядке правопреемства имущественных прав требования к государству. Следовательно, имущественные права на данную категорию аккаунтов не подлежат передаче по наследству.

Наконец, ситуация с мессенджерами, почтовыми сервисами и социальными сетями является наиболее сложной в силу многообразия пользовательского контента, связанного с конкретным аккаунтом, а также учитывая практику использования аккаунтов в социальных сетях как для удовлетворения личных потребностей в общении, так и для осуществления коммерческой деятельности. Это подразумевает необходимость разделения данной категории аккаунтов на две подкатегории: частные аккаунты, используемые пользователями для получения доступа к нематериальным благам (общение, самореализация и т. п.), и коммерческие аккаунты, используемые с целью извлечения прибыли и в силу этого имеющие ценность. Соответственно, первые следует рассматривать как неразрывно связанные с личностью пользователя, в то время как вторые могут входить в состав активов владельцев соответствующего бизнеса, а следовательно, отчуждаться вместе с прочим имуществом и имущественными правами.

Однако данный подход имеет и свои минусы, поскольку, во-первых, на практике не всегда можно четко провести разграничение между указанными двумя типами аккаунтов (например, если блогер использует свою учетную запись как для общения с

подписчиками, так и для коммерциализации своего творчества). Соответственно, во-вторых, требуется детальная нормативная проработка, что может привести к чрезмерному усложнению правового регулирования. Наконец, в-третьих, как было отмечено выше, платформы, зарегистрированные в иностранных юрисдикциях, в своих пользовательских соглашениях указывают в качестве применимого права соответствующих государств, а значит, введение подобной систематизации требует гармонизации законодательства не только на национальном, а на международном уровне, что в современных условиях представляется маловероятным.

Вместе с тем не следует забывать, что, как было отмечено выше, ограничения на переход имущественных прав к наследникам могут быть установлены самим договором. Таким образом, применительно к данной категории учетных записей (в почтовых сервисах, мессенджерах и социальных сетях) подходом, в современных условиях оптимальным (до тех пор, пока не будет разработано надлежащее законодательное регулирование) и соответствующим требованиям действующего законодательства, является единообразная практика, выработанная самими платформами, которые включают в свои пользовательские соглашения условие о неотчуждаемости аккаунтов⁶.

Наконец, пользовательские аккаунты на платформах, предоставляющие доступ к различным сервисам и приложениям, представляют собой смешение обоих типов имущественных прав, в зависимости от предоставляемого сервиса. Поэтому, как представляется, наследование данного типа акка-

унтов невозможно, однако возможно наследование остатка на счете и права доступа к отдельным сервисам (например, средств на счете в «Яндекс Банке», доступа к «Яндекс Музыке» и «Кинопоиску», в то время как доступ к службе заказа такси и быстрой доставки должен быть запрещен, поскольку данные сервисы предоставляют доступ к персональным данным пользователя при отсутствии у него в отношении этих сервисов имущественных прав, которые могли бы быть переданы по наследству).

При этом, как было показано выше, следует проводить различие между непосредственно учетной записью и пользовательским контентом, доступ к которому эта запись предоставляет. В случае если пользовательский контент содержит имущественные права, которые подлежат включению в наследственную массу (например, объекты интеллектуальной собственности), объекты, представляющие законный нематериальный интерес для родственников (письма, мемуары), коммерчески ценную информацию, либо информацию, необходимую для защиты чести и достоинства покойного, выяснения причин его гибели и т. п., как представляется, соответствующие платформы обязаны предоставлять родственникам и/или наследникам доступ к такому контенту.

Вместе с тем для защиты прав пользователей цифровых сервисов и их наследников требуется внесение изменений в законодательство по аналогии с правом ЕС, которое четко определяет, что в случаях споров о наследстве применимым является законодательство места жительства покойного [12].

Литература

1. Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. Особенности правового обеспечения наследования аккаунта, размещенного в социальных сетях / Под редакцией И.Р. Бегишева и др. // Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право». В 6 т. Т. 2. Казань, 2022. С. 418–427.
2. Harbinja E. Digital Death, Digital Assets and Post-Mortem Privacy. Edinburgh University Press, 2023. 266 pp.
3. Богуславский Д.С., Смирнова И.В. «Право на забвение» в сети «Интернет» после смерти гражданина: зарубежные подходы и возможность реализации в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 35–42.
4. Костина О.В., Черненко А.И., Омарова Л.А. Наследование аккаунтов в социальных сетях как средство обеспечения баланса интересов граждан и предпринимателей // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 53–56.
5. Татаркина К.П. Договор об использовании учетной записи пользователя в социальной сети переходит по наследству // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 15–36.
6. Де Роза Р.Е. Что произойдет с моим «цифровым наследием», если я умру? Часть 2 // Право и цифровая экономика. 2022. № 2 (16). С. 16–26. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.16.2.016-026 .
7. Шихамиров И.С. Интернет-аккаунт как объект гражданских прав: практика обращения и перспективы использования категории «аккаунт», «учетная запись» // Цифровая наука. 2021. № 6-2. С. 72–89.
8. Матчина Е.М. Виды цифрового имущества как новые объекты гражданских правоотношений // Сборник трудов конференции «Бизнес, менеджмент и право: digital reality». 2021. С. 373–379.
9. Мефодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2019 г. 28 С. URL: <https://izak.ru/upload/iblock/e90/e90d49ab5e6c5bf5eda9f3efeee007af.pdf> (дата обращения: 07.03.2023).

⁶ Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (абз. 3 п. 14), переход прав наследодателя по договору к наследникам может быть ограничен не только законом, но и договором.

10. Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.
11. Козлова В.Н. Договорное оформление распоряжения правами на аккаунт // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 55–57. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_10_55 .
12. Де Роза Р.Е. Что произойдет с моим «цифровым наследием», если я умру? Часть 1 // Право и цифровая экономика. 2022. № 1 (15). С. 30–40. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.15.1.030-040 .
13. Мигачева А.Ю., Пченушай К.А. Интернет-аккаунт как объект наследственного правопреемства // Государство и право в цифровую эпоху. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г. СПб., 2022. С. 134–143. DOI: 10.47645/9785604755143_134 .
14. Щенников И. В. Правовые вопросы регулирования виртуального наследства в российском и зарубежном праве / Отв. редакторы Н.П. Аслаян, Ю.В. Виниченко // Защита частных прав: проблемы теории и практики. Материалы X Ежегодной международной научно-практической конференции, состоявшейся в рамках II Байкальского юридического форума. Иркутск, 2021. С. 197–206.
15. Савкина А.С. Правовой анализ проблемы наследования аккаунтов в социальных сетях / Под редакцией О.А. Флягиной. // Сборник статей. М. : РГАИС, 2021. С. 38–51.
16. Гринь Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2 (135). С. 128–134. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.128-134 .
17. Рязанов Е.Е. Учетные записи как вид цифровых активов: тенденции гражданско-правового регулирования // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. 2020. С. 83–87.
18. Гапанович А.В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // Наследственное право. 2020. № 2. С. 40–43.

PUBLIC LAW SCIENCES (DIGITAL LAW)

INHERITING THE ‘INFORMATION BODY’: LEGAL REGULATION PROBLEMS

Svetlana Kodaneva⁷

Keywords: *inheritance law, user account, user agreement, personal data, user content, social networks, digital services, electronic mail, property rights.*

Abstract

Purpose of the paper: determining the legal nature of accounts and user content in digital services, establishing the possibility of inheriting them as well as determining the rights of relatives to access the account of the deceased.

Methods of study: general scientific and special methods of cognition as well as methods of logical analysis, analysis of laws, scientific and business literature, comparative analysis, systematisation, generalisation, and systemic approach were used to achieve the goals set in the work.

Study findings: the analysis carried out made it is possible to conclude that it is necessary to discriminate between the rights to digital services accounts and to user content. For the user, property rights to the account derived from the user agreement arise. Property rights to accounts allowing to acquire rights to the results of intellectual activity and property, granting digital rights, and used for commercial activities, are not directly related to the user’s identity, therefore they can be bequeathed. Rights to other types of accounts are inseparably attached to the user’s identity, for which reason they cannot be bequeathed. At the same time, relatives may have a legitimate non-material interest in user content which gives them the right to access such content.

Research novelty: based on the analysis carried out, the author puts forward her own classification of accounts depending on the services and user content to which the account provides access. A need for modifications to the laws of the Russian Federation is also pointed out.

References

1. Kirillova E.A., Zul’fugarzade T.E. Osobennosti pravovogo obespecheniia nasledovaniia akkaunta, razmeshchennogo v sotsial’nykh setiakh. Pod redaktsiei I.R. Begisheva i dr. Sbornik nauchnykh trudov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Tsifrovye tekhnologii i pravo”, v 6 t., t. 2. Kazan’, 2022, pp. 418–427.

⁷ Svetlana Kodaneva, Ph.D. (Law), Leading Researcher at the Department of Legal Studies of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Gubkin National Research University of Oil and Gas, ORCID: 0000-0002-8232-9533, Moscow, Russian Federation. E-mail: kodanevas@gmail.com

2. Harbinja E. Digital Death, Digital Assets and Post-Mortem Privacy. Edinburgh University Press, 2023. 266 pr.
3. Boguslavskii D.S., Smirnova I.V. "Pravo na zabvenie" v seti "Internet" posle smerti grazhdanina: zarubezhnye podkhody i vozmozhnost' realizatsii v Rossii. Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam, 2019, No. 24, pp. 35–42.
4. Kostina O.V., Chernenko A.I., Omarova L.A. Nasledovanie akkauntov v sotsial'nykh setiakh kak sredstvo obespecheniia balansa interesov grazhdan i predprinimatelei. Iuridicheskaya nauka, 2022, No. 6, pp. 53–56.
5. Tatarkina K.P. Dogovor ob ispol'zovanii uchetnoi zapisi pol'zovatelya v sotsial'noi seti perekhodit po nasledstvu. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii, 2019, No. 2, pp. 15–36.
6. De Roza R.E. Chto proizoidet s moim "tsifrovym naslediem", esli ia umru? Chast' 2. Pravo i tsifrovaia ekonomika, 2022, No. 2 (16), pp. 16–26. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.16.2.016-026 .
7. Shikhamirov I.S. Internet-akkaunt kak ob'ekt grazhdanskikh prav: praktika obrashcheniia i perspektivy ispol'zovaniia kategorii "akkaunt", "uchetnaia zapis". Tsifrovaia nauka, 2021, No. 6-2, pp. 72–89.
8. Matchina E.M. Vidy tsifrovogo imushchestva kak novye ob'ekty grazhdanskikh pravootnoshenii. Sbornik trudov konferentsii "Biznes, menedzhment i pravo: digital reality", 2021, pp. 373–379.
9. Mefodeva K.A. Tsifrovye dannye kak ob'ekt grazhdansko-pravovogo regulirovaniia v Germanii, SShA i Rossii : avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk, 2019 g. 28 pp. URL: <https://izak.ru/upload/iblock/e90/e90d49ab5e6c5bf5eda9f3efeee007af.pdf> (data obrashcheniia: 07.03.2023).
10. Sannikova L.V., Kharitonova Iu.S. Pravovaia sushchnost' novykh tsifrovyykh aktivov. Zakon, 2018, No. 9, pp. 86–95.
11. Kozlova V.N. Dogovornoe oformlenie rasporyazheniia pravami na akkaunt. Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika, 2022, No. 10 (214), pp. 55–57. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_10_55 .
12. De Roza R.E. Chto proizoidet s moim "tsifrovym naslediem", esli ia umru? Chast' 1. Pravo i tsifrovaia ekonomika, 2022, No. 1 (15), pp. 30–40. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.15.1.030-040 .
13. Migacheva A.Iu., Pchenushai K.A. Internet-akkaunt kak ob'ekt nasledstvennogo pravopreemstva. Gosudarstvo i pravo v tsifrovuiu epokhu. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 27 apreliia 2022 g. SPb., 2022, pp. 134–143. DOI: 10.47645/9785604755143_134 .
14. Shchennikov I. V. Pravovye voprosy regulirovaniia virtual'nogo nasledstva v rossiiskom i zarubezhnom prave. Otv. redaktory N.P. Aslanian, Iu.V. Vinichenko. Zashchita chastnykh prav: problemy teorii i praktiki. Materialy X Ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, sostoiavsheisia v ramkakh II Baikalskogo iuridicheskogo foruma. Irkutsk, 2021, pp. 197–206.
15. Savkina A.S. Pravovoi analiz problemy nasledovaniia akkauntov v sotsial'nykh setiakh. Pod redaktsiei O.A. Fliaginoi. Sbornik statei. M. : RGAIS, 2021, pp. 38–51.
16. Grin' E.S. Nasledovanie akkauntov v sotsial'nykh setiakh: rossiiskii i zarubezhnyi opyt. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2022, No. 2 (135), pp. 128–134. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.128-134 .
17. Riazanov E.E. Uchetnye zapisi kak vid tsifrovyykh aktivov: tendentsii grazhdansko-pravovogo regulirovaniia. Aktual'nye problemy sovremennoogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 2020, pp. 83–87.
18. Gapanovich A.V. K voprosu o nasledovanii virtual'nogo imushchestva v sotsial'nykh setiakh. Nasledstvennoe pravo, 2020, No. 2, pp. 40–43.

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 290 УК РФ

Фарахиев Д.М.¹, Фарахиева Г.Р.²

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, взяточничество, должностная преступность, противодействие, оборот имущества, незаконное обогащение, восстановление справедливости, принудительное безвозмездное изъятие.

Аннотация

Цель работы: комплексное исследование института принудительного безвозмездного изъятия — конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ), полученного в результате взяточничества.

Методы исследования: использовались общенаучные и частнонаучные методы познания, структурно-логический метод, а также метод уголовно-правового и сравнительного анализа. Материалами исследования послужили научные публикации отечественных авторов, данные статистической отчетности о преступлениях, предусмотренных ст. 290–291.2 УК РФ, результаты авторского социологического исследования и материалы правоприменительной практики о конфискации имущества у должностных лиц.

Результаты исследования: рассмотрены нормы законодательства в области конфискации имущества должностных лиц, которое было приобретено ими в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ. Рассматривается вопрос о возможности конфискации имущества за преступления, предусмотренные ст. 291.1–291.2 УК РФ. Проблемным аспектом конфискации имущества у преступников-взяточников является установление того, какое имущество было приобретено законным способом, а какое — в процессе получения взятки (ст. 290 УК РФ). Затрагиваются оперативно-розыскные аспекты деятельности в процессе конфискации имущества в рамках внесения изменений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД).

Научная новизна: определены и исследованы законные основания для конфискации имущества должностных лиц, приобретенного в результате незаконного обогащения путем взяточничества. Актуальность и новизна исследования подтверждаются высокими статистическими показателями зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 290–291.2 УК РФ, и внесением изменений в Закон об ОРД. Авторами предлагается внести ряд изменений в УК РФ и Закон об ОРД.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-37-43

Введение

Преступления коррупционной направленности на протяжении многих лет представляли большую опасность для государства, поскольку они тормозят экономическое развитие и подрывают авторитет органов власти. Коррупция как социально негативное явление отрицательно воздействует на все сферы жизнедеятельности общества. Наиболее распространенным преступлением коррупционной направленности является взяточничество (ст. 290–291.2 Уголовного кодекса (УК) РФ³).

Согласно статистическим данным о состоянии преступности за период с января по сентябрь 2022

года, на территории страны было зарегистрировано 29 817 преступлений коррупционной направленности, из них связанных со взяточничеством — 16 273⁴. В свою очередь, Республика Татарстан стабильно входит в топ-5 регионов по количеству зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ: в 2021 году в Республике Татарстан было зарегистрировано 169 преступлений исследуемой категории; за период с января по сентябрь 2022 года — 185 преступлений (прирост +12,1%)⁵. В 2021 году в Респу-

³ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹ Фарахиев Динар Минзеферович, оперуполномоченный Управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД по Республике Татарстан, г. Казань, Российская Федерация. E-mail: dfarakhiev@mail.ru

² Фарахиева Гузель Руслановна, адъюнкт Казанского юридического института МВД России, г. Казань, Российская Федерация. E-mail: guzel.khusnutdinova@inbox.ru

⁴ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — сентябрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/33388812> (дата обращения: 04.11.2022).

⁵ Показатели преступности в Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (дата обращения: 04.11.2022).

близке Татарстан было зарегистрировано 197 преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ; за период с января по сентябрь 2022 года — 323 преступления.

Сегодня государством применяется множество мер противодействия взяточничеству. Проведена масштабная работа, в первую очередь на правовом уровне, поскольку в последние несколько лет наблюдается тенденция к трансформации способа и предмета взяточничества. Согласно результатам авторского исследования, предметом взяточничества (взяткой) чаще всего выступают денежные средства в бумажном эквиваленте (84,7%), при этом 31,8% и 27,1% опрошенных отметили, что предметом взяточничества в настоящее время являются денежные средства в электронном эквиваленте и предоставление услуг соответственно. Респонденты отмечают, что в процессе цифровизации способ взяточничества трансформируется. Так, 36,5% опрошенных считают, что преступники-взяточники используют информационный способ передачи и получения взятки.

Следует отметить, что в контексте противодействия взяточничеству возникает острая необходимость в рассмотрении вопроса о конфискации имущества коррумпированных должностных лиц в качестве возмещения ущерба. Об этом также высказался Генеральный прокурор России И.В. Краснов: «...считать приоритетным направлением в работе возмещение ущерба от коррупционных преступлений... сосредоточить усилия на обнаружении местонахождения и последующем аресте преступных доходов, а также имущества, на которое может быть обращено взыскание, в том числе оформленного на иных собственников, находящегося за границей»⁶.

Так, 31 июля 2020 года был принят Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который внес изменения в ряд законов, в том числе дополнил ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции», изложив ее в следующей редакции: «Для целей настоящего Федерального закона цифровая валюта признается имуществом». В 2022 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 44-ФЗ «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции», который позволяет государству взыскать денежные средства должностных лиц, поступившие на их банковские счета и превышающие официальный доход за отчетный период и предшествующие два года.

Исследованием конфискации имущества, полученного в процессе совершения преступления, пред-

усмотренного ст. 290 УК РФ, занимались такие авторы как Ю.К. Краснов [1], А.Ю. Гордеев [2], С.А. Алтухов [3], В.О. Лапин [4] и другие. Вопросами сравнительного анализа уголовно-правового и административного принудительного безвозмездного изъятия имущества занимался П.Н. Смоляков [5]. В свою очередь, мы солидарны с мнением В.А. Казаковой, которая считает, что «конфискация в качестве дополнительного наказания могла бы стать действенной мерой» [6, с. 267].

Результаты исследования

Возмещение ущерба от взяточничества посредством принудительного безвозмездного изъятия, то есть конфискации, регламентируется ст. 104.1, 104.2 и 104.3 УК РФ. В целях предмета исследования под конфискацией понимается принудительное изъятие на безвозмездной основе предмета взяточничества и обращение его в бюджет государства на основании обвинительного приговора суда. В правоприменительной практике трудности возникают при доказывании незаконного приобретения имущества — незаконного обогащения должностных лиц, также встает вопрос о передаче взятки третьему лицу в целях сокрытия коррумпированности преступников-взяточников. Пленум Верховного Суда РФ указывает, что «по делам о коррупционных преступлениях деньги, ценности и иное имущество, переданные в виде взятки или предмета коммерческого подкупа, подлежат конфискации и не могут быть возвращены взяткодателю либо лицу, совершившему коммерческий подкуп, в том числе в случаях, когда они освобождены от уголовной ответственности на основании примечания к статье 291 УК РФ, примечания к ст. 291.2 УК РФ или пункта 2 примечания к статье 204 УК РФ, примечания к ст. 204.2 УК РФ»⁷. Исключением являются случаи, когда лицо добровольно уведомило орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, о требовании дать взятку, если процедура передачи осуществляется под контролем вышеуказанных органов.

Анализируя институт конфискации имущества, полученного должностным лицом незаконным путем, то есть посредством взяточничества, в контексте административного законодательства, мы понимаем, что ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) предусматривает санкцию в качестве «... конфискации денег, ценных бумаг, иного имущества или стоимости услуг имущественного характера, иных имущественных прав»⁸. На наш взгляд, ана-

⁶ Генеральный прокурор Игорь Краснов — о новых способах борьбы с коррупцией. URL: <https://rg.ru/2020/12/08/generalnyj-prokuror-igor-krasnov-o-novyh-sposobah-borby-s-korruptsiej.html> (дата обращения: 04.11.2022).

⁷ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 // Российская газета. 2018. № 134.

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.

логичное деяние, характеризующееся только общественным ущербом, влечет за собой конфискацию предмета взяточничества; в случае мелкого взяточничества данная процедура не допускается, что отражено в соответствующих положениях уголовного законодательства.

Двойственность правового регулирования собственности и имущества, являющегося предметом взяточничества, высказывалась и ранее⁹. По мнению ряда авторов, имущество, которое было получено должностным лицом, выступает в качестве предмета взяточничества. При этом предмет взяточничества — имущество, полученное должностным лицом в целях осуществления незаконных деяний в интересах взяткодателя или третьих лиц, а равно за общее покровительство или попустительство по службе, одновременно может выступать в качестве орудия или средства совершения преступлений, предусмотренных ст. 290—291.2 УК РФ. Следует отметить, что конфискация осуществляется исходя из особенностей различных положений ст. 104.1, 104.2 и 104.3 УК РФ [7, 8].

Вышеуказанное подтверждается материалами правоприменительной практики. Так, гр. А. был признан виновным в покушении на мелкое взяточничество (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ). Однако в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ по преступлениям, предусмотренным ст. 291.2 УК РФ, конфискация имущества не предусмотрена. Несмотря на это, суд решил применить положения ст. 104.1 УК РФ к данному уголовному делу и мотивировал решение следующим образом: предмет взяточничества — денежные средства в размере 5000 рублей являются вещественными доказательствами, а именно средством совершения преступления, в связи с чем необходимо конфисковать в пользу государства (федерального бюджета) денежную сумму в размере 5000 рублей¹⁰.

По мнению авторов, отсутствие ст. 291—291.2 УК РФ в положениях ст. 104.1 УК РФ объективно затрудняет и препятствует комплексному осуществлению уголовно-правового воздействия на взяточничество в целом. В случае перекалфикации ст. 290 УК РФ не в составе одного продолжаемого преступления, а в составе совокупности преступлений (ст. 291.2 УК РФ) вопрос о конфискации не может быть решен на основании ст. 104.1 УК РФ [9, с. 123].

Положения Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ¹¹ регулируют вопросы, которые необходимо выяснить по уголовному делу. Так, в п. 5 ч. 1 ст. 228 УПК РФ говорится о том, что суд должен установить, были ли приняты меры по возмещению ущерба и конфискации имущества.

Процедура установления имущества, полученного должностным лицом в целях осуществления деяний в интересах взяткодателя или третьих лиц, а равно за общее покровительство или попустительство по службе, обладает характерными чертами. Из материалов правоприменительной практики по преступлениям, связанным со взяточничеством, следует, что у коррумпированных должностных лиц в большинстве случаев конфискуется имущество в качестве предмета взяточничества и (или) в качестве средства совершения преступления. Установить многоэпизодные взяточничества для органов предварительного расследования не представляется возможным, в связи с чем по уголовным делам фигурируют лишь единичные факты взяточничества. Трудности возникают также с установлением незаконного обогащения должностных лиц, совершенного посредством платежных карт и банковских счетов, то есть путем передачи электронных денежных средств, поскольку преступники-взяточники оформляют банковские карты и открывают банковские счета на третьих лиц. Поэтому можно констатировать, что уровень латентности преступлений, предусмотренных ст. 290—291.2 УК РФ, в процессе цифровизации оценивается как высокий.

Сегодня возникает вопрос о необходимости изъятия незаконно нажитого имущества должностных лиц и обращения его в пользу государства посредством конфискации, но уголовно-правовые реалии не способствуют эффективному осуществлению норм ст. 104.1 УК РФ. В свою очередь, мы согласны с мнением авторов, которые считают, что необходимо законодательно закрепить положения в области принятия мер, требующих от преступников-взяточников неопровержимых доказательств законности приобретенного имущества, которое, по мнению органов предварительного расследования и суда, подлежит принудительному безвозмездному изъятию [10, с. 110].

В то же время специалисты указывают на аналогичную практику перекалывания бремени доказывания законности приобретения имущества на обвиняемого при наличии достаточных оснований полагать, что обогащение должностных лиц могло быть осуществлено в результате взяточничества и не только, что распространено в некоторых странах мира¹². Отечественное уголовное законодательство в этом отношении консервативно и не обеспечивает должного уровня механизма конфискации имущества от взяточничества должностных лиц.

Необходимо согласиться с вышеуказанными апробированными в мире предложениями о конфискации имущества при наличии оснований полагать, что незаконное обогащение было получено в результате совершения коррупционного преступления, в том числе взяточничества, в случае недока-

⁹ Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности. Омск : Омская академия МВД России, 2008. С. 88.

¹⁰ Приговор Ревдинского городского суда Свердловской области № 1-252/2019 от 11 сентября 2019 г. по делу № 1-252/2019. URL: <https://clck.ru/32jxK> (дата обращения: 04.11.2022).

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

¹² См.: Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: заключена в г. Страсбурге 08.11.1990 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 3. Ст. 203.

занности законности его приобретения собственником — должностным лицом. В случае недоказанности всех эпизодов взяточничества латентная часть (эпизодов) исследуемых видов преступлений может быть рассмотрена в рамках гражданско-правовых отношений. Так, Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»¹³ предусматривает использование гражданско-правовых средств конфискации имущества у преступников-взяточников.

По мнению Генерального прокурора России И.В. Краснова, «задачи изъятия неправомерных доходов достаточно эффективно могут исполняться за счет механизмов контроля за расходами и доходами чиновников... Прокуроры активно внедряют механизмы так называемой гражданской конфискации»¹⁴. В практике существуют примеры эффективности данной деятельности. К примеру, в пользу федерального бюджета было изъято имущество «муниципального» депутата, а именно: автомобиль и три квартиры на сумму 18 000 000 рублей. Следует отметить, что у «муниципального» депутата отсутствовали законные источники приобретения вышеуказанного имущества¹⁵.

Еще одним очевидным примером является удовлетворение искового заявления Генпрокуратуры об обращении в доход государства имущества бывшего главы Республики Марий Эл Леонида Маркелова и аффилированных ему организаций. Согласно материалам дела, у экс-главы имелся игровой развлекательный центр площадью более 17 000 м² и законность наличия данного имущества ничем не подтверждалась. Органами предварительного расследования установлено, что в 2017 году гр. Маркелов через посредника получил взятку в размере 235 000 000 рублей за покровительство и содействие при имущественной выплате средств господдержки на развитие сельскохозяйственного комплекса¹⁶.

Необходимо отметить, что механизм принудительного безвозмездного изъятия денежных средств и иного имущества должностных лиц может быть реализован только в том случае, если имущество было получено за выполнение незаконных действий в пользу взяткодателя или третьих лиц, а равно за общее покровительство или попустительство по службе.

Определение Конституционного суда РФ от 30 сентября 2019 года № 2651-О¹⁷ расширяет терминологию положения ст. 235 Гражданского кодекса (ГК) РФ и дает возможность применять данную норму к имуществу и собственности, которые в целях сокрытия от обращения в пользу федерального бюджета и процедур изъятия были оформлены на третьих лиц (родственников, знакомых, друзей и др.) [11, с. 267]. В рамках гражданско-правовых отношений по вопросам конфискации имущества у преступников-взяточников большое внимание уделяется деятельности оперативных подразделений¹⁸, поскольку Федеральным законом от 28 июня 2022 года № 202-ФЗ были внесены изменения в отдельные статьи Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: «установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации»¹⁹. Однако следует иметь в виду, что эта задача не может быть решена без участия лиц, оказывающих содействие и осуществляющих оперативно-розыскные и иные мероприятия. Изъятие по смыслу ст. 104.1 УК РФ осуществляется только в случае признания судом вины должностного лица — обвинительного приговора суда²⁰. У органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, имеется широкий арсенал возможностей для получения интересующих сведений, в частности, о незаконном приобретении имущества должностными лицами посредством совершения преступлений, предусмотренных ст. 290—291.2 УК РФ.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, исходя из задач оперативно-розыскной деятельности устанавливают имущество, которое необходимо в целях обеспечения исполнения приговора суда в области гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или же подлежит конфискации. Оперативные подразделения органов внутренних дел устанавливают вышеуказанное имущество «в условиях неопределенности будущего вынесения

¹³ О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ // Российская газета. 2012. № 280.

¹⁴ Генеральный прокурор Игорь Краснов — о новых способах борьбы с коррупцией. URL: <https://rg.ru/2020/12/08/generalnyj-prokuror-igor-krasnov-o-novyh-sposobah-borby-s-korrupciej.html> (дата обращения: 04.11.2022).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Гособвинение запросило для экс-главы Марий Эл 17 лет колонии. URL: <https://rg.ru/2020/11/24/reg-pfo/gosobvinenie-zaprosilo-dlia-eks-glavy-marij-el-markelova-17-let-tiurmy.html> (дата обращения: 04.11.2022).

¹⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Захарченко Валентины Николаевны на нарушение ее конституционных прав положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также федеральных законов «О противодействии коррупции», «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и «О прокуратуре Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 30.09.2019 № 2651-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.11.2022).

¹⁸ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Российская газета. 1995. № 160.

¹⁹ О внесении изменений в статьи 2 и 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Федеральный закон от 28.06.2022 № 202-ФЗ // Российская газета. 2022. № 139.

²⁰ Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий / Е.Н. Хазов, И.А. Горшенева, С.А. Егоров [и др.]. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017. 62 с.

обвинительного приговора»²¹. В то же время органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, устанавливается имущество, которое не может подлежать конфискации, но не исключается возможность его приобретения незаконным способом.

Определение конфискованного имущества и его конфискация осуществляются на усмотрение суда, возврат в бюджет государства отвечает требованиям принципа справедливости, поскольку данная задача имеет приоритет.

Согласно проведенному исследованию, в практике имеется ряд проблем, в частности, в деятельности оперативных подразделений лишь 15% оперативных сотрудников имеют опыт конфискации имущества должностных лиц, полученного в процессе совершения противоправных действий — взяточничества. Респонденты отмечают, что проводят оперативное розыскное мероприятие «наведение справок» и направляют запросы в Росреестр, Росфинмониторинг, Федеральную налоговую службу и другие организации в целях получения оперативно-значимой информации о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера должностных лиц. Данные действия оказывают большое влияние на процесс установления имущества, которое подлежит конфискации в связи со взяточничеством.

В настоящее время государством в деятельность органов власти введена Государственная информационная система в области противодействия коррупции «Посейдон»²², которая облегчает процедуру сбора информации о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера должностных лиц, способствуя оперативному сбору информации и эффективной предупредительной деятельности в области борьбы со взяточничеством.

Заключение

Подводя итог проведенного исследования, целесообразно привести мнение А.В. Богданова, который считает, что принудительное безвозмездное изъятие дает возможность обеспечить стадийную комплексную конфискацию доходов от преступлений и способствует эффективности предупреди-

тельной деятельности, в частности, в борьбе с коррупцией [12, с. 99]. Основная сложность конфискации имущества заключается в установлении лица, в чьей собственности находится имущество, и законности его приобретения [13, с. 14]. Как отмечалось нами ранее, конфискация имущества распространяется лишь на то имущество, которое было приобретено должностным лицом в процессе совершения преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ. При этом конфискация имущества, полученного при совершении преступлений, предусмотренных ст. 291—291.2 УК РФ, осуществляется лишь в качестве вещественных доказательств — средства совершения преступления.

Таким образом, в целях эффективности применения института конфискации необходимо повысить роль органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в области установления имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или подлежащего конфискации. Чтобы нивелировать проблемы законодательного регулирования конфискации имущества преступников-взяточников, предлагается внести изменения в ст. 104.1 УК РФ, в частности:

а) в пункт «а» части 1 добавить: «... преступления, предусмотренные ст. 291, 291.1, 291.2 УК РФ ...».

Авторами также предлагается внести в Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» следующие изменения:

а) в абзацы статьи 7 внести изменения и изложить в следующей редакции: «сведения об имуществе, необходимом для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации»;

б) в абзац 2 добавить пункт 4 и изложить в следующей редакции: «об имуществе, необходимом для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации»;

в) в абзацы 2 и 4 статьи 11 добавить: «...государственному обвинителю, в производстве которого находится уголовное дело...».

²¹ Оперативно-розыскная деятельность : учебник / И.А. Климов, Л.Л. Тузов, Е.С. Дубонос [и др.]. 4-е издание, переработанное и дополненное. М. : Юнити-Дана, 2019. 439 с.

²² О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 18. Ст. 3053.

Литература

1. Краснов Ю.К. Институт конфискации имущества в уголовном праве России: уроки борьбы с доходами, полученными преступным путем, в оценке Верховного суда РФ // *Право и управление. XXI век*. 2018. № 2 (47). С. 22—30.
2. Гордеев А.Ю. К вопросу о проблемах конфискации имущества по уголовным делам коррупционной направленности // *Аграрное и земельное право*. 2018. № 9 (165). С. 113—116.
3. Алтухов С.А., Сасиков А.И. Конфискация имущества: неотъемлемое средство противодействия коррупции или очередная профанация? // *Юристы-Правоведь*. 2016. № 5 (78). С. 40—46.
4. Лапин В.О. Обеспечение возмещения ущерба по уголовным делам о преступлениях, связанных с освоением бюджетных средств // *Труды Академии управления МВД России*. 2016. № 4 (40). С. 41—45.
5. Смоляков П.Н. Сравнительные аспекты конфискации предметов противоправной деятельности в УК и КоАП Российской Федерации // *Российская юстиция*. 2015. № 1. С. 59—61.
6. Казакова В.А., Иншаков С.М. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // *Уголовно-исполнительное право*. 2019. Т. 14. № 3. С. 263—268.
7. Бавсун М.В., Миронова Н.А. Уголовная ответственность за мелкий коммерческий подкуп. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 65—67.
8. Безверхов А.Г. О предмете взятничества и коммерческого подкупа // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право»*. 2013. № 2. С. 87—92.
9. Миронова Г.Н. Предмет конфискации при мелком коммерческом подкупе и мелком взятничестве // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2021. № 1 (89). С. 121—125.
10. Тугаринов Н.В. Повышение эффективности осуществления оперативно-розыскного обеспечения установления имущества, подлежащего конфискации // *NovaUm.Ru*. 2018. № 14. С. 108—111.
11. Шаров С.В. Установление имущества, добытого путем совершения коррупционных преступлений, на стадии судебного процесса // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021. № 1 (53). С. 265—269.
12. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Актуальные вопросы незаконной миграции как одного из видов организованной преступности в современной России // *Вестник Московского университета МВД России*. 2014. № 2. С. 98—101.
13. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Деятельность оперативных служб по установлению имущества, подлежащего изъятию и конфискации // *Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики*. 2019. № 2. С. 11—16.

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENITENTIARY LAW

CONFISCATION OF PROPERTY ACQUIRED AS A RESULT OF COMMITTING AN OFFENCE UNDER ARTICLE 290 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA

Dinar Farakhiev²³, Guzel' Farakhieva²⁴

Keywords: *corruption offences, bribery, malfeasance in office, counteraction, circulation of property, unlawful enrichment, restoration of justice, compulsory uncompensated seizure.*

Abstract

Purpose of the paper: a multi-faceted study of the institution of compulsory uncompensated seizure, i. e. confiscation of property acquired as a result of bribery (Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter: the CC of the RF)).

Methods of study: general and specific methods of scientific cognition, the logical structure method as well as the methods of criminal legal and comparative analysis were used. Research publications of domestic authors, statistical data on offences under Articles 290–291.2 of the CC of the RF, results of sociological studies carried out by the authors and law enforcement practice concerning confiscation of property of officials served as materials for this study.

Study findings: legal regulations in the field of confiscation of property of officials acquired by them as a result of committing offences under Article 290 of the CC of the RF are considered. The question of possibility of confiscating property for committing offences under Articles 291–291.2 of the CC of the RF. A problem aspect of confiscation of property of bribe takers is establishing which property was acquired legally and which in receiving a bribe (Art. 290 of the CC of the RF). Police intelligence aspects of the activities aimed at confiscating property are considered, in the context of making modifications to the Federal Law “On Police Intelligence Activities” (hereinafter: the PIA Law).

²³ Dinar Farakhiev, police agent at the Directorate for Economic Security and Combating Corruption of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation. E-mail: dfarakhiev@mail.ru

²⁴ Guzel' Farakhieva, postgraduate student at the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation. E-mail: guzel.khusnutdinova@inbox.ru

Research novelty: legal grounds for confiscating the property of officials acquired as a result of unlawful enrichment by way of bribery are identified and examined. The topicality and novelty of the study are confirmed by high statistical figures for registered offences under Articles 290–291.2 of the CC of the RF and making amendments to the PIA Law. The authors propose making a number of modifications to the Criminal and Criminal Procedure Codes of the Russian Federation as well as to the Federal Law “On Police Intelligence Activities”.

References

1. Krasnov Iu.K. Institut konfiskatsii imushchestva v ugovnom prave Rossii: uroki bor'by s dokhodami, poluchennymi prestupnym putem, v otsenke Verkhovnogo suda RF. *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2018, No. 2 (47), pp. 22–30.
2. Gordeev A.Iu. K voprosu o problemakh konfiskatsii imushchestva po ugovnym delam korruptsionnoi napravlenosti. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 2018, No. 9 (165), pp. 113–116.
3. Altukhov S.A., Sasikov A.I. Konfiskatsiia imushchestva: neot'emlemoe sredstvo protivodeistviia korruptsii ili ocherednaia profanatsiia? *Iurist' - Pravoved'*, 2016, No. 5 (78), pp. 40–46.
4. Lapin V.O. Obespechenie vozmeshcheniia ushcherba po ugovnym delam o prestupleniakh, svyazannykh s osvoeniem biudzhethnykh sredstv. *Trudy Akademii upravleniia MVD Rossii*, 2016, No. 4 (40), pp. 41–45.
5. Smoliakov P.N. Sravnitel'nye aspekty konfiskatsii predmetov protivoppravnoi deiatel'nosti v UK i KoAP Rossiiskoi Federatsii. *Rossiiskaia iustitsiia*, 2015, No. 1, pp. 59–61.
6. Kazakova V.A., Inshakov S.M. Konfiskatsiia imushchestva kak mera protivodeistviia korruptsii. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 2019, t. 14, No. 3, pp. 263–268.
7. Bavsun M.V., Mironova N.A. Ugolovnaia otvetstvennost' za melkii kommercheskii podkup. M. : Iurlitinform, 2020, pp. 65–67.
8. Bezverkhov A.G. O predmete vziatochnichestva i kommercheskogo podkupa. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii, seriia "Pravo"*, 2013, No. 2, pp. 87–92.
9. Mironova G.N. Predmet konfiskatsii pri melkom kommercheskom podkupe i melkom vziatochnichestve. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2021, No. 1 (89), pp. 121–125.
10. Tugarinov N.V. Povyshenie effektivnosti osushchestvleniia operativno-rozysknogo obespecheniia ustanovleniia imushchestva, podlezhashchego konfiskatsii. *NovaUm.Ru*, 2018, No. 14, pp. 108–111.
11. Sharov S.V. Ustanovlenie imushchestva, dobytogo putem soversheniia korruptsionnykh prestuplenii, na stadii sudebnogo protsesssa. *Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2021, No. 1 (53), pp. 265–269.
12. Bogdanov A.V., Khazov E.N. Aktual'nye voprosy nezakonnoi migratsii kak odnogo iz vidov organizovannoi prestupnosti v sovremennoi Rossii. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, No. 2, pp. 98–101.
13. Bogdanov A.V., Il'inskii I.I., Khazov E.N. Deiatel'nost' operativnykh sluzhb po ustanovleniiu imushchestva, podlezhashchego iz'iatiiu i konfiskatsii. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki*, 2019, No. 2, pp. 11–16.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЮ МОЛОДЕЖИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Сарапкина Е.Н.¹

Ключевые слова: идеология, Интернет, финансирование терроризма, информационно-коммуникационные технологии, средства массовой информации, экстремизм, терроризм.

Аннотация

Цель статьи: изучить причины распространения терроризма и экстремизма в молодежной среде, способы, методы и средства вовлечения молодых людей в преступления данной категории, раскрыть правовые основы противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности, рассмотреть способы повышения эффективности применяемых правовых мер в сфере противодействия терроризму и экстремизму.

Метод исследования: применялись общенаучные методы исследования (анализ, синтез, описание, сравнение), основу исследования составил диалектический метод познания.

Полученные результаты: изучены основные проблемы, возникающие в сфере противодействия экстремистским и террористическим проявлениям среди молодежи, проанализированы основные меры по пресечению и предупреждению терроризма и экстремизма, при этом главное внимание уделено правовым и информационным мерам.

Сделан вывод, что распространение терроризма и экстремизма в молодежной среде обусловлено широким кругом политических и экономических проблем, социальных противоречий, которые приобрели общесистемный характер, внешнеполитических угроз, а также факторами социокультурного и социально-психологического характера.

Существующая система национального законодательства в сфере противодействия терроризму и экстремизму обладает достаточным набором правовых мер, позволяющих эффективно осуществлять борьбу с этими опасными явлениями и их профилактику. В то же время недостаточная эффективность правоприменительной деятельности требует дальнейшего совершенствования законодательства и основных мер по противодействию экстремистским и террористическим проявлениям. Расширение использования Интернета и информационных технологий в террористических и экстремистских целях требует принятия активных ответных мер, в том числе выработки единых международных правовых стандартов поведения в информационной среде.

Научная новизна: доказана необходимость повышения эффективности применяемых норм действующего законодательства в сфере противодействия терроризму и экстремизму, а также в сфере информационных технологий. Обоснована позиция по вопросу криминализации новых составов преступлений террористической и экстремистской направленности и декриминализации отдельных составов преступлений в данной сфере.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-44-58

Введение

Терроризм приобрел транснациональный характер и представляет угрозу международной, региональной и национальной безопасности. Террористические организации из радикальных формирований превращаются в крупные террористические сети, обладающие разветвленной организационной структурой, имеющие серьезную государственную и частную финансовую поддержку, использующие инновационные технические решения. Доступность современных информационно-коммуникационных

технологий позволяет сокращать материальные издержки преступной деятельности, вести более агрессивную информационно-пропагандистскую кампанию по привлечению новых сторонников, в том числе среди молодежи.

В изменившейся геополитической обстановке, в условиях формирования новой структуры мирового порядка, ослабления и разрушения существующих международных правовых институтов усиливается тенденция поддержки отдельными

¹ Сарапкина Елена Николаевна, заместитель начальника отдела анализа и обработки правовой информации ФБУ «Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация. E-mail: Elena.Sarapkina@scli.ru

государствами террористических и экстремистских группировок в интересах дестабилизации внутригосударственной общественно-политической обстановки других стран, обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, нарушения территориальной целостности или развязывания гражданских войн. В этих условиях важное значение для Российской Федерации приобретает укрепление государственного суверенитета, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных ценностей, противодействие международным неправительственным, религиозным, террористическим и экстремистским организациям в осуществлении пропагандистской деятельности и деятельности по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи.

Современный период развития Российской Федерации характеризуется нестабильной политической и социально-экономической обстановкой, межэтнической и межнациональной напряженностью, распространением радикальных идей среди населения, ростом количества преступлений экстремистской направленности, обострением внешних и внутренних экстремистских и террористических угроз.

Результаты исследования

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации о состоянии преступности в России² за 11 месяцев 2022 г. (январь — ноябрь) в стране зарегистрировано более 1,8 млн преступлений, что примерно соответствует уровням последних трех лет за этот же период. Относительно предшествующего года их число сократилось на 1,6%.

В 2022 г. (за 11 месяцев) было выявлено 1407 преступлений экстремистской направленности, в 2021 г. — 1057, в 2020 г. — 833. Таким образом, возросло количество выявленных уголовно наказуемых деяний в сфере противодействия преступным проявлениям экстремизма (с 833 до 1407).

За 11 месяцев 2022 г. наблюдалось некоторое снижение количества зарегистрированных преступлений террористической направленности — 2109. В 2021 г. было зарегистрировано 2136 преступлений террористической направленности, в 2020 г. зарегистрировано 2342 таких преступлений.

При этом сохраняется высокий уровень террористических угроз, связанных с деятельностью международных террористических организаций по подготовке террористических актов и диверсий, распространению идеологии терроризма, вербовке

новых сторонников и созданию законспирированных ячеек с целью совершения преступлений террористической направленности.

В 2021 г. свыше 40% террористических проявлений зафиксировано в Северо-Кавказском федеральном округе — 910. В 2022 г. зафиксировано снижение террористических проявлений в данном округе до 764. А в 2020 г. было зафиксировано 1195.

В отношении преступлений экстремистской направленности можно отметить, что больше всего зафиксировано таких преступлений в Центральном федеральном округе: в 2022 г. — 388, в 2021 г. — 246, в 2020 г. — 158.

Как и в 2020 году, определяющее влияние на тенденции экстремистской преступности в 2021 году оказало увеличение количества преступлений, предусмотренных статьей 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) Уголовного кодекса Российской Федерации. Зарегистрировано 486 таких деяний, большинство из которых совершены с использованием сети Интернет (456).

В 2022 г. продолжилась тенденция к снижению уровня криминализации подростковой среды. Статистические данные за 11 месяцев 2022 г. показали, что общее число выявленных преступлений, совершенных несовершеннолетними, сократилось на 4,3% (с 31 865 до 26 758), за 2021 г. — на 15,6% (с 37 771 до 31 865), за 2020 г. — на 9,1% (с 41 548 до 37 771).

В 2022 г. продолжилось сокращение числа выявленных случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий. За 11 месяцев 2022 г. выявлено 1174 таких противоправных действия (сократилось на 13%). В 2021 г. было зафиксировано сокращение регистрации таких деяний на 5,6% (выявлено 1,5 тыс.).

Таким образом, наблюдается тенденция сокращения зарегистрированных преступлений террористической направленности, при этом статистические данные свидетельствуют о стабильном росте преступных проявлений экстремизма.

В настоящее время терроризм и экстремизм остаются реальной угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Особую тревогу вызывают участвовавшие проявления экстремизма в молодежной среде, вовлечение молодежи³ в организации экстремистской направленности.

По оценке Э.С. Ахъядова и Ж.А. Салгириевой, проявления экстремизма в молодежной среде в настоящее время стали носить более опасный для общества характер, чем за все прошедшие перио-

² Ежемесячный сборник о состоянии преступности Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения 20.02.2023).

³ В соответствии с Федеральными законами от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» и от 30.12.2020 № 507-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 13 Федерального закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» к молодежи относятся лица в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ); в Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 годы к числу молодежи отнесено население Российской Федерации (социальные группы) в возрасте от 14 до 23 лет.

ды существования Российского государства. Распространение молодежного экстремизма в России стало одной из острых проблем. Увеличивается количество преступлений, поднимается уровень насилия, его проявления становятся все более жесткими и профессиональными [12, с. 87].

Распространение терроризма и экстремизма в молодежной среде обусловлено широким кругом политических и экономических проблем, социальных противоречий, которые приобрели общесистемный характер, внешнеполитических угроз.

К одной из главных причин возникновения и распространения терроризма и экстремизма в молодежной среде относят также факторы социокультурного и социально-психологического характера.

Молодые люди, особенно несовершеннолетние, в силу возрастных особенностей наиболее уязвимы для негативного (деструктивного) влияния идеологии терроризма и экстремизма, наиболее подвержены манипулированию и склонны к принятию протестных идей и настроений.

Как отмечено В.К. Довгало: «Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой легче приживаются радикальные взгляды и убеждения, наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала, поэтому молодые граждане часто становятся мишенью экстремистских организаций, использующих российскую молодежь в своих интересах» [9, с. 22].

Националистическими, радикальными общественными, религиозными, этническими и иными организациями и объединениями, отдельными лицами, распространяющими идеологию насилия, предпринимаются попытки вовлечения (склонения, вербовки или иного вовлечения) молодежи в террористическую, экстремистскую и иную противоправную деятельность.

Способы воздействия на молодых людей с целью склонения их к участию в террористической или экстремистской деятельности разнообразны: убеждение (через использование псевдопатриотических идей, популяризацию идей национализма и сепаратизма, популяризацию экстремистской и террористической идеологии, финансовые стимулы и др.), а также принуждение.

Многие террористические и экстремистские организации для привлечения в свои ряды новых молодых членов, разжигания и обострения межэтнических и межконфессиональных конфликтов используют также религиозный фактор.

Проблема становления и распространения религиозного фундаментализма в современном мире является актуальной и недостаточно исследованной именно в контексте влияния последствий и возможных угроз, вызванных радикализацией и экстремистскими проявлениями религиозного характера [14, с. 399].

С учетом анализа статистических данных и социологических опросов⁴ проведена сегментация групп лиц с точки зрения уязвимости к экстремистской и террористической пропаганде: это люди со средним общим (школьники) или средним специальным образованием, безработные, мигранты, российские студенты, иностранные студенты.

По данным отчета Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ)⁵, некоторым террористическим организациям требуются услуги специалистов гражданских профессий, которые не могут быть завербованы на идейной почве (инженеры, врачи, IT-специалисты, финансисты и т. д.).

Наиболее распространенными каналами вовлечения в террористическую и экстремистскую деятельность являются: социальные сети, медиа-ресурсы, интернет-игры, школы и вузы, спортивные учреждения, националистические и религиозные организации, деструктивные молодежные сообщества, соседи, дружеская среда, родственники, случайные люди, тюрьмы и исправительные центры, районы, где террористическая организация имеет контроль над территорией или распространила свое влияние, иностранные боевики-террористы, возвращающиеся из зон конфликтов.

Идеологами экстремизма и терроризма все активнее используется интернет-пространство и социальные сети для возбуждения экстремистских настроений, распространения идеологии терроризма, массового распространения нелегального контента, для координации экстремистской и террористической деятельности, оказания финансовой или иной материальной поддержки террористическим и экстремистским организациям и проведения вербовочной работы.

Террористические и экстремистские организации освоили все основные социальные сети, имеют свои интернет-сайты, например, международная террористическая организация «Исламское государство» (ИГИЛ) располагает личным медиа-агентством и радио, при этом вещание ведется сразу на нескольких языках.

Х.А. Аккаева пишет: «В распространении своей идеологии террористические и экстремистские организации стремятся максимально использовать информационную сферу, которая в условиях глобальной информатизации общества предоставляет широкие возможности для этого. Сила воздействия информационных ресурсов многократно превосхо-

⁴ Статистические данные по преступлениям террористической направленности на территории России // Обзор НЦПТИ. № 3 (26). 2021. С. 35—50; Результаты социологического исследования среди студентов «Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде» // Обзор НЦПТИ. № 1 (28). 2022. С. 18—28.

⁵ Официальный сайт Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). URL: <https://www.fedsfm.ru/documents/international-fatf> (дата обращения: 21.12.2022).

дит физические воздействия терактов, кратко по-полняя ряды сторонников» [10, с. 24].

По мнению экспертов, основные причины популярности интернет-ресурсов заключаются в следующих преимуществах данного средства коммуникации: открытость; глобальное распространение; обеспечение анонимности; незначительные масштабы регулирования и цензуры со стороны государства, ограниченные техническими возможностями и юридическими нормами; широкие возможности использования; высокая скорость передачи информации; дешевизна и простота в использовании; возможность создания контента самими пользователями; мультимедийные возможности; возможность сочетать различные типы информации (текстовую, графическую, аудио и видеоматериалы); поддержка финансовых операций, в том числе в криптовалюте [4, с. 208; 5, с. 196; 6, с. 14; 7, с. 222].

Создаваемые террористическими и экстремистскими организациями сайты проектируются на высоком профессиональном уровне с использованием большого количества наглядной информации, которая используется в отношении той категории граждан, которая большую часть своего времени находится в виртуальном пространстве, в основном подростков и молодежи.

«Внедрение экстремизма в молодежную среду в настоящее время приобрело очень большие масштабы и имеет опасные последствия для будущего нашей страны, так как подрастающее поколение — это ресурс национальной безопасности, гарант поступательного развития общества и различного рода инноваций»⁶.

Как уже отмечалось, распространение экстремизма и террористических проявлений среди молодежи стало одной из острейших проблем и представляет серьезную угрозу безопасности государства и общества.

Борьба с терроризмом и экстремизмом является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации и неотъемлемой частью стратегических целей государственной и общественной безопасности Российской Федерации.

Целью государственной политики в сфере противодействия терроризму и экстремизму является защита основ конституционного строя Российской Федерации, государственной и общественной безопасности, прав и свобод граждан от террористических актов и иных проявлений терроризма, от экстремистских угроз.

В целях оперативного реагирования на существующие внешние и внутренние террористические и экстремистские угрозы государством принят зна-

чительный комплекс правовых и организационных мер, направленных на создание общегосударственной системы противодействия терроризму и экстремизму в России.

Общегосударственная система противодействия терроризму и экстремизму представляет собой совокупность субъектов противодействия и нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность по установлению причин террористических и экстремистских проявлений, выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию преступлений террористической и экстремистской направленности, минимизации и (или) ликвидации последствий их проявлений.

Существующая система национального законодательства⁷ в сфере противодействия терроризму и экстремизму обладает достаточным набором правовых мер, позволяющих эффективно осуществлять борьбу с этими опасными явлениями и их профилактику. В то же время недостаточная эффективность правоприменительной деятельности требует дальнейшего совершенствования основных мер по противодействию экстремистским и террористическим проявлениям.

Совершенствование действующего уголовного законодательства предполагает криминализацию новых общественно опасных деяний, в том числе террористической и экстремистской направленности.

В целях создания дополнительных механизмов противодействия террористическим и иным экстремистским проявлениям и повышения эффективности системы выявления, предупреждения и пресечения актов терроризма и иных форм экстремизма

⁷ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. 26.05.2021) «О противодействии терроризму»; Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (в ред. 28.12.2022) «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (в ред. 29.12.2022) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2006 № 116 (в ред. 25.11.2019) «О мерах по противодействию терроризму»; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400; Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 29.05.2020 № 344; Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации от 05.10.2009; Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 годы, утвержденный Президентом Российской Федерации 28.12.2018 № Пр-2665; Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утвержденная Президентом Российской Федерации от 30.05.2018; постановление Правительства Российской Федерации от 04.05.2008 № 333 (в ред. 17.04.2021) «О компетенции федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в области противодействия терроризму»; приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 25.04.2019 № 247 «Об организации работы в Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по обеспечению условий для формирования у молодежи гражданской позиции, противодействия идеологии терроризма и экстремизма» и др.

⁶ Н.Б. Бааль. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления : автореферат дис. ... доктора политических наук: 23.00.02 / Бааль Наталья Борисовна. Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского.

Уголовный Кодекс Российской Федерации был дополнен новыми составами преступлений. Предусмотрено усиление уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности, в том числе за вербовку в ряды террористических организаций⁸, неоднократные пропаганды либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или террористического и экстремистского характера символики⁹.

Введена процедура отмены решения о приобретении российского гражданства в случае совершения лицом преступления (приготовления к преступлению или покушения на преступление) террористической и экстремистской направленности¹⁰.

В настоящее время в действующем уголовном законодательстве установлена повышенная ответственность при совершении преступлений с использованием средств массовой информации и Интернета.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о расширении использования Интернета и информационных технологий в террористических и экстремистских целях, что требует принятия активных ответных мер.

Вместе с тем одного ужесточения уголовного законодательства явно недостаточно. Законодательство должно не только предусматривать наказание за совершенное противоправное деяние экстремистской (террористической) направленности, но и содержать превентивные меры, носить докриминальный характер [11, с. 32].

Важно отметить, что в целом деятельность законодателя в части уголовно-правовой регламентации преступлений экстремистской и террористической направленности подвергается критике.

Зачастую изменения уголовного закона имеют в основе информационный повод, но не базируются на комплексном осознании социальных и правовых причин криминализации (декриминализации). Внешение корректив в уголовный закон происходит в короткие сроки и не проходит через критику со стороны исследователей и практиков [3, с. 5].

С.И. Бушмин отмечает, что действующий уголовный закон содержит множество недостатков в уголовно-правовой регламентации криминальных

проявлений терроризма и экстремизма. Отмеченные в исследовании трудности интерпретации признаков отдельных составов преступлений, нашедшие подтверждение в примерах из судебной практики, свидетельствуют о проблемах в нормотворчестве. В корне изменить ситуацию может лишь системная корректировка нормативных положений Уголовного кодекса Российской Федерации и регулятивного законодательства, основанная на целостном понимании социальных оснований изменения уголовного закона, а также надлежащего использования приемов и методов юридической техники конструирования текста уголовно-правовых норм [1, с. 149].

В научной литературе поднимается вопрос о необходимости унификации уголовного антиэкстремистского законодательства. При этом существуют различные доктринальные подходы и обоснования необходимости систематизации и унификации преступлений экстремистской направленности.

По мнению А.В. Петрянина, своеобразным итогом унификации и систематизации уголовного законодательства, направленного на противодействие современному экстремизму и появляющимся новым его формам, может стать создание самостоятельной главы 29.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления экстремистской направленности», систематизирующей существующие деяния, а также предлагаемые для криминализации, с учетом специфики родового, видового и непосредственных объектов и мотивов их совершения¹¹.

Совершенствование действующего законодательства в сфере противодействия терроризму и экстремизму не ограничивается только совершенствованием уголовно-правовых мер, но и направлено на совершенствование административно-правовых мер, а также создание дополнительных мер по противодействию терроризму и экстремизму.

Наблюдается тенденция ужесточения административной ответственности за административные правонарушения экстремистской направленности, в том числе в сфере ограничения доступа к информации, информационным ресурсам, доступ к которым подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации.

Анализ нормативных правовых актов свидетельствует, что террористическая угроза и экстремизм несут в себе большую общественную опасность и являются серьезной проблемой национальной безопасности государства. В то же время уголовное и административное законодательство в сфере противодействия терроризму и экстремизму

⁸ Федеральный закон от 29.12.2017 № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 29.12.2017. № 0001201712290061.

⁹ Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.03.2022. № 0001202203040007.

¹⁰ Федеральный закон от 29.07.2017 № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 30.07.2017. № 0001201707300049.

¹¹ Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Петрянин Алексей Владимирович. Место защиты: Нижегород. акад. МВД России. Нижний Новгород, 2015. С. 378.

содержит достаточное количество недостатков, что требует дальнейшее его совершенствования.

Одним из важных направлений совершенствования механизмов, способствующих эффективной реализации мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму и пресечению террористической и экстремистской деятельности, является применение комплекса *административно-правовых* и *информационно-правовых мер*.

В сфере противодействия экстремистской деятельности и защиты духовно-нравственных ценностей были приняты изменения в законодательные акты, направленные на установление запрета публичного отождествления роли СССР и фашистской Германии во Второй мировой войне (1939—1945 гг.), на сохранение памяти о защитниках Отечества, обеспечение исторической правды¹², установления запрета на публичное демонстрация на территории Российской Федерации изображений лиц, признанных виновными в совершении преступлений в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), за исключением случаев, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацизма, в части уточнения формулировок, определяющих понятие экстремистской деятельности (экстремизма)¹³.

Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹⁴.

В соответствии с правовым актом традиционные ценности рассматриваются государством как основа российского общества, позволяющая защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала.

Угрозу традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия

Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России.

Объектом особого внимания правоохранительных органов являются иностранные и международные неправительственные организации, деятельность которых направлена на вмешательство во внутренние дела Российской Федерации, дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки в стране, оказание информационно-психологического воздействия на население, прежде всего молодежь, а также содействие деятельности международных экстремистских и террористических организаций, распространению экстремистской идеологии и радикализма в обществе.

Особую обеспокоенность вызывает экстремистская деятельность иностранных организаций и подконтрольных им российских объединений, осуществляемая под видом гуманитарных, образовательных, культурных, национальных и религиозных проектов.

В целях создания дополнительных мер по противодействию проникновения на территорию Российской Федерации нежелательных организаций и блокированию попыток их деструктивного влияния на социальные и политические институты российского общества были внесены изменения в Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» и Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹⁵.

В целях повышения эффективности регулирования института иностранных агентов был принят Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»¹⁶.

Помимо ранее закрепленных в законодательстве Российской Федерации ограничений для иностранных агентов, Законом предусматриваются также новые, имеющие важное значение, — например, запрет влияния иностранных агентов на детей в Российской Федерации. Иностранцам запрещено осуществлять преподавательскую, просветительскую, воспитательную деятельность в отно-

¹² Федеральный закон от 01.07.2021 № 278-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 01.07.2021. № 0001202107010008.

¹³ Федеральный закон от 01.07.2021 № 280-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» и статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 01.07.2021. № 0001202107010019; Федеральный закон от 31.07.2020 № 299-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 31.07.2021. № 0001202007310069.

¹⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 09.11.2022. № 0001202211090019.

¹⁵ Федеральный закон от 28.06.2021. № 230-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статью 3.1 Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 28.06.2021. № 0001202106280031.

¹⁶ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 14.07.2022. № 0001202207140018.

шении несовершеннолетних, производить информационную продукцию для несовершеннолетних.

Для информирования граждан Российской Федерации о том, какие организации и лица являются иностранными агентами, предусматривается ведение реестра, содержащего информацию о том, кто аффилирован с иностранными агентами.

Существенно увеличилось возможности эффективного противодействия экстремистской деятельности и терроризму за счет расширения сферы применения полномочий прокуроров, направленных на пресечение доступа к запрещенной информации во внесудебном порядке¹⁷.

Федеральным законом от 14.07.2022 № 277-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁸ определены случаи, при которых на основании требования Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителей деятельность СМИ может быть приостановлена, регистрация СМИ признана недействительной или может быть прекращено действие лицензии на вещание.

По требованиям Генерального прокурора или его заместителей Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) принимаются меры по постоянному ограничению доступа к информации, содержащей обоснование или оправдание осуществления экстремистской или террористической деятельности, ложные сообщения об актах терроризма, иной недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности.

Федеральным законом от 01.07.2021 № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁹ предусмотрена возможность ограничения по требованию Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителей доступа к информации, нарушающей положения законодательства о финансовом рынке.

Генеральной прокуратурой во взаимодействии с ФСБ России, МВД России и Роскомнадзором при-

нимаются меры по противодействию использованию информационной инфраструктуры для осуществления деструктивного информационного воздействия на российское общество и усилению защиты информационного пространства от пропаганды идеологии экстремизма и терроризма.

Для пресечения распространения экстремистских материалов прокуроры направляют в суды иски о признании информационных материалов экстремистскими.

Копия вступившего в законную силу решения суда о признании материалов экстремистскими направляется в Минюст России для включения сведений в федеральный список экстремистских материалов.

Порядок ведения федерального списка экстремистских материалов устанавливается Минюстом России.

В Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» были внесены изменения²⁰, предусматривающие создание государственной информационной системы — специализированного информационного банка данных экстремистских материалов.

Законом предусматривается определение Минюста России оператором системы с наделением его полномочиями по утверждению порядка ведения и использования банка данных.

Внесенные в законодательство изменения позволяют обеспечить оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, проводимые в рамках противодействия экстремистской деятельности, и организацию профилактических мероприятий, направленных на ее предупреждение.

А.И. Бастрыкин считает необходимым активно продолжать мероприятия по противодействию распространению в сети Интернет опасного для молодежи контента, способствующего вовлечению несовершеннолетних в деструктивную деятельность [8, с. 844].

Важным шагом по совершенствованию законодательной базы в целях ограничения доступа (в том числе ребенка) к интернет-сайтам, содержащим информацию, распространение которой законодательно запрещено, стало создание Единого реестра доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено — так называемого черного списка ин-

¹⁷ Федеральный закон от 14.07.2022 № 277-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 14.07.2022. № 0001202207140041; Федеральный закон от 30.12.2021 № 441-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 3 и 5 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 30.12.2021. № 0001202112300008.

¹⁸ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 14.07.2022. № 0001202207140041.

¹⁹ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 01.07.2021. № 0001202107010038.

²⁰ Федеральный закон от 14.07.2022 № 303-ФЗ «О внесении изменений в статью 265.10 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и статьи 13 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 14.07.2022. № 0001202207140065.

тернет-ресурсов, которые содержат запрещенную информацию [2, с. 34].

Законодательно закреплён механизм, направленный на создание условий принудительного блокирования интернет-страниц, содержащих информацию, запрещенную для распространения на территории России, оперативного выявления конкретных лиц, распространяющих запрещенную информацию, пресечения их деятельности и привлечения к ответственности²¹.

А.А. Биткова считает, что на данный момент большая часть борьбы с терроризмом в сети Интернет сводится к блокировке контента и/или страниц в социальных сетях, однако такой подход не приносит должного результата. Блокировка — крайняя мера, которая зачастую не работает, так как блокировка видео или сайтов не приводит к их удалению, а наличие таких технических средств, как VPN (virtual private network), делает заблокированные ресурсы доступными. Наоборот, блокировка может делать контент более интересным и привлекательным в глазах некоторых пользователей [13, с. 29—30].

К тому же не представляется технически возможным запрещение всех сайтов, содержащих экстремистские материалы, так как большая их часть находится за пределами Российской Федерации.

Вторая, не менее важная проблема заключается в том, что существует множество технических возможностей обхода блокировок сайтов.

Особенности ограничения доступа к запрещенной или охраняемой законом информации, распространяемой в сети Интернет, применение информационных технологий и защита информации регулируются Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²².

С 1 ноября 2019 года вступил в силу федеральный закон²³, в соответствии с которым в России создана национальная система маршрутизации интернет-трафика; Роскомнадзор наделен полномочиями по управлению российским сегментом Интернета, предусмотрены меры, направленные на обеспечение безопасного и устойчивого функционирования информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации, в том

числе ограничение доступа к запрещенной информации с помощью технических средств в порядке централизованного управления сетью связи общего пользования.

Данный закон оказался не очень эффективным в области блокировки доступа к ресурсам в связи с отсутствием должного обеспечения создания и введения в эксплуатацию информационной системы мониторинга и управления сетью связи общего пользования.

С учетом высокого темпа развития современных информационных технологий требуется дальнейшее совершенствование законодательства в сфере информационных технологий и информационно-технических мер, направленных на пресечение технической возможности ухода от ответственности.

В 2022 г. в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁴ была включена новая статья 10.7 «Обязанности владельца сервиса размещения объявлений», которой, в частности, установлены обязанности владельца сайта или страницы сайта в сети Интернет, используемых для размещения объявлений, доступ к которым в течение суток составляет более ста тысяч пользователей, находящихся на территории Российской Федерации; закреплено, что владельцем сервиса размещения объявлений может выступать гражданин Российской Федерации, не имеющий гражданства другого государства, или российское юридическое лицо, находящееся под контролем Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования или гражданина Российской Федерации.

Так, владелец сервиса размещения объявлений не должен допускать использования такого сервиса в целях совершения уголовно наказуемых деяний, разглашения сведений, составляющих государственную тайну, распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалов, пропагандирующих порнографию, насилие и жестокость, и материалов, содержащих нецензурную брань. Кроме этого, владелец сервиса размещения объявлений должен разместить на сервисе адрес электронной почты для направления юридически значимых сообщений и обеспечить интеграцию и взаимодействие сервиса с Единым порталом госуслуг.

Роскомнадзор уполномочен вести реестр сервисов размещения объявлений и в случае обнаружения на сервисе размещения объявлений информации, распространяемой с нарушением законодательства, обращаться в суд с заявлением об ограничении доступа к сервису размещения объявлений в случае неисполнения его владельцем обязательных требований.

²¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Нормативные правовые акты в Российской Федерации: правовой портал. URL: <http://pravo-search.minjust.ru:8080/bigs/portal.html> (дата обращения: 30.12.2022).

²² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Нормативные правовые акты в Российской Федерации: правовой портал. URL: <http://pravo-search.minjust.ru:8080/bigs/portal.html> (дата обращения: 30.12.2022).

²³ Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 01.05.2019. № 0001201905010025.

²⁴ Федеральный закон от 29.12.2022 № 584-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 29.12.2022. № 0001202212290045.

Вместе с тем основная задача правового регулирования информационного пространства состоит не только в установлении требований к участникам информационных правоотношений, но и в выработке эффективных механизмов выполнения требований.

Для предотвращения использования информационно-коммуникационных технологий в террористических и экстремистских целях необходима дальнейшая разработка и укрепление международных механизмов, включая гармонизацию национальных законодательств в отношении обеспечения эффективного отслеживания экстремистской и террористической деятельности в глобальной сети, блокировки и фильтрации запрещенного контента, обеспечения неотвратимости наказания преступников.

Важно отметить, что большинство стран мира ведут активную борьбу против экстремизма и терроризма в Интернете, противодействуют распространению в информационной среде противоправной информации.

По мнению Л.А. Буровой, значительных успехов в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом в сети Интернет достигли Соединенные Штаты Америки. Количество организаций и ведомств, действовавших в работе по оказанию противодействия, достаточно велико. Среди них: Командование боевых действий в кибернетическом пространстве (USCYBERCOM), Национальный контртеррористический центр, Центр стратегического контртеррористического взаимодействия, в задачи которого входит координация сотрудничества с зарубежными странами по борьбе с терроризмом и экстремизмом. Все это позволяет США более эффективно по сравнению с другими странами контролировать интернет-пространство²⁵.

Эксперты отмечают, что общей тенденцией для государств является усиление законодательного регулирования в части легальных возможностей по ограничению контента, размещаемого на страницах цифровых сервисов и платформ. В ряде случаев тренды задаются наднациональными структурами (Евросоюз) с последующей адаптацией и развитием базовых положений в национальном законодательстве. Наиболее распространенные требования к владельцам цифровых платформ включают положения по организации должного взаимодействия с пользователями цифрового контента и органами власти (регуляторами), обязанность оперативного реагирования на запросы об удалении противоправного контента, обеспечение прозрачности системы модерации (публичная отчетность, разъяснение оснований удаления контента, объяснение алгоритмов автоматической фильтрации). Несоблюдение этих

требований может повлечь наложение существенных штрафов²⁶.

С целью обеспечения исполнения требований национальных регуляторов во многих странах установлена обязанность транснациональных интернет-компаний назначать в стране осуществления деятельности официального представителя для взаимодействия с органами власти. Неисполнение этих требований может повлечь не только штрафы, но и принятие мер по ограничению деятельности оператора интернет-сервиса²⁷.

На международном уровне признается важность соответствия национального законодательства и практики по борьбе с терроризмом и экстремизмом нормам международного права, в том числе международным стандартам в области прав человека, и установление гарантий недопущения злоупотреблений при установлении ограничения свободы слова и доступа к информации.

Ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

При этом принятые нормы в сфере регулирования отношений, связанных с распространением информации, не всегда являются эффективными и могут приводить к нарушениям конституционного права на получение и распространение информации.

При ограничении доступа к отдельным материалам и информации могут быть закрыты ресурсы, не содержащие запрещенного к распространению контента. В связи с широкой трактовкой понятия «экстремизм» судами и правоприменительными органами под блокировку могут подпадать интернет-ресурсы, не связанные с радикальными и экстремистскими организациями.

Необходимо установление четких механизмов противодействия избирательному применению норм, ограничивающих распространение и доступ к информации, приводящих к злоупотреблениям со стороны государств, должностных лиц и нарушениям конституционных прав и свобод на доступ к информации.

В современных условиях информационные технологии широко используются экстремистскими и террористическими организациями в своей деятельности.

Продолжается активная пропагандистская и вербовочная деятельность международных террористических организаций, принимающих новые организационные формы и использующих совре-

²⁵ Бурова Л.А. Мировой опыт противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве // Теория и практика общественного развития. № 18. 2015. С. 133.

²⁶ См.: Виноградов В.А., Ларичев А.А., Журавлев М.С., Игнатъев А.Г., Цветков Ю.Д., Курбатова Т.А. Краткий сравнительно-правовой анализ мер по противодействию распространения противоправного (деструктивного) контента в сети Интернет. URL: <https://hse.ru/mirror/pubs/share/496608248.pdf> (дата обращения: 18.11.2022).

²⁷ Там же.

менные средства коммуникации. В связи с этим требуется осуществление комплекса мероприятий: прекращение каналов финансирования террористических организаций, пресечение незаконного оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; недопущение передвижения субъектов террористической деятельности через государственную границу; противодействие распространению экстремистской и террористической пропаганды и идеологии; обеспечение защиты единого информационного пространства Российской Федерации; совершенствование системы информационного противодействия терроризму и экстремизму.

Совместными усилиями правоохранительных органов, Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации (Росфинмониторинг), Банком России пресекается деятельность по финансированию международных террористических организаций, осуществляемая через частных лиц, в том числе с использованием интернет-ресурсов.

В то же время для пресечения преступлений, связанных с финансированием терроризма, на международном уровне необходимо сконцентрировать усилия на блокировке деятельности структур финансовой поддержки террористических и экстремистских организаций, замораживании активов, активном пресечении вербовочной деятельности со стороны международных террористических организаций.

Основной приоритетной задачей является формирование единого антитеррористического информационного пространства на международном уровне, в том числе с использованием ресурсов Международного банка данных по противодействию терроризму²⁸ в целях получения оперативной информации и своевременного принятия мер по борьбе с терроризмом и экстремизмом. Необходимо осуществлять внутригосударственное взаимодействие в целях совместного мониторинга экстремистского и террористического сегмента Интернета, противодействия информационной деятельности террористических и экстремистских организаций в интернет-пространстве.

Учитывая, что силовые меры по борьбе с терроризмом и экстремизмом дают лишь временный эффект, позволяющий сдерживать рост террористических и экстремистских проявлений в определенных рамках, но не позволяющий полностью искоренить данное явление, повышенное внимание уделяется предупреждению (профилактике) терроризма.

В соответствии со статьей 5 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»²⁹ в целях противо-

действия экстремистской деятельности федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности.

В Стратегии противодействия экстремистской деятельности до 2025 года³⁰ указано, что в современных социально-политических условиях крайним проявлением экстремизма является терроризм, который основывается на экстремистской идеологии. Угроза терроризма будет сохраняться до тех пор, пока существуют источники и каналы распространения экстремистской идеологии.

Под экстремистской идеологией понимается совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов³¹.

В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации³² приоритетное внимание сосредоточено на профилактике терроризма, важной составляющей которой является противодействие его идеологии.

К сожалению, четкая формулировка определения идеологии терроризма законодательно не закреплена, а ограничена констатацией факта, что терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (статья 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»).

«Включение в состав понятия «терроризм» термина «идеология насилия» фактически является законодательным и теоретическим обоснованием необходимости существования наряду с институтами борьбы с терроризмом институтов его предупреждения и профилактики»³³.

Недостаток научных разработок по противодействию идеологии терроризма в целом обусловлен

²⁸ См.: XVI Сессия руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств — партнеров ФСБ России. Коммюнике // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2017. № 2. С. 5.

²⁹ Нормативные правовые акты в Российской Федерации: правовой портал. URL: <http://pravo-search.minjust.ru:8080/bigs/portal.html> (дата обращения 30.12.2022).

³⁰ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 29.05.2020 № 344 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 29.05.2020. № 0001202005290036.

³¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 29.05.2020 № 344 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 29.05.2020. № 0001202005290036.

³² Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации от 05.10.2009 // Российская газета от 20.10.2009. № 198.

³³ Ильин Е.П. Организация противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2014. № 1. С. 33.

и отсутствием единого взгляда на проблему этого криминального феномена. Одной из причин этого является отсутствие правового понятия идеологии терроризма [3, с. 21—22].

В литературе под идеологией терроризма понимается совокупность идей, концепций, верований, целевых установок, лозунгов, обосновывающих необходимость террористической деятельности и направленных на мобилизацию людей для участия в ней³⁴.

Эксперты считают, что идеология терроризма выступает одним из важных и необходимых компонентов терроризма и всей террористической деятельности. Распространение террористической идеологии создает благоприятные условия для оправдания действий террористов, укрепления веры в правоту их идей и взглядов, способствует вовлечению в террористические и экстремистские сообщества новых членов [3, с. 6, 26].

К одним из основных методов противодействия терроризму относится информационная мера профилактики: разъяснение сущности терроризма и его общественной опасности, формирование стойкого неприятия обществом идеологии насилия, а также привлечение граждан к участию в противодействии терроризму.

Профилактику необходимо осуществлять на самых ранних этапах формирования негативных антиобщественных взглядов у конкретного лица, пока террористическая идеология не поглотила сознание этой личности [3, с. 117].

Проблеме идеологического противодействия терроризму в настоящее время уделяется пристальное внимание, что находит свое отражение не только в Концепции противодействия терроризму³⁵, но и в Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 годы, утвержденном Президентом Российской Федерации 28.12.2018 (№ Пр-2665³⁶).

Комплексный план включает в себя перечень мероприятий по противодействию идеологии терроризма в целях защиты населения от пропагандистского (идеологического) воздействия международных террористических организаций, сообществ и отдельных лиц; по формированию у населения антитеррористического сознания, в том числе развития у населения, прежде всего молодежи, активной гражданской позиции, направленной на неприятие

идеологии терроризма, снижения уязвимости молодежи от воздействия идеологии терроризма.

В результате осуществления комплекса профилактических мероприятий повысилась действенность подготовленных информационно-пропагандистских материалов антитеррористической и антиэкстремистской направленности, разработаны механизмы защиты информационного пространства в целях ограничения возможности для проникновения в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет материалов экстремистского характера, повысилась эффективность функционирования системы оказания на молодежь профилактического воздействия.

Профилактические мероприятия направлены на совершенствование правовых мер в области противодействия идеологии терроризма и экстремизма, организацию взаимодействия, тиражирование лучших практик противодействия вовлечению молодежи в экстремистские и террористические организации, разработку методических рекомендаций по нейтрализации в образовательных организациях угроз, формируемых распространением идей терроризма и экстремизма, межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Основными проблемами в сфере применения правовых мер по профилактике распространения идеологии экстремизма и терроризма являются: научное и методическое обеспечение по противодействию идеологии терроризма и экстремизма, не в полной мере отвечающее реальным потребностям практики, формальный подход образовательных организаций и комиссий по делам несовершеннолетних к защите их прав (не в достаточной мере проводится работа по выявлению и устранению причин и условий, способствующих антиобщественному поведению подростков). В регионах Российской Федерации выявляются проблемы, связанные с принятием и реализацией программ профилактики экстремизма и терроризма, их финансированием.

В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование правовых мер в области противодействия распространению идеологии терроризма и экстремизма; защита информационного пространства в целях ограничения возможности для проникновения в Интернет материалов, содержащих идеи, пропагандирующие и оправдывающие экстремистскую и террористическую деятельность; совершенствование научного и методического обеспечения по противодействию идеологии терроризма и экстремизма; проведение адресных профилактических и воспитательных мероприятий в образовательных учреждениях в целях своевременного выявления и устранения проблем и осуществлении профилактической работы, проводимой в образовательных организациях; повышение результативности деятельности субъектов противодействия терроризму и экстремизму, принятие региональных и муниципальных целевых программ, предусматривающих

³⁴ Ильин Е.П. Организация противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2014. № 1. С. 21—22; Кулягин И.В. Профилактика распространения идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде // Обзор НЦПТИ. Выпуск № 8. 2016. С. 13.

³⁵ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации от 05.10.2009 // Российская газета от 20.10.2009. № 198.

³⁶ Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> (дата обращения: 16.12.2022).

формирование системы профилактики экстремизма и терроризма.

Заключение

Высокая угроза распространения преступлений террористической и экстремистской направленности требует выработки организационно-правовых мер по совершенствованию механизма выявления, пресечения и раскрытия, а также предупреждения (профилактики) преступлений в этой сфере, совершенствованию правовых мер в области противодействия идеологии терроризма и экстремизма, в том числе в средствах массовой информации и сети Интернет, снижению уязвимости молодежи от воздействия деструктивной идеологии, укреплению традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей.

В целом деятельность государства должна быть направлена на реализацию следующих основных правовых мер в сфере противодействия терроризму и экстремизму:

- › совершенствование законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму и терроризму;
- › обеспечение эффективного применения норм действующего законодательства в указанной сфере, а также в сфере информационных технологий;
- › усовершенствование юридического института профилактики терроризма и экстремизма;
- › обеспечение правоохранительных и судебных мер пресечения террористической и экстремистской деятельности;
- › обеспечение разработки и принятия на региональном и муниципальном уровнях целевых программ, предусматривающих формирование системы профилактики экстремизма и терроризма, предупреждения межнациональных (межэтнических) конфликтов;
- › развитие правового регулирования и ужесточение контроля за оборотом цифровых средств расчетов для пресечения возможности их использования в преступных целях, перекрытие каналов финансирования террористов.

Обеспечение эффективности правоприменительной деятельности требует дальнейшего совершенствования действующего законодательства в антитеррористической и антиэкстремистской сфере, в частности, главных концептуальных документов: «Комплексного плана противодействия идеологии терроризма на 2019—2023 годы» и «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» (2009 г.).

В целях повышения эффективности уголовно-правовых мер и системной корректировки нормативных положений Уголовного кодекса Российской Федерации предлагается устранить недостатки в уголовно-правовой регламентации криминальных проявлений терроризма и экстремизма, исключить

дублирующие и избыточные нормы, устранить пробелы, систематизировать и унифицировать преступления экстремистской направленности, например, создав самостоятельную главу Уголовного кодекса Российской Федерации, систематизирующую деяния экстремистской направленности.

В связи с ухудшением внешнеполитической обстановки и увеличением числа беженцев, прибывших на территорию России, целесообразно, например, внести в Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» изменения, включив в состав такой социально-демографической группы, как молодежь, не только граждан Российской Федерации, но и такие категории иностранных граждан и (или) лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, как беженцы, а также иностранных граждан и лиц без гражданства со статусом постоянного проживания; расширить формы участия молодежи в реализации молодежной политики, а также расширить полномочия в сфере молодежной политики федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

В Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» предлагается дать формулировку правового понятия «идеология терроризма».

В целях повышения эффективности реализации Комплексного плана противодействия идеологии терроризма на 2019—2023 годы целесообразно зафиксировать в нем четкие критерии оценки информационного воздействия антитеррористической пропаганды на молодых людей.

Концепцию противодействия терроризму в Российской Федерации предлагается доработать путем включения конкретных направлений, а также задач, поставленных для реализации такого концептуального направления, как «организация борьбы с терроризмом».

В целях повышения эффективности применения административно-правовых мер необходимо на законодательном уровне установить четких механизмов противодействия избирательному применению норм, ограничивающих распространение и доступ к информации.

В сфере противодействия терроризму и экстремизму на международном уровне к приоритетным задачам относятся также:

- › совершенствование правовой основы международного сотрудничества в целях единообразного понимания и выработки единого подхода к организации борьбы с транснациональной преступностью;
- › осуществление международной унификации отдельных норм уголовного законодательства разных стран;
- › согласование государствами — членами ООН проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, которая содержала бы общепризнанное

определение терроризма, выработка на международном уровне определений терминов «насилованный экстремизм», «государство — спонсор терроризма» в целях пресечения попыток навязывания «двойных стандартов» в определении террористов и экстремистов, а также их пособников, реабилитации нацизма и введения отдельными государствами односторонних ограничительных мер, недопущения игнорирования реальных причин всплеска распространения ультраправых, националистических настроений;

- расширение международно-правового сотрудничества, повышение эффективности антитеррористических и антиэкстремистских усилий по линии ООН, ОДКБ, СНГ, ШОС;
- укрепление связей в рамках подгрупп Рабочей группы по антитеррору (РГАТ) БРИКС;
- выработка единых международных правовых стандартов поведения в информационной сфере;
- эффективное применение договоров в сфере оказания взаимной правовой помощи и экстрадиции по делам о терроризме.

Несмотря на приостановление членства Российской Федерации в ФАТФ³⁷, первоочередной задачей нашего государства по усилению борьбы с терроризмом и экстремизмом является надежное и своевременное перекрытие каналов финансового и материально-технического обеспечения террористических и экстремистских организаций.

Российская Федерация остается участником глобальной сети по защите финансовых систем и экономики в целом от угроз отмывания денег, финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения (ОД/ФТ/ФРОМУ) на правах активного члена Евразийской группы по борьбе с отмыванием денег (ЕАГ) и сохраняет за собой права члена ЕАГ.

В условиях предпринимаемых отдельными странами попыток политизировать работу универсальных институтов в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), отказа от сотрудничества с российскими компетентными органами Росфинмониторингу необходимо продолжать совершенствование национальной системы ПОД/ФТ во взаимодействии с государственными органами и частным сектором, а также активизировать в соответствии со своими правовыми обязательствами международное сотрудничество с заинтересованными странами на основе принципа взаимности, продолжать реализацию образовательных проектов, направленных на повышение потенциала правоохранительных органов в Латинской Америке, Центральной Азии, странах Африки в целях укрепления безопасности региональной и международной финансовых систем.

Важным остается сохранение деполитизированного характера Глобального контртеррористического форума, отстаивание строгого соблюдения государствами соответствующих принципов и норм международного права, неукоснительное выполнение резолюций Совета Безопасности ООН в целях противодействия терроризму и экстремизму как на национальном, так и международном уровнях, укрепление мер выявления и пресечения каналов обеспечения террористических и экстремистских организаций, усиление санкционного давления в отношении террористических организаций, связанных с ними группировок и лиц, обеспечение международной безопасности, защита международных прав человека, выполнение обязательств по применимому международному праву, включая международное гуманитарное право, предотвращение использования и вербовки несовершеннолетних террористическими группировками в ходе вооруженных конфликтов.

Литература

1. Бушмин С.И. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности : монография / Бушмин С.И., Москалев Г.Л. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. 172 с.
2. Механизмы противодействия органов внутренних дел (полиции) государств — участников СНГ вовлечению несовершеннолетних в деструктивные группы в сети Интернет : аналитический обзор с предложениями / Сундиев И.Ю., Коноплин А.Б., Никитина М.А., Феоктистова Е.Е., Кузнецов А.Г., Новосельцев О.И., Демковец О.В., Брехов Д.А., Карайман Ю.Н. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2021. 72 с.
3. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия идеологии терроризма : монография / Алтухов С.А., Семенцова И.А., Спасенников И.Г. Ростов н/Д : ИП Беспамятов С.В, 2020. 158 с.
4. Мельников В.Ю. Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в современных условиях // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде (отечественный и зарубежный опыт) : материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием 21 апреля 2016 г. Ростов н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2017. С. 203—210.
5. Молоков В.В., Галушин П.В. Методы противодействия использованию сети Интернет террористическими организациями // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде (отечественный и зарубежный опыт) : матери-

³⁷ На пленарном заседании ФАТФ (22—24 февраля 2023 г.) принято политизированное решение о приостановке членства Российской Федерации в данной организации. URL: <https://www.fedsfm.ru/releases/6372> (дата обращения: 25.02.2023).

- алы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием 21 апреля 2016 г. Ростов н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2017. С. 195—199.
6. Куранов Р.Ю. Молодежная студенческая организация в системе профилактики экстремизма и идеологии терроризма в молодежной среде — «кибердружина 22» // Экстремизм и терроризм в киберпространстве: угрозы миру и безопасности человечества : сборник статей по итогам III Всероссийской студенческой научно-практической очно-заочной видеоконференции / Под ред. В.А. Мазурова, М.А. Стародубцевой. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 13—14.
  7. Фоменко А.И., Семенцов А.М. О мерах противодействия вовлечению молодежи в террористическую деятельность посредством сети Интернет // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде (отечественный и зарубежный опыт) : материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием 21 апреля 2016 г. Ростов н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2017. С. 221—226.
  8. Бастрыкин А.И. Противодействие Следственного комитета Российской Федерации терроризму и экстремизму // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 4. С. 836—846.
  9. Довгяло В.К. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Вестник ПГГПУ. 2018. № 1. С. 21—30.
  10. Аккаева Х.А. Использование террористическими и экстремистскими организациями социальных сетей // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 23—25.
  11. Атагимова Э.И., Рыбакова О.С. Информационная грамотность молодежи в системе мер противодействия идеологии терроризма и экстремизма в цифровом информационном пространстве // Мониторинг правоприменения. 2022. № 3 (44). С. 29—37.
  12. Ахьядов Э.С., Салгириева Ж.А. Об общих характеристиках молодежного экстремизма // Закон и право. 2020. № 2. С. 87—88.
  13. Биткова А.А. Проблема симбиоза терроризма и СМИ: как его разрушить и как ему противостоять // Обзор НЦПТИ. 2021. Выпуск № 4 (27). С. 26—32.
  14. Журтов А.С., Ордоков М.Х. Экстремизм: понятие, социально-экономические, политические и исторические причины явления, тенденции его развития // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 398—399.

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENITENTIARY LAW

IMPROVING THE LEGAL MECHANISMS FOR COUNTERING THE INVOLVEMENT OF THE YOUTH IN OFFENCES RELATED TO EXTREMISM AND TERRORISM

Elena Sarapkina³⁸

Keywords: *ideology, Internet, terrorism financing, information and communication technologies, mass media, extremism, terrorism.*

Abstract

Purpose of the paper: studying the causes for the spread of terrorism and extremism among the young people, means and methods for involving young people in crimes of this category, explaining the legal foundations for countering crimes related to extremism and terrorism, considering ways to increase the efficiency of law enforcement measures used in the sphere of combating terrorism and extremism.

Methods of study: general scientific methods of examination (analysis, synthesis, description, comparison) were used, the dialectic method of cognition serving as the backbone of the study.

Study findings: the main problems arising in the sphere of countering manifestations of extremism and terrorism among the youth were studied, the main measures for the suppression and prevention of terrorism and extremism were analysed, with the focus being made on measures of legal and information nature.

A conclusion was made that the spread of terrorism and extremism among the youth is caused by a wide range of political and economic problems, social antagonisms that acquired a systemic nature, external political threats as well as by factors of social cultural and social psychological nature.

The current system of domestic laws in the sphere of countering terrorism and extremism disposes of a sufficient range of legal measures for efficiently combating these dangerous phenomena and preventing them. At the same time, law enforcement activities prove to be inefficient, which requires further improving the laws and the main measures for countering manifestations of extremism and terrorism. An increased use of the Internet and information technology for terrorist and extremist purposes requires taking active response measures, including working out single international legal standards of conduct in the information medium.

Research novelty: a need for increasing the efficiency of legal regulations in the sphere of combating terrorism and extremism as well as that of information technology is proven. A justification is given for the position on the issue

³⁸ Elena Sarapkina, Deputy Head of Legal Information Analysis and Processing Department of the Scientific Centre for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: Elena.Sarapkina@scli.ru

of criminalising new definitions of offences related to extremism and terrorism and de-criminalising certain existing definitions of offences in this sphere.

References

1. Bushmin S.I. Kommentarii k ugovolnomu zakonodatel'stvu o protivodeistvii terroristicheskoi i ekstremistskoi deiatel'nosti : monografiia. Bushmin S.I., Moskalev G.L. Krasnoiarsk : Sib. feder. un-t, 2018. 172 pp.
2. Mekhanizmy protivodeistviia organov vnutrennikh del (politsii) gosudarstv – uchastnikov SNG vovlecheniiu nesovershennoletnikh v destruktivnye gruppy v seti Internet : analiticheskii obzor s predlozheniiami. Sundiev I.Iu., Konoplin A.B., Nikitina M.A., Feoktistova E.E., Kuznetsov A.G., Novosel'tsev O.I., Demkovets O.V., Brekhov D.A., Karaiman Iu.N. M. : FGKU "VNII MVD Rossii", 2021. 72 pp.
3. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy protivodeistviia ideologii terrorizma : monografiia. Altukhov S.A., Sementsova I.A., Spasennikov I.G. Rostov-na-Donu : IP Bepamiatnov S.V, 2020. 158 pp.
4. Mel'nikov V.Iu. Protivodeistvie ideologii ekstremizma i terrorizma v sovremennykh usloviakh. Protivodeistvie ideologii ekstremizma i terrorizma v molodezhnoi srede (otechestvennyi i zarubezhnyi opyt) : materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 21 apreliia 2016 g. Rostov-na-Donu : Izd-vo IuRIU RANKhiGS, 2017, pp. 203–210.
5. Molokov V.V., Galushin P.V. Metody protivodeistviia ispol'zovaniiu seti Internet terroristicheskimi organizatsiiami. Protivodeistvie ideologii ekstremizma i terrorizma v molodezhnoi srede (otechestvennyi i zarubezhnyi opyt) : materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 21 apreliia 2016 g. Rostov-na-Donu : Izd-vo IuRIU RANKhiGS, 2017, pp. 195–199.
6. Kuranov R.Iu. Molodezhnaia studencheskaia organizatsiia v sisteme profilaktiki ekstremizma i ideologii terrorizma v molodezhnoi srede – "kiberdruzhina 22". Ekstremizm i terrorizm v kiberprostranstve: ugrozy miru i bezopasnosti chelovechestva : sbornik statei po itogam III Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi ochno-zaochnoi videokonferentsii. Pod red. V.A. Mazurova, M.A. Starodubtsevoi. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2020, pp. 13–14.
7. Fomenko A.I., Sementsov A.M. O merakh protivodeistviia vovlecheniiu molodezhi v terroristicheskuiu deiatel'nost' posredstvom seti Internet. Protivodeistvie ideologii ekstremizma i terrorizma v molodezhnoi srede (otechestvennyi i zarubezhnyi opyt) : materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 21 apreliia 2016 g. Rostov-na-Donu : Izd-vo IuRIU RANKhiGS, 2017, pp. 221–226.
8. Bastrykin A.I. Protivodeistvie Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii terrorizmu i ekstremizmu. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo, 2021, No. 4, pp. 836–846.
9. Dovgialo V.K. Profilaktika ekstremizma v molodezhnoi srede. Vestnik PGGPU, 2018, No. 1, pp. 21–30.
10. Akkaeva Kh.A. Ispol'zovanie terroristicheskimi i ekstremistskimi organizatsiiami sotsial'nykh setei. Probely v rossiiskom zakonodatel'stve, 2017, No. 3, pp. 23–25.
11. Atagimova E.I., Rybakova O.S. Informatsionnaia gramotnost' molodezhi v sisteme mer protivodeistviia ideologii terrorizma i ekstremizma v tsifrovom informatsionnom prostranstve. Monitoring pravoprimeneniia, 2022, No. 3 (44), pp. 29–37.
12. Akh'iadov E.S., Salgirieva Zh.A. Ob obshchikh kharakteristikakh molodezhnogo ekstremizma. Zakon i pravo, 2020, No. 2, pp. 87–88.
13. Bitkova A.A. Problema simbioza terrorizma i SMI: kak ego razrushit' i kak emu protivostoiat'. Obzor NTsPTI, 2021, vypusk No. 4 (27), pp. 26–32.
14. Zhurtov A.S., Ordokov M.Kh. Ekstremizm: poniatie, sotsial'no-ekonomicheskie, politicheskie i istoricheskie prichiny iavleniia, tendentsii ego razvitiia. Evraziiskii iuridicheskii zhurnal, 2020, No. 4 (143), pp. 398–399.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ: ПОДХОДЫ К КРИМИНАЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ СНГ

Перина А.С.¹

Ключевые слова: уголовная ответственность, модельный закон, преступления против личности, информационно-телекоммуникационные технологии, криминализация, киберпреступность, киберугрозы.

Аннотация

Цель работы: анализ Модельного Уголовного кодекса (МУК) Содружества Независимых Государств (СНГ), иных международных документов соответствующего регионального международного уровня, а также уголовного законодательства некоторых государств — участников СНГ с точки зрения криминализации преступного использования информационно-телекоммуникационных технологий против личности.

Методы исследования: формально-логический подход к познанию правовых явлений, который позволил установить общие тенденции криминализации, а также методы аналогии, обобщения, дифференциации, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты исследования: обнаружены различные подходы к установлению уголовной ответственности за преступления против личности, совершенные с использованием компьютерных технологий. Обращено внимание на факт роста пользователей сети Интернет как в мире, так и в России, что обуславливает использование злоумышленниками информационных сетей для совершения преступлений против личности. Приведена краткая сравнительная характеристика использования уголовно-правовых инструментов государствами СНГ для установления ответственности за такие общественно опасные деяния. В результате различного подхода к криминализации возникают значительные недостатки в правовом регулировании киберугроз личности, что указывает на необходимость унификации механизмов реализации уголовно-правовых мер, а также налаживания процесса мониторинга преступлений с использованием компьютерных технологий в целях постоянного получения информации о фактическом состоянии такой преступности как на уровне отдельной страны, так и на международном уровне. Подчеркнуто, что эффективные меры предупреждения должны быть сформулированы на уровне международных нормативных актов СНГ. Отмечается необходимость универсализации и детализации положений о преступном использовании информационно-телекоммуникационных технологий на уровне МУК СНГ, обращения внимания на новые киберугрозы. Предлагается имплементировать подходы некоторых стран к установлению уголовной ответственности за такие преступления в уголовное законодательство других государств СНГ.

Научная новизна: выполнено сравнительное исследование подходов государств СНГ к криминализации общественно опасных деяний против личности, совершаемых с использованием стремительно распространяющихся информационно-телекоммуникационных технологий.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-59-68

Введение и постановка задачи

«Мы живем в информационном обществе, в котором широко представлены информационно-телекоммуникационные (компьютерные) технологии»².

Использование социальных сетей, возможностей компьютерных технологий, огромный объем информационного пространства в сети Интернет, мессенджеры, электронная почта, мобильные телефоны, покупки онлайн, обмен информацией, поиск

единомышленников, виртуальное общение — все это становится неотъемлемой частью жизни общества.

Согласно данным отчета Digital 2022³, подготовленного организациями We Are Social и Hootsuite, на начало 2022 года 62,5% населения планеты (т. е. 4,95 млрд из 7,91 млрд человек) используют сеть Интернет; указанный показатель по сравнению с предыдущим годом увеличился на 4%. Чуть меньше (4,62 млрд человек) пользуются социальными сетями

² Попов А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации : учебное пособие / А. Н. Попов. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. 68 с.

³ Simon Kemp. Digital 2022: Local Country Headlines. 26.01.2022. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report> (дата обращения: 05.12.2022).

¹ Перина Анжела Сергеевна, аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: anzhela.perina@yandex.ru

ми, в этом случае показатель увеличился на 10% по сравнению с 2021 г.

Согласно указанному отчету, в России эти показатели еще выше. Так, уровень проникновения Интернета в России на начало 2022 г. составил 89% от общей численности населения.

При этом трансграничный характер возможностей в интернет-пространстве, выражающийся в осуществляемом сокрытии географического местоположения собеседника, анонимности доступа к ресурсам, допустимости создания несуществующих личностей, сопряженный с интенсивным развитием навыков пользователей высоких технологий, способствуют уязвимости безопасности личности⁴.

Указанные факторы способствуют повышению уровня преступного использования информационно-коммуникационных технологий, что подтверждается статистикой.

В соответствии с отчетом ГИАЦ МВД России⁵, содержащим краткую характеристику состояния преступности в Российской Федерации, указано, что за первое полугодие 2022 г. каждое четвертое преступление совершалось с использованием ИТ-технологий. При анализе группы тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, наиболее распространенным является использование сети Интернет.

Научное сообщество обеспокоено вопросами распространенности преступлений с использованием компьютерных технологий, в том числе в группе тех, которые направлены против личности. При этом с учетом специфики ее возможностей, выходящих за пределы одного государства, эта проблема приобретает уровень международной.

Стоит также отметить, что использование компьютерных технологий в преступных целях существенно расширилось по сравнению с теми, которые можно было себе представить в начале XXI века. Так, возникает возможность не только хищения персональных данных, кибератак и несанкционированного доступа, но и совершение убийств с помощью современных технологий⁶, вербовка жертв через социальные сети для сексуальной эксплуатации, доведение до самоубийства через «группы смерти»⁷

⁴ Каррыев Б.С., Айдарханов М.Б., Балафанов Е.К. Всемирное Интернет-видение: Основы информационной культуры : учебно-методическое пособие // Алматы : ИНТ, 2006.

⁵ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июнь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/31209853/> (дата обращения: 05.12.2022).

⁶ Кардиостимулятор можно удаленно заставить убить пациента. 17.10.2012. URL: <http://hitech.newsru.com/article/17Oct2012/cardio> (дата обращения: 22.01.2021).

⁷ Зенина М.Г. Лекция на тему «Особенности противодействия преступлениям, связанным с доведением до самоубийства несовершеннолетних с использованием современных информационно-коммуникационных технологий». 2018. URL: https://мвд.ру/upload/site152/folder_page/013/971/704/Lektsiya_p._2.3_Osobennosti_svyazannye_s_dovedeniem_do_samoubiystva.pdf (дата обращения: 01.09.2021).

и т. д. Иными словами, сегодня объектом посягательства может стать не только компьютер, система и т. п., но и человек как личность, его жизнь и здоровье, половая неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни и пр.

Необходимость проведения исследования преступного использования высоких технологий против личности подчеркивается и тем, что человек, его права и свободы являются одним из важнейших приоритетов государств, призванного обеспечивать их охрану⁸.

Задача настоящего исследования заключается в анализе международных региональных документов на уровне государств — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ, Содружество), созданного в 1991 году, а также уголовного законодательства государств, входящих в Содружество, на предмет криминализации деяний, направленных против личности, при совершении которых использованы компьютерные технологии.

Результаты исследования

Страны СНГ не находятся в стороне от обозначенной проблемы.

Одним из эффективных методов предупреждения распространения преступного использования компьютерных технологий, повышенная степень общественной опасности которых уже отмечается исследователями⁹, является криминализация вновь появляющихся деяний в странах СНГ [1]. Установление уголовной ответственности за совершение преступлений против личности, которые получают все большее распространение ввиду возможностей информационно-коммуникационных технологий, должно отвечать признакам своевременности и отражать реальную ситуацию в обществе. При этом использование компьютерных технологий может быть обозначено в уголовном законодательстве в качестве деяния, отягчающего уголовную ответственность, квалифицирующего признака или как особый способ совершения преступления против личности.

Ученые отмечают, что подходы стран СНГ к криминализации «цифрового» признака в составах тех или иных уголовных правонарушений (проступков и(или) преступлений) являются своего рода способом противодействия «открытым» цифровой трансформацией новым криминальным схемам использования виртуальных технологий [2].

⁸ Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.08.2021).

⁹ Комаров А.А. О критериях общественной опасности, преступлений в сфере высоких технологий / А.А. Комаров // Актуальные вопросы права, экономики и управления : сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 августа 2017 года. Пенза : Наука и просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. С. 243—245.

В настоящее время СНГ объединяет: Азербайджанскую Республику, Республику Армения, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Кыргызскую Республику, Республику Молдова, Российскую Федерацию, Республику Таджикистан и Республику Узбекистан. С августа 2005 года Туркменистан вышел из действительных членов СНГ и получил статус ассоциированного члена-наблюдателя.

В сфере уголовного права на уровне СНГ одним из существенных документов, подлежащих анализу в рамках исследования, является Модельный Уголовный кодекс, который принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 года) (далее — МУК СНГ).

МУК СНГ к преступлениям против человека относит следующие группы общественно опасных деяний: преступления против жизни и здоровья; преступления против личной свободы, чести и достоинства; преступления против половой неприкосновенности или половой свободы; преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина; преступления против семьи и интересов несовершеннолетних.

Несмотря на то, что указанный документ является рекомендательным актом для стран СНГ, его положения оказали большое влияние на формирование уголовно-правовых норм в соответствующих странах.

Прогрессивным развитием уголовного права в контексте использования компьютерных технологий при совершении преступлений против личности стало Постановление Межпарламентской Ассамблеи СНГ об изменениях в Модельный Уголовный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств по вопросам борьбы с преступлениями в информационной сфере № 43-16 от 27 ноября 2015 г.¹⁰, которым внесены некоторые поправки и дополнения.

Так, ст. 151 «Незаконное собирание и распространение информации о частной жизни» дополнена частью второй, в которой указанные действия, если они совершены с использованием компьютерных устройств, системы или их сети, отнесены к преступлениям средней тяжести.

Ст. 153 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений» дополнена частью третьей следующего содержания: «(3) Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, совершенные с использованием компьютерных устройств, системы или их сети, — преступление средней тяжести.»

¹⁰ Постановление Межпарламентской Ассамблеи СНГ об изменениях в Модельный Уголовный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств по вопросам борьбы с преступлениями в информационной сфере № 43-16 от 27.11.2015. URL: <https://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5336> (дата обращения: 01.08.2021).

Ст. 157 «Фальсификация избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов» дополнена частью второй следующего содержания: «(2) Те же деяния, совершенные с использованием компьютерных устройств, системы или их сети, — преступление средней тяжести.»

Таким образом, на уровне международного документа по указанным составам преступлений против личности подчеркнута повышенная общественная опасность, если они совершены с использованием компьютерных технологий.

Ряд стран имплементировали указанную особенность способа совершения преступлений в свое уголовное законодательство. Например, ч. 2 ст. 178 Уголовного кодекса Республики Молдова (далее — УК Молдовы¹¹) закреплено, что за нарушение тайны переписки, телеграмм, посылок и других почтовых отправлений, телефонных переговоров и телеграфных сообщений с нарушением законодательства, совершенное с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, предусмотрена повышенная санкция. Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее — УК Казахстана) также содержит норму, закрепляющую повышенную ответственность за распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия в средствах массовой информации или с использованием сетей телекоммуникаций, в том числе через Интернет (ч. 5 ст. 147 УК Казахстана).

Составы, касающиеся нарушения неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ¹²) закреплены в ст. 137—138 и не содержат такого дополнения. Однако ст. 137 УК РФ содержит критерий публичности при совершении незаконного распространения сведений о частной жизни другого лица. При этом ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, закреплена в отдельной норме (ст. 138.1 УК РФ).

Уголовным кодексом Азербайджанской Республики (далее — УК Азербайджана¹³) при изложении диспозиции ст. 155 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений» также не учтен признак использования компьютерных технологий при совершении такого вида преступлений. Однако при формулировании квалифицирующих признаков

¹¹ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 01.09.2021).

¹² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2022) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

¹³ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 01.09.2021).

состава преступления «Нарушение неприкосновенности частной жизни» законодателем обозначено, что совершение такого общественно опасного деяния «с использованием дистанционно управляемого беспилотного летательного аппарата» влечет повышенную уголовную ответственность (п. 156.2.2 УК Азербайджана). Такой подход представляется прогрессивным, однако является единственным при формулировании диспозиции аналогичного состава преступления в уголовном законодательстве других государств-участников СНГ.

Доведение до самоубийства в рамках МУК СНГ не содержит квалифицирующего признака «с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет». Однако такая особенность предусмотрена в УК РФ: п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства»; п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»; ч. 2 ст. 110.2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства». Доведение до самоубийства посредством использования сетей телекоммуникаций, в том числе сети Интернет, криминализовано также в УК Молдовы (ч. 1 ст. 150¹⁴), УК Казахстана (п. 4 ч. 2 ст. 105¹⁵). При этом, например, Уголовный кодекс Армении (ст. 110¹⁶) и Уголовный кодекс Республики Таджикистан (ст. 109¹⁷) при установлении уголовной ответственности за аналогичные деяния не содержит выделения квалифицированного состава с признаком «совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей».

Таким образом, ряд стран в рамках внутригосударственной уголовной политики, независимо от отсутствия в МУК СНГ рекомендательных норм об ответственности за преступления, совершенных с использованием компьютерных технологий, придерживаются позиции необходимости усиления уголовной ответственности за такие преступления, направленные против личности, поскольку деструктивное воздействие интернет-пространства и информационно-коммуникационных технологий ставит под угрозу безопасность граждан.

Такой подход применим в ряде стран СНГ и для преступлений против несовершеннолетних, при совершении которых используется информационно-телекоммуникационная сеть, ввиду того что не-

совершеннолетние являются категорией населения, нуждающейся в особой уголовно-правовой защите. На международном региональном уровне рекомендовано установление повышенных мер уголовной ответственности за любые формы нравственного растления, сексуального совращения и эксплуатации детей, злоупотребление их беспомощным или зависимым состоянием, если это совершено с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей¹⁸.

Так, положениями ст. 175-1 УК Молдовы¹⁹ криминализовано следующее деяние: «Обольщение несовершеннолетнего в сексуальных целях», а именно: предложение, убеждение, манипулирование, угроза, обещание выгод в любой форме, осуществляемые в том числе посредством информационных технологий или средств электронных коммуникаций, с целью назначения встречи с несовершеннолетним для совершения в отношении него любого рода преступления, относящегося к половой сфере, если за такими действиями последовали конкретные деяния, ведущие к такой встрече, наказываются лишением свободы на срок от 2 до 6 лет.

В УК Казахстана в раздел преступлений против личности включена ст. 134 «Вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией». Так, ч. 3 указанной статьи криминализовано указанное деяние посредством использования сетей телекоммуникаций, в том числе сети Интернет²⁰.

УК РФ в связи с недавними изменениями закреплена повышенная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (п. «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ²¹), что отражает попытку государства обеспечить охрану половой неприкосновенности несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами.

В России криминализовано также склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, совершенное в публичном

¹⁴ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=1675;-26 (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁶ Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 года № ЗР-528. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁷ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 01.09.2021).

¹⁸ Пункт 6.2.3 Рекомендаций по гармонизации и унификации законодательства государств — участников СНГ в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, принятых на тридцать пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (постановление № 35-8 от 28 октября 2010 года). URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/333.pdf> (дата обращения: 05.09.2021).

¹⁹ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 01.09.2021).

²⁰ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=1675;-26 (дата обращения: 01.09.2021).

²¹ Федеральный закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 6 марта 2022 г. № 0001202203060004.

выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ. Такого состава нет ни в одном из уголовных законов других стран СНГ.

В ряде стран криминализировано преступное использование сети Интернет в целях оскорбить человека или опорочить честь и достоинство личности.

Например, ст. 147.1 УК Азербайджана предусмотрена ответственность за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или, при массовом распространении, в информационном ресурсе Интернета. При этом ст. 148-1 УК Азербайджана закреплена следующая состав преступления: клевета или оскорбление в информационном интернет-ресурсе с использованием поддельных имен пользователя, профилей или учетных записей (таких, которые не позволяют идентифицировать личность пользователя, т. е. созданы с размещением ложных данных об имени, фамилии или отчестве либо путем сокрытия этой информации, а также с использованием сведений, относящихся к другому лицу, без согласия последнего²²). Соответствующий опыт может быть распространен и в уголовное законодательство других государств СНГ, в том числе России.

В соответствии с УК РФ такое деяние не криминализировано. Более того, в 2011 году состав «Оскорбление» был декриминализован и перенесен в разряд административных правонарушений. Однако имеющаяся тенденция оскорбления в сети Интернет, возможность распространения оскорбительных видео- или фотоматериалов о человеке могут нанести ущерб не только его репутации, но и его психическому здоровью. Можно отметить кибербуллинг, имеющийся в подростковой среде, который может повлиять на жизнь и здоровье ребенка, при этом уголовная ответственность за унижение чести и достоинства личности может не наступить при отсутствии признака состава доведения до самоубийства, например, или клеветы.

Ст. 188 Уголовного кодекса Республики Беларусь²³ в рамках криминализации преступлений против личности установлена уголовная ответственность за клевету, содержащуюся в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет²⁴.

²² Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 01.09.2021).

²³ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-3. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 01.09.2021).

²⁴ Семькина О. И. Противодействие киберпреступности за рубежом / О. И. Семькина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6(61). С. 104—113. DOI: 10.12737/23525.

Еще один документ, принятый на международном уровне, который закрепляет положения о киберпреступности — это Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий²⁵, подписанное 28 сентября 2018 г. на заседании Совета глав государств СНГ и заменившее существовавшее ранее Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001 г. Вновь принятое соглашение актуализировано в контексте появления новых видов преступлений, связанных с развитием информационно-телекоммуникационных технологий.

Целесообразность ратификации указанного документа международного характера Россией, обусловленная потребностью в расширении правовых основ сотрудничества правоохранительных и судебных органов государств — участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, отмечалась некоторыми учеными²⁶.

Относительно недавно, 1 июля 2021 г., Россия ратифицировала (с оговоркой²⁷) указанный международный документ, созданный в целях борьбы с преступлениями, совершенными с использованием компьютерных технологий. Однако указанный документ тоже подробно не раскрывает преступное использование компьютерных технологий против личности.

Существуют составы преступлений против личности, которые могут быть приняты во внимание в контексте все более активного использования при их совершении компьютерных технологий и социальных сетей, что способствует повышению их общественной опасности.

Так, несмотря на то, что на международном уровне отмечалась проблема торговли людьми, в настоящее время аспект использования компьютерных технологий и социальных сетей при совершении указанного преступления не рассмотрен основательно с точки зрения установления уголовной ответственности.

В ходе анализа фабулы судебных дел, которые отражены в Глобальном докладе Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) о торговле

²⁵ Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий. 28.09.2018. URL: <https://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5864> (дата обращения: 15.08.2021).

²⁶ Ястребов Д.А. Международно-правовое сотрудничество государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации // Юридический мир. 2008. № 12. С. 73—77.

²⁷ Федеральный закон от 01.07.2021 № 237-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 01.07.2021. № 0001202107010016.

людьми за 2020 год²⁸, установлено, что социальные сети, компьютерные технологии зачастую используются при обозначенном составе преступления для вербовки жертв, рекламирования услуг людей, находящихся в результате таких сделок в сексуальном рабстве, бесконтактному общению между продавцами, жертвами, покупателями и пр.

Так, в Беларуси осужден злоумышленник, который организовал каналы торговли девушек модельной внешности из Беларуси, Украины, Российской Федерации и Казахстана в Турцию для занятия проституцией. Все контакты между членами преступной группы и торговцами людьми, а также вербовка девушек проводилась через Интернет, без личных встреч или передачи наличных денег. Социальная сеть «ВКонтакте» была использована для вербовки путем создания вымышленных личностей, различных групп, рекламирующих работу в Турции с высоким заработком в модельном бизнесе без проституции. Девушки, которых привлекли эти предложения, представили свои фотографии в бикини, а также обнаженными и частично обнаженными одному из вербовщиков. Злоумышленники, используя сервис обмена сообщениями Viber, отправляли фотографии минским торговцам людьми на утверждение. После одобрения девушкам сообщалась правда о необходимости оказания сексуальных услуг за деньги. В случае отказа фотографии обнаженных девушек использовались для их шантажа. За девушек, которые соглашались, денежные средства переводились также без личных встреч посредством сервиса Western Union и MoneyGram. Таким образом, продажа более 100 девушек осуществлялась посредством социальных сетей и мессенджеров полностью бесконтактно, без каких-либо личных встреч был организован их перелет, контроль, проживание и пр.²⁹ Такие дела демонстрируют отсутствие необходимости физических контактов для взаимодействия при совершении преступлений против личности при наличии социальных сетей и мессенджеров. Аналогичные случаи наблюдались и в России.

Зачастую торговля людьми носит трансграничный характер и приобретает новые формы. Сексуальное соращение и эксплуатация потенциальных жертв торговли людьми с использованием СМИ, информационно-телекоммуникационных сетей (Интернета, мобильной связи) может происходить и без пересечения границ государств, путем принудительного выполнения указанных действий в рамках онлайн-трансляций; участились случаи обмена собственными изображениями сексуального характера [3] и пр. Такой аспект повышает обще-

ственную опасность указанных видов преступлений и нуждается в особом внимании с точки зрения закрепления соответствующей ответственности.

Постановлением Межпарламентской Ассамблеи СНГ об изменениях и дополнениях в модельные Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы для государств — участников СНГ по вопросам борьбы с торговлей людьми № 39-24 от 29.11.2013 в Модельный Уголовный кодекс введена статья 140.1, которая содержит положения о тяжести преступления, выражающегося в торговле людьми. При этом ни часть 2, ни часть 3 указанной статьи, отражающие квалифицирующие признаки, не содержат норму о совершении такого деяния с использованием компьютерных технологий.

Вместе с тем ввиду указанной международной практики возникает целесообразность включения в часть 2 статьи 140.1 Модельного Уголовного кодекса под пунктом «с» дополнительного квалифицированного состава соответствующего преступления: «с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, социальных сетей или иным аналогичным способом».

Ряд ученых отмечают, что «распространение в последнее десятилетие новых, нетрадиционных форм и способов торговли людьми, в том числе с использованием информационных технологий, обуславливает потребность в унификации подходов государств — участников СНГ к криминализации и пенализации общественно опасных деяний в указанной сфере за счет введения в уголовные кодексы государств норм об ответственности за соответствующие виды преступлений в сфере электронной информации»³⁰.

Пропаганда преступлений, связанных с торговлей людьми, включая пропаганду порнографии, проституции, иных коммерческих сексуальных услуг и распространение в средствах массовой информации, телекоммуникационных сетях рекламной продукции и иной информации, способствующей виктимизации потенциальных жертв торговли людьми, также рекомендована к закреплению в национальном уголовном законодательстве положениями международного характера³¹.

При этом в документах международного характера регионального уровня уже подчеркнута, что в сфере борьбы с торговлей людьми уголовные

²⁸ Global Report on Trafficking in Persons. 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tip/2021/GLOTIP_2020_15jan_web.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

²⁹ Collection of Court Case Summaries // Global Report on Trafficking in Persons. 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tip/2021/GLOTIP_2020_Court_Cases_Summaries.pdf (дата обращения: 01.07.2022).

³⁰ Винокуров С.И., Пристанская О.В. Научный комментарий к Модельному закону «О противодействии торговле людьми». Приложение к постановлению МПА СНГ от 23 ноября 2012 г. № 38-19. С. 107. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/375.pdf> (дата обращения 15.03.2022).

³¹ Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г., ратифицирован Российской Федерацией (Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 01.12.2022).

санкции могут быть ужесточены за любые формы соращения, злоупотреблений и эксплуатации детей, в том числе с использованием средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей открытого доступа и в иных публичных формах³².

На уровне СНГ также принят Модельный закон «О противодействии торговле людьми», в котором подчеркнута важность мониторинга в сфере торговли людьми путем мониторинга сети Интернет и мобильной связи, а также описаны меры по предупреждению и противодействию осуществлению торговли людьми, в том числе посредством информационно-телекоммуникационных технологий³³.

Установление ответственности за такое деяние, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных средств, даже на уровне рекомендованного для нескольких стран состава преступления станет шагом вперед на пути к признанию повышенной общественной опасности преступления и отвечает международно-правовым принципам, ориентирующим государства на существенное ужесточение ответственности за любые формы сексуальной эксплуатации детей в информационно-телекоммуникационных сетях, включая соблазнение ребенка в режиме онлайн с целью организации свидания и совершения сексуального преступления, в том числе в различных странах, а также детскую проституцию, организуемую через Интернет.

Выводы

Таким образом, анализ вышеупомянутых международных документов, направленных на борьбу с киберпреступностью, показал, что, несмотря на принятие указанных документов международного характера, уголовное законодательство стран СНГ, как и практика по борьбе с таким видом преступлений пока не получили достаточно глубокой разработки и отражают лишь отдельные аспекты проблемы, носят фрагментарный характер. Это выражается в региональном характере регулирования вопросов криминализации цифровой преступности, индивидуальном отношении каждой страны к проблеме, а также в отсутствии полноценного отражения основных способов криминального использования компьютерных технологий, которые сегодня стремительно развиваются. Такой подход приводит к от-

личию в уголовной политике отдельных стран СНГ по установлению ответственности за совершение преступлений против личности, объективная сторона которых включает использование информационно-телекоммуникационных технологий.

В понимании границ информационного преступления, включает ли оно понятие преступлений с использованием компьютерных технологий, также нет единого подхода ни среди исследователей [4], ни на уровне международных документов. Отсутствует и единое понимание перечня составов преступлений, которые совершаются с использованием компьютерных технологий. Вопросы необходимости криминализации соответствующих деяний, выделения общих квалифицирующих признаков, обозначения единых признаков составов преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, для всех стран — участниц СНГ остаются нерешенными. Это применимо и к преступлениям против личности. Такая разрозненность в уголовно-правовой сфере на международном региональном уровне способствует отсутствию единообразного понятийного аппарата, усложняющего сотрудничество государств по различным вопросам противодействия преступлениям в сфере цифровой преступности, установления ответственности за общий перечень аналогичных преступных деяний. Так, преступления могут быть совершены с помощью компьютерных технологий в стране, которая не предусматривает в качестве преступного такое деяние, что может привести к безнаказанности или возможным правовым конфликтам между странами, а также к неоднозначному подходу к вопросам выдачи преступников и пр.

Обозначенные вопросы, касающиеся преступлений против личности, не решены и на уровне МУК СНГ, хотя заслуживают внимания ввиду возрастающей возможности их совершения с использованием достижений научно-технического прогресса.

Исследователи Р. Вудхед, П. Стивенсон и Д. Морри отмечают, что развитие цифровых технологий сильно влияет на Стратегию цифровой экономики в целом [5], которая имеет немаловажное значение на территории стран СНГ. Такой подход является еще одним аргументом активизации детальной проработки проблемы криминализации преступного использования компьютерных технологий, в том числе направленных против личности.

В качестве одной из задач решения проблемы некоторые ученые отмечают важность создания универсального международно-правового механизма противодействия преступному использованию компьютерных технологий [6] и разработки универсальных норм в российском законодательстве, адаптированных к новым видам цифровых угроз [7]. Представляется верным, что создание универсальных норм на уровне международного регионального права является очевидным и немаловажным процессом [8], поскольку единообразию уголовно-

³² Рекомендации по унификации и гармонизации законодательства государств — участников СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми. Приняты на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (постановление № 30-13 от 03.04.2008).

³³ Модельный закон государств — участников СНГ «О противодействии торговле людьми». Принят на 30 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (постановление от 03.04.2008 № 30-11). URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/232.pdf> (дата обращения: 01.12.2022).

правовых норм имеет положительный правовой эффект. Одним из вариантов решения такой задачи может стать разработка и создание универсальной международной конвенции, учитывая трансграничный характер такого рода преступности, что станет серьезным подспорьем для национального законодательства. Некоторыми исследователями [9] предлагается создание универсального международного договора, который смог бы объединить положения о единообразном подходе к криминализации деяний на территории стран СНГ, взаимодействие государств на уровне решения вопросов предупреждения преступного использования компьютерных технологий, которое выходит за пределы одного государства, и т. д., что будет иметь явный положительный правовой эффект. Такой универсальный международно-правовой документ, отражающий существующие реальные угрозы, должен носить не только характер констатирующего уже вошедшую в повседневную жизнь киберпреступность, но и предупреждающий характер.

Справедливо подчеркивается важность обмена статистической информацией о состоянии преступности³⁴, что возможно при внедрении процесса мониторинга преступлений с использованием компьютерных технологий, позволяющего получать информацию о фактическом состоянии такой преступности как на уровне отдельной страны, так и на международном уровне.

Кроме того, положения, отражающие перечень случаев преступного использования компьютерных технологий, созданные на уровне международного документа, позволят государствам имплементировать в национальное законодательство более конкретные формулировки таких преступлений, исключив различный подход со стороны разных стран СНГ.

Меры по предупреждению распространения обозначенного в исследовании вида преступлений не могут проходить и без взаимодействия государств с институтами гражданского общества, включая общественные объединения, средства массовой коммуникации [10] и т. д.

Представляется аргументированным подход ученых, заключающийся в необходимости дальнейшего развития и совершенствования организацион-

ных и правовых механизмов, законодательных конструкций в рассматриваемой сфере в странах СНГ, что позволит повысить уровень и эффективность межгосударственного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью на обозначенном уровне³⁵. Кроме того, выделение в статистических данных количества зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, целесообразно с точки зрения важности организации более качественного и детального исследования такого вида преступлений. Такой подход позволит также анализировать их более комплексно, демонстрировать динамику совершенных преступлений в сфере телекоммуникаций и проследить тенденции применения в преступных целях к разным категориям общественных отношений, в том числе против личности.

Результаты исследования уголовного законодательства указанных стран СНГ свидетельствуют о том, что необходимо постоянно совершенствовать правовые конструкции МУК СНГ, использовать опыт стран, криминализировавших те или иные деяния, направленные против личности и при совершении которых использованы компьютерные технологии, как для отечественного уголовного законодательства, так и для иных государств СНГ. Например, в рамках совершенствования МУК СНГ, а также национального уголовного законодательства стран — участниц Содружества может быть принято во внимание установление уголовной ответственности за преступления, касающиеся обольщения несовершеннолетнего в сексуальных целях с использованием информационно-коммуникационных технологий. Кроме того, имплементация норм об оскорблении в сети Интернет, причиняющем вред здоровью личности, а также использование при совершении тех или иных «традиционных» преступлений компьютерных технологий может быть использована в рамках Общей части уголовного закона в качестве признака, отягчающего наказание, поскольку перечень составов преступлений против личности с использованием информационно-телекоммуникационных средств стремительно расширяется.

³⁴ Ревин В.П. Актуальные проблемы сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий / В.П. Ревин // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 1 (10). С. 83—91.

³⁵ Мукашев С.И. Международно-правовое сотрудничество государств — участников СНГ в борьбе с преступностью в сфере компьютерной информации / С. И. Мукашев // Право.by. 2014. № 5 (31). С. 81—86.

Литература

1. Голованова Н.А. Новые формы онлайн-преступности за рубежом / Н.А. Голованова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3 (76). С. 42—57. DOI: 10.12737/jflcl.2019.3.4 .
2. Семькина О.И. «Цифровой» признак совершения преступлений как вектор криминализации (компаративный обзор подходов государств — участников СНГ) / О.И. Семькина, Р.Н. Ключко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6 (85). С. 34—52. DOI: 10.12737/jflcl.2020.051 .
3. Коваленко В.И. Межгосударственное сотрудничество государств — участников Содружества Независимых Государств по противодействию торговле людьми и криминальной эксплуатации человека / В.И. Коваленко // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 295—301.
4. Лукьянов Н.Е. Законодательное регулирование ответственности за информационные преступления. Зарубежный опыт / Н.Е. Лукьянов // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 2. С. 134—139. EDN: YZCUWD.
5. Woodhead R. Digital construction: From point solutions to IoT ecosystem / R. Woodhead, P. Stephenson, D. Morrey. DOI: 10.1016/j.autcon.2018.05.004 // Automation in Construction. 2018. № 93. С. 35—46.
6. Мороз Н.О. Особенности международно-правового сотрудничества в борьбе с киберпреступностью в рамках ЕС / Н.О. Мороз // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2018. Т. 4. № 4 (16). С. 87—95. DOI: 10.30914/2411-3522-2018-4-4-87-94 .
7. Бегишев И.Р. Сравнительно-правовой анализ законодательства Великобритании и России в области противодействия преступлениям в цифровой сфере / И.Р. Бегишев, З.И. Хисамова // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 3. С. 15. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).15 .
8. Русскевич Е.А. Международно-правовые подходы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий / Е.А. Русскевич // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 3. С. 10—13.
9. Мысина А.И. Международно-правовые основы сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий / А.И. Мысина // Международное право. 2019. № 1. С. 18—27. DOI: 10.25136/2306-9899.2019.1.29027 .
10. Никеров Д.М. Преступления в сфере высоких технологий в современной России / Д.М. Никеров, О.М. Хохлова // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 2 (89). С. 82—93. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00008 .

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENITENTIARY LAW

USING COMPUTER TECHNOLOGIES AGAINST PERSONS: APPROACHES TO CRIMINALISATION IN THE COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Anzhela Perina³⁶

Keywords: *criminal responsibility, model law, offences against persons, information and telecommunication technologies, criminalisation, cybercrime, cyber threats.*

Abstract

Purpose of the paper: analysing the Model Criminal Code (MCC) of the Commonwealth of Independent States (CIS) and other international documents of an appropriate regional international level as well as the criminal laws of some member countries of the CIS from the viewpoint of criminalisation of misuse of information and telecommunication technologies against persons.

Methods of study: the formal logical approach to the cognition of legal phenomena which allowed to find out the general tendencies in criminalisation as well as methods of analogy, generalisation, differentiation, and the comparative legal and formal legal methods.

Study findings: different approaches to establishing criminal responsibility for offences against persons involving the use of computer technologies were identified. Attention is drawn to the growth of the number of Internet users both in the world at large and in Russia which brings about using information networks by wrongdoers for committing offences against persons. A brief comparative description of using criminal law tools by CIS countries to establish responsibility for such socially dangerous acts is given. As a result of different approaches to criminalisation, considerable drawbacks

³⁶ Anzhela Perina, Ph.D. student at the Department of Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law of the Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecution Service of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: anzhela.perina@yandex.ru

in the legal regulation of cyber threats against persons emerge which points to a need to unify the mechanisms for implementing criminal law measures as well as to set up monitoring of crimes using computer technologies with a view to continuously getting information on the actual situation with these crimes on the level of individual countries as well as on the international level on the whole. It is emphasised that efficient prevention measures must be worded on the level of international legal regulations of the CIS. A need for the universalisation and detalisation of provisions on the criminal use of information and telecommunication technologies at the level of the MCC of the CIS as well as placing attention on new cyber threats are noted. It is proposed to implement the approaches to establishing criminal responsibility for such offences adopted by some countries in the criminal law of other CIS countries.

Research novelty: a comparative study of approaches of CIS countries to the criminalisation of socially dangerous acts against persons committed with the use of fast-spreading information and telecommunication technologies was carried out.

References

1. Golovanova N.A. Novye formy onlain-prestupnosti za rubezhom. N.A. Golovanova. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia, 2019, No. 3 (76), pp. 42–57. DOI: 10.12737/jflcl.2019.3.4 .
2. Semykina O.I. "Tsifrovoi" priznak soversheniia prestuplenii kak vektor kriminalizatsii (komparativnyi obzor podkhodov gosudarstv – uchastnikov SNG). O.I. Semykina, R.N. Kliuchko. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia, 2020, No. 6 (85), pp. 34–52. DOI: 10.12737/jflcl.2020.051 .
3. Kovalenko V.I. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv po protivodeistviu torgovle liud'mi i kriminal'noi ekspluatatsii cheloveka. V.I. Kovalenko. Voennoe pravo, 2021, No. 2 (66), pp. 295–301.
4. Luk'ianov N.E. Zakonodatel'noe regulirovanie otvetstvennosti za informatsionnye prestupleniia. Zarubezhnyi opyt. N.E. Luk'ianov. Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniia, 2019, No. 2, pp. 134–139. EDN: YZCUWD.
5. Woodhead R. Digital construction: From point solutions to IoT ecosystem. R. Woodhead, P. Stephenson, D. Morrey. DOI: 10.1016/j.autcon.2018.05.004. Automation in Construction, 2018, No. 93, pp. 35–46.
6. Moroz N.O. Osobennosti mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva v bor'be s kiberprestupnost'iu v ramkakh ES. N.O. Moroz. Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia: Istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki, 2018, t. 4, No. 4 (16), pp. 87–95. DOI: 10.30914/2411-3522-2018-4-4-87-94 .
7. Begishev I.R. Sravnitel'no-pravovoi analiz zakonodatel'stva Velikobritanii i Rossii v oblasti protivodeistviia prestupleniiam v tsifrovoi sfere. I.R. Begishev, Z.I. Khisamova. Baikal Research Journal, 2019, t. 10, No. 3, pp. 15. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).15 .
8. Russkevich E.A. Mezhdunarodno-pravovye podkhody protivodeistviia prestupleniiam, sovershaemym s ispol'zovaniem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii. E.A. Russkevich. Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaia iustitsiia, 2018, No. 3, pp. 10–13.
9. Mysina A.I. Mezhdunarodno-pravovye osnovy sotrudnichestva gosudarstv po protivodeistviu prestupleniiam v sfere informatsionnykh tekhnologii. A.I. Mysina. Mezhdunarodnoe pravo, 2019, No. 1, pp. 18–27. DOI: 10.25136/2306-9899.2019.1.29027 .
10. Nikerov D.M. Prestupleniia v sfere vysokikh tekhnologii v sovremennoi Rossii. D.M. Nikerov, O.M. Khokhlova. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii, 2019, No. 2 (89), pp. 82–93. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-00008 .

Ключевые слова: право, философия, философия права, логос, смысл, сущность, текст, язык.

Аннотация

Цель работы: статья продолжает исследования, направленные на познание природы права.

Методы исследования: диалектический метод и разработанные на его основе научные методы познания.

Результаты: в выпущенной ранее авторами монографии «Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права» слово «логос» использовалось в значении смысла, сущности права. Однако в познании названное слово используется и в другом значении, а именно как язык, текст, на изучение чего направлена статья. В статье показывается, что при изучении права важно понимать не только смысл правовых норм, но и то, как они изложены, точность их написания, понимания и применения в тексте документа. Разъясняется важность изучения права с точки зрения языка и текста.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-69-75

В начале 2019 года вышла наша совместная с профессором Д.В. Масленниковым монография под названием: «Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права» [10]. Она была посвящена исследованию вопроса соотношения «первой философии» как учению о всеобщем единстве мышления и бытия с философией права как философско-специализированной наукой. В ней рассматривались методологические и общетеоретические основания интерпретации классической философии права, проблемы монизма и дуализма в обосновании правовой теории, вопросы отношения права и нравственности, права и религии, Абсолюта в праве.

В данной работе нами был представлен метод интерпретации логической философии как способ понимания всеобщего единства мышления и бытия (Фихте и Гегель) и истолкования смысла его гармонии (Достоевский). Намечен переход от логики Логоса к метафизике Логоса права. На этой теоретической основе возможна реинтерпретация содержания классической философии права, понимающей идею абсолютной свободы в качестве порождающей модели права. Диалектика логического в историко-философском процессе, высветленная гегелевской логикой Логоса, по нашему мнению, может сыграть роль своеобразного «ключа» к постижению природы права как внутренней логики человеческой деятельности различения добра и зла и осуществления в действительности изначальной

причастности человека идее абсолютного Добра. Это позволит получить философию права, которая не является ни учением о субстанции права без субъективности (теория естественного права), ни трактовкой права как чистой субъективности без субстанции (неокантианские модели права), а будет экспликацией идеи субстанциальной свободы в ее изначальном христианском, а отнюдь не либеральном понимании [10, с. 333—334].

И действительно, разработанная классической философией идея (постулат) приятия человеком всеобщей гармонии как собственного, глубоко внутреннего содержания личности была эксплицирована в христологии Достоевского. Именно поэтому такой русский правовед, как П.И. Новгородцев, называл Достоевского основоположником русской философии права: он не создал эту философию, но определил вектор ее становления и развития.

Книга имела успех. Положительные отклики и рецензии на нее опубликованы в ведущих юридических журналах [3, с. 352—360; 4, с. 785—792; 14, с. 61—64; 15, с. 193—208; 18, с. 177—182]. Тираж был быстро раскуплен, готовится второе издание. Более того, несмотря на наблюдающуюся в настоящее время нелюбовь ко всему русскому, эта монография заинтересовала зарубежных специалистов, была переведена на английский язык и издана за рубежом [22]. Интерес вызвали как проведенное исследование, так и рассмотренная в ней компрехендная теория права, а также наш подход к философии права как философско-специализированной науке.

¹ Захарцев Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

² Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик РАЕН, профессор Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: fonduniver@bk.ru

Изложенное стимулирует нас продолжать исследование. Дополнительным мотивом к этому послужили вопросы коллег: в каком значении в названии книги используется слово «логос»?

Действительно, в современном научном познании «логос» обычно используется в двух значениях. Первое — смысл, понятие, сущность, разум, а второе — слово, речь, язык и др. В монографии под логосом подразумевался смысл права, что следует как из названия, так и из содержания. Однако, как нам теперь очевидно, в ней было желательным по крайней мере четче обозначить роль языка и текста в познании права.

Что здесь можно сказать? Разворот от Логоса-разума к Логосу-языку, усиление значения языка в познании или по крайней мере повышение его значимости является весомым достижением современной науки. Нам понравилось, как по этому поводу пишет В.И. Пржиленский. Он отмечает, что в современных теоретических конструкциях язык незаметно превратился в некую порождающую стихию. И хотя слова Хайдеггера о языке как о «доме бытия» многими современниками были восприняты как пример философского поэтизации, позднее стало ясно, что философы XX века различными путями пришли к сходному результату. По сути, язык занял место пресловутых первых принципов, из которых должны выводиться все события и явления, как «рукотворные», так и «нерукотворные». Но если для физического или биологического мира все еще сохраняются различные эквиваленты классического принципа объективности, то в отношении социальной жизни возможности редукции к языку всего и вся оказываются неограниченными [16, с. 416].

Произошедший в прошлом веке лингвистический поворот был, видимо, неизбежен. И действительно, одной из характерных черт социального познания является его текстовая составляющая. Если естественные науки главным образом нацелены на материю, ее признаки и свойства, то социально-гуманитарные — в значительной степени на тексты, которые выражены в определенной знаковой форме и которым присущи значение, смысл, ценность. Причем каждый из исследователей, одинаково наблюдая общественные отношения, отразит их в тексте совершенно по-разному.

Изложенное заставило по-новому посмотреть на истину. И.Т. Касавин подвел итоги социально-эпистемологического понимания истины так:

- истина — свойство не нормативного, не оценочного, а дескриптивного высказывания;
- истина — форма не изолированного высказывания, а его социокультурной контекстуализации;
- истина — не обоснование с помощью фиксированного контекста, а призыв к коммуникативному дискурсу, проблематизирующему наличный, как всегда неполный образ знания;
- истина — не способ демаркации знания и незнания, адекватного и неадекватного знания, а про-

дукт синтетической рефлексии, форма построения панорамы знания³.

Для познания права, уяснения его сущности текст (написание) имеет важное значение. Во-первых, потому, что право отражает современную эпоху. Достаточно вспомнить документы о бритье бород, казни декабристов, отрешении от престола, особых «тройках», уголовной ответственности за спекуляцию, распаде СССР, свободной рыночной экономике и т. д. Во-вторых, в отличие от многих иных социальных дисциплин, право обязательно непосредственно касается его современных исследователей и их жизнедеятельности. В-третьих, эти исследователи по-своему понимают текст права. То есть опубликованный и официально принятый юридический документ исследователи могут понять не просто по-разному, но и взаимоисключаясь. Справедливость наших слов ярко иллюстрирует запись в Конституции Российской Федерации о том, что права и свободы человека являются высшей ценностью. Эта, казалось бы, всем понятная фраза оказалась непонятной и разделила ученых на две половины. Одни согласны, а другие — со ссылками на ту же Конституцию! — нет, поскольку интересы государства, Родины, Отечества стоят не ниже, чем интересы конкретного индивидуума. Также все не просто со свободой вероисповедания, собственно, отдельными иными ценностями.

Отдельным сегментом, мало изученным юристами-языковедами, является неверное написание правовых норм, как по неосторожности, так и умышленно. Вспомним знаменитое на Руси: «казнить нельзя помиловать!», не потерявшее актуальность по сей день. Весьма показателен и другой всем известный пример. Первоначально планируемая к принятию редакция Конституции Российской Федерации не имела даже упоминаний органов прокуратуры, их собирались ликвидировать. Буквально в последний момент руководителей России убедили в их нужности и упоминание о прокуратуре спешно включили в главу о... судебной власти! О существовании в мировой практике фактов принятия лоббистских законов мы даже не говорим.

В сумме: право неразрывно связано с конкретным текстом, это право провозглашающим! Тут интересно поразмышлять о зависимости (или независимости) права от текста. Право все-таки существует само по себе, а текст лишь оформление права (на жизнь, на вероисповедание и др.)? Либо право на самом деле зависит от текста: что в тексте напишешь, такое право и будет? Последний подход фактически означает отождествление права и закона. Мы, что отражено во многих наших монографиях, право и закон никогда не отождествляли [9; 12; 23]. Право выше и глубже закона. Вместе с тем отгораживать и

³ Касавин И.Т. Истина как проблема социальной эпистемологии // Истина в науках и философии; под ред. И.Т. Касавина, Е.Н. Князевой, В.А. Лекторского. М., 2010. С. 222—223.

тем более противопоставлять право закону тоже не надо. Равно как не надо право идеализировать или снижать значение текста в его изучении.

Но здесь важно отметить и позитивное значение текста для права. Вспомните великие сочинения того же Достоевского, насколько они глубоки и продуманы! Его работы показывают и подсказывают людям путь к Праву: Праву честному, искреннему и настоящему [2; 19, с. 179—192; 20, с. 163—180]. Его идеи философы иногда называют христологией Достоевского. Мы считаем возможным ввести в научный оборот словосочетание «христология права Достоевского» или «христология русского права», в которой великий писатель и тексты его книг играют главную роль.

В этом смысле, пишет Г.В. Мальцев, ориентированные на русские национальные ценности идеологи говорят сегодня о перспективе формирования русского мира как будущей цивилизованной общности, впитавшей в себя наследие Святой Руси, присущее православию духовное богатство. Представление о русском мире, судя по некоторым публикациям, не ограничено географическими, этническими и даже конфессиональными рамками, оно охватывает «единый мир восточно-христианской православной цивилизации» и как таковое претендует на мировое значение [17, с. 602]. И здесь уместно напомнить об особом христианском православном языке, хорошо, кстати, отраженном в нормах права.

В плане текста заслуживают всяческого внимания рассуждения Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногора о кодировании. По их мнению, будущее права во многом зависит от того, какой способ кодирования правового опыта, обеспечивающий трансляцию правовых норм, и программирования правового поведения будет преобладающим (привычный текст, электронные документы, размещение в информационно-поисковых системах, базы данных или базы знаний, программный код). «В современную эпоху, — пишут они, — изобретаются новые способы такого кодирования. Развитие цифровых технологий, с одной стороны, создает возможность автоматизации правового регулирования (во всяком случае, некоторой его части), с другой — диктует необходимость это делать. Практика пошла по пути автоматизации принятия правореализационных и правоприменительных решений (актов). По мере внедрения соответствующих технологий все более актуальной становится задача перевода на машиночитаемый язык (программный код) юридических норм, на основе которых должны применяться правовые решения» [21, с. 134].

Надо добавить, что, исследуя труды В.С. Степина и развивая их, Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор много внимания уделили текстовой цифровизации во всех ее проявлениях. Как справедливо отмечено названными учеными, цифровизация оказывает заметное воздействие на общество, прежде всего на сферу правового регулирования, являясь важ-

ным (хотя и не единственным) фактором, обуславливающим его динамику. В нее вовлекаются новые общественные отношения, которые прежде либо не существовали, либо объективно не могли быть урегулированы правом. Так, в сфере правового регулирования наблюдается появление отношений:

- ▶ между субъектами, которыми становятся виртуальные или «цифровые» личности;
- ▶ связанных с юридически значимой идентификацией личности в виртуальном пространстве;
- ▶ возникающих в связи с реализацией прав человека в виртуальном («цифровом») пространстве, в частности, новых, иногда именуемых «цифровыми правами», таких как право на доступ в Интернет, право на забвение, право на цифровую смерть и др.;
- ▶ связанных с применением робототехники. В сфере правового регулирования появляются отношения, в которых если не субъектом, то как минимум участником становится цифровая личность — робот;
- ▶ возникающих по поводу нетипичных объектов, прежде всего таких, как информация, цифровые технологии (например, «финтех», «регтех» и др.), и создаваемых посредством их применения новых цифровых сущностей (например, криптовалюты) и объектов материального мира, а также связанных с использованием и оборотом того и другого;
- ▶ связанных с использованием оцифрованных информационных массивов информационных баз данных;
- ▶ иные [21, с. 108—112].

Названный подход обязательно надо учитывать при познании права, на что мы не раз обращали внимание [7; 11, с. 204—212].

Нам приятно, что сформулированная и разрабатываемая нами компрехендная теория права получает все больше сторонников. Кратко напомним, что предметом теории компрехендного изучения права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции⁴.

Предмет теории компрехендного изучения права включает также:

- ▶ закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии;
- ▶ закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.);
- ▶ перспективы развития права в контексте правовой реальности. К современной правовой ре-

⁴ Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В.П. Сальникова. М., 2014; Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015 и др.

альности, о чем мы не раз писали, относится его цифровизация, роботизация, многомерность.

В контексте многомерности и цифровизации у нас вызвала интерес статья С.Н. Гаврилова, исследовавшего и предложившего авторские определения понятий «машинотчение права» и «машинное исполнение права» [6, с. 66—78]. При этом он встал на точку зрения теоретиков и философов, что при изучении права не надо упускать чувственный уровень его познания. Мысли С.Н. Гаврилова органично вписываются в компрехендную теорию права, тем более что культурный и чувственный уровень познания сущности права, правосознание, при цифровизации неизбежно будут корректироваться.

Рассуждая об этом, В.Б. Наумов отметил, что при широком понимании права как такового способность субъекта права ориентироваться в пространстве социально и юридически значимых смыслов может рассматриваться в качестве конститутивной. Как следствие, философско-правовая проблематика применения информационных технологий в повседневной жизни предполагает определение значения для данной области тех проблем философии права, которые связаны с пределами разумной и **осмысленной интерпретации правовых текстов (выделено нами — С.З., В.С.)**, составляющих неотъемлемую часть правовой реальности, в которой в том числе и предполагается применение технологий искусственного интеллекта и робототехники [1, с. 226—227]. В.Б. Наумов верно пишет, что сегодня широкое применение в юридической деятельности находят различные алгоритмы искусственного интеллекта, что позволяет реализовать решения, основанные на алгоритмах машинного обучения для автоматизации рутинной работы, включая аналитику юридических документов, анализ проектов договоров; оспаривание административных штрафов, прогнозирование исхода дела и многое другое. Однако в данный момент большинство из этих решений существуют только как помощники для судей и иных юристов, не более [1, с. 230].

Такое положение вызывает определенную дискуссию, поскольку имеются специалисты, желающие разрешить роботам даже рассматривать уголовные дела (например, для борьбы с коррупцией). Мы не раз писали, что с опаской относимся к допущению роботов исполнять роль судей и выносить приговоры. Наиболее яркие возражения связаны с возможными невосполнимыми нарушениями прав человека при таком уголовном процессе, с лишением значимости последнего слова

подсудимого (для робота оно не будет иметь значения), а главное, любую информационную систему обслуживает (и в том числе программирует) конкретный человек, которому этот робот фактически и будет подчинен [5, с. 190—194; 8, с. 176—180; 13, с. 15—25].

Вместе с тем цифровизация юридических документов, создание электронных баз данных с массивом электронных текстов законов по любой отрасли законодательства — вещь, несомненно, позитивная и перспективная. Многие традиционно видят пользу этих процессов для регулирования внутрисударственных общественных отношений. Надо учитывать, что такое положение значительно сближает и государства в целом, обеспечивает быстроту доступа к законодательству других стран, побуждает государства к взаимодействию и диалогу, развивает международное частное право. Как пишет А.Г. Лисицын-Светланов, взаимодействие достигается в результате принятия государствами национального законодательства, изначально учитывающего необходимость обеспечить регулирование отношений, объективно связанных с различными правовыми системами и содержащего специальные институты, создающие механизм как регулирования возникающих отношений, так и взаимодействия правовых систем. Наиболее ярко это проявляется, когда внутреннее законодательство приводится в соответствие с нормами, содержащимися в международных договорах, при присоединении к последним или после их ратификации⁵.

В описанных случаях текст права, точность и выверенность формулировок, использование в различных государствах единых понятий, единое теоретическое обоснование — всё это играет важнейшую роль. В этом контексте нам приятно, что наша очередная монография оказалась востребованной за пределами России.

Таким образом, уже нельзя забывать, что в современном и будущем мире «Логос» может пониматься как цифровой текст, программа и язык. Указанный поворот может заставить по-новому смотреть на право.

Мы не являемся учеными, сводящими социально-гуманитарные знания, в том числе юриспруденцию, к изучению языка и текста. Но признаём и важность текста в уяснении сущности права, показывая тем самым нашим последователям направление познания.

⁵ Лисицын-Светланов А.Г. Взаимодействие национальных систем международного частного права // Современное международное частное право в России и Евросоюзе. Кн. первая / Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М., 2013. С. 67.

Литература

1. Архипов В.В., Камалова Г.Г., Наумов В.Б., Незнамов А.В., Никольская К.Ю., Тытук Е.В. Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное, состояние и перспективы развития. СПб. : НП-принт, 2020. 260 с.
2. Бастрыкин А.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея Добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово А.И. Александрова. СПб. : Фонд «Университет», 2021. 380 с.
3. Богатырев Д.К. От Логоса к праву. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 376 с. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. № 1. С. 352—360.
4. Богатырев Д.К., Иванов В.А., Хабибулин А.Г. Идея исторического в Логосе права // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 3. С. 785—792.
5. Виноградова Е.В., Сальников В.П., Захарцев С.И. Правосудие для справедливости. М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 8. С. 190—194.
6. Гаврилов С.Н. Машинотечение права и пространственные построения в живописи: поиск методологии машинного правосудия // Lex russica. 2022. Т. 75. № 9. С. 66—78.
7. Захарцев С.И. Право: новые идеи и прочтения : монография. М. : Юрлитинформ, 2021. 440 с.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Судья-робот в уголовном процессе: хорошо или плохо? // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 7. С. 176—180.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с.
10. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 376 с.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П., Комаров С.А. Достойная книга про выдающегося русского философа. Рецензия-размышление на монографию «Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М., 2020. 176 с.» // Теория государства и права. 2021. № 2 (22). С. 204—212.
12. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) : монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
13. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьёй быть робот? // Российское правосудие. 2018. № 6. С. 15—25.
14. Клименко А.И., Лебедев С.П. Спекулятивная метафизика права и творческое наследие Ф.М. Достоевского. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права». М. : Юрлитинформ, 2019. 376 с. // Мониторинг правоприменения. 2021. № 1 (38). С. 61—64. DOI: 10.21681/2226-0692-2021-1-61-64.
15. Комаров С.А., Хабибулин А.Г. Новая работа петербургских ученых по философии права // Теория государства и права. 2020. № 1 (17). С. 193—208.
16. Кохановский В.П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А. Философия науки. 3-е изд., перераб. М. : Норма, Инфра-М, 2017. 431 с.
17. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М. : Норма Инфра-М, 2016. 607 с.
18. Раянов Ф.М., Галиев Ф.Х. Фундаментальная философская книга о праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Д.В. Масленникова, В.П. Сальникова «Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М. : Юрлитинформ, 2019. 376 с.» // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2. С. 177—182.
19. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Сальников М.В. Бессмертие души как стержневая идея в учении Ф.М. Достоевского о праве и нравственности // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 5. С. 179—192.
20. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. «Пушкинская речь» Достоевского и нравственная идея государства (К 140-летию выступления Ф.М. Достоевского) // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 11. С. 163—180.
21. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Степина и юридическая наука. М. : Инфра-М, 2020. 174 с.
22. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books. 2021. 450 p. DOI: 10.17513/np.490.
23. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452.

FROM LOGOS TO LOGOS. CORRIGENDA AND ADDENDA

Sergei Zakhartsev⁶, Viktor Sal'nikov⁷**Keywords:** law, philosophy, philosophy of law, logos, meaning, essence, text, language.**Abstract***Purpose of the paper: the paper is a follow-up to our studies aimed at cognising the nature of law.**Methods of study: the dialectical method and methods of scientific cognition based on it.**Study findings: in the monograph "The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law" published earlier by the authors, the word "logos" was used in the meaning of "essence, substance of the law". However, in cognition this word has also another meaning: it is used to mean "text, language", which is the subject of study in this paper. It is shown in the paper that in studying law it is important to understand not only the meaning of legal provisions but also how they are worded and the precision of how they are written, understood and used in the text of the legal document. The importance of studying law from the standpoint of language and text is elucidated.***References**

1. Arkhipov V.V., Kamalova G.G., Naumov V.B., Neznamov A.V., Nikol'skaia K.Iu., Tytiuk E.V. Pravovye i eticheskie aspekty, svyazannye s razrabotkoi i primeneniem sistem iskusstvennogo intellekta i robototekhniki: istoriia, sovremennoe, sostoianie i perspektivy razvitiia. SPb. : NP-print, 2020. 260 pp.
2. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Ideia Dobra v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i ee vliianie na razvitie filosofii prava (k 200-letiiu F.M. Dostoevskogo). Vstupitel'noe slovo A.I. Aleksandrova. SPb. : Fond "Universitet", 2021. 380 pp.
3. Bogatyrev D.K. Ot Logosa k pravu. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoevskii. K voprosu o spekuliativno-logicheskikh osnovaniakh metafiziki prava : monografiia. M. : Iurlitinform, 2019. 376 pp. Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2020, No. 1, pp. 352–360.
4. Bogatyrev D.K., Ivanov V.A., Khabibulin A.G. Ideia istoricheskogo v Logose prava. Noveishaia istoriia Rossii, 2022, t. 12, No. 3, pp. 785–792.
5. Vinogradova E.V., Sal'nikov V.P., Zakhartsev S.I. Pravosudie dlia spravedlivosti. M.I. Kleandrov. Pravosudie i spravedlivost'. Gosudarstvo i pravo, 2022, No. 8. C. 190–194.
6. Gavrilov S.N. Mashinochenie prava i prostranstvennye postroeniia v zhivopisi: poisk metodologii mashinnogo pravovospriiatiia. Lex russica, 2022, t. 75, No. 9, pp. 66–78.
7. Zakhartsev S.I. Pravo: novye idei i prochteniia : monografiia. M. : Iurlitinform, 2021. 440 pp.
8. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Sud'ia-robot v ugovnom protsesse: khorosho ili plokho? Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost', 2018, No. 7, pp. 176–180.
9. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofii i iuridicheskaiia nauka : monografiia. M. : Iurlitinform, 2019. 424 pp.
10. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoevskii. K voprosu o spekuliativno-logicheskikh osnovaniakh metafiziki prava : monografiia. M. : Iurlitinform, 2019. 376 pp.
11. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P., Komarov S.A. Dostoinaia kniga pro vydaiushchegosia russkogo filozofa. Retenziia-razmyshlenie na monografiu "Khabrieva T.Ia., Chernogor N.N. Budushchee prava. Nasledie akademika V.S. Stepina i iuridicheskaiia nauka. M., 2020. 176 pp.". Teoriiia gosudarstva i prava, 2021, No. 2 (22), pp. 204–212.
12. Ideia svobody. Pravo. Moral' (klassicheskaiia i postklassicheskaiia filosofii prava) : monografiia. Pod red. dokt. iurid. nauk S.I. Zakhartseva; I.A. Ananskikh, I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov, O.A. Klimenko, O.Iu. Lezhneva, S.F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokof'ev, O.V. Pyleva, V.P. Sal'nikov, M.V. Sal'nikov, F.O. Chudin-Kurgan. M. : Iurlitinform, 2020. 288 pp.
13. Kleandrov M.I. Razmyshleniia na temu: mozhet li sud'ei byt' robot? Rossiiskoe pravosudie, 2018, No. 6, pp. 15–25.
14. Klimenko A.I., Lebedev S.P. Spekuliativnaia metafizika prava i tvorcheskoe nasledie F.M. Dostoevskogo. Retenziia na monografiu S.I. Zakhartseva, D.V. Maslennikova, V.P. Sal'nikova "Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoevskii. K voprosu o spekuliativno-logicheskikh osnovaniakh metafiziki prava". M. : Iurlitinform, 2019. 376 pp. Monitoring pravoprimeneniia, 2021, No. 1 (38), pp. 61–64. DOI: 10.21681/2226-0692-2021-1-61-64 .

⁶ Sergei Zakhartsev, Dr.Sc. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Saint Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

⁷ Viktor Sal'nikov, Dr.Sc. (Law), Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Honorary Figure of Higher Professional Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Saint Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: fonduniver@bk.ru

15. Komarov S.A., Khabibulin A.G. Novaia rabota peterburgskikh uchenykh po filosofii prava. Teoriia gosudarstva i prava, 2020, No. 1 (17), pp. 193–208.
16. Kokhanovskii V.P., Przhilenskii V.I., Sergodeeva E.A. Filosofii nauki. 3-e izd., pererab. M. : Norma, Infra-M, 2017. 431 pp.
17. Mal'tsev G.V. Kul'turnye traditsii prava. M. : Norma Infra-M, 2016. 607 pp.
18. Raianov F.M., Galiev F.Kh. Fundamental'naia filosofskaia kniga o prave. Retsenzii na monografiu S.I. Zakhartseva, D.V. Maslennikova, V.P. Sal'nikova "Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoevskii. K voprosu o spekulativno-logicheskikh osnovaniiax metafiziki prava. M. : Iurlitinform, 2019. 376 pp.". Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika, 2019, No. 2, pp. 177–182.
19. Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Sal'nikov M.V. Bessmertie dushi kak sterzhnevaia ideia v uchenii F.M. Dostoevskogo o prave i nravstvennosti. Iuridicheskai nauka: istoriia i sovremennost', 2021, No. 5, pp. 179–192.
20. Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. "Pushkinskaia rech'" Dostoevskogo i nravstvennaia ideia gosudarstva (K 140-letiiu vystupleniia F.M. Dostoevskogo). Iuridicheskai nauka: istoriia i sovremennost', 2020, No. 11, pp. 163–180.
21. Khabrieva T.Ia., Chernogor N.N. Budushchee prava. Nasledie akademika V.S. Stepina i iuridicheskai nauka. M. : Infra-M, 2020. 174 pp.
22. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books, 2021. 450 p. DOI: 10.17513/np.490 .
23. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452 .

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТКАЗА ВО ВКЛЮЧЕНИИ ТРЕБОВАНИЯ КРЕДИТОРА В РЕЕСТР: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Гурылева К.И.¹

Ключевые слова: реестр требований кредиторов, злоупотребление правом, критерии, основания для отказа во включении требований в реестр.

Аннотация

Цель работы: анализ правоприменительной практики и разработка критериев злоупотребления кредитором правом на заявление требований для включения в реестр, при установлении которых в удовлетворении такого заявления должно быть отказано.

Методы исследования: применялись общенаучные методы, включая формально-юридический научный метод, метод системного анализа действующего законодательства и судебной практики.

Результаты исследования: автор пришел к заключению о том, что Закон о банкротстве не содержит положений, касающихся оснований для отказа во включении требований кредиторов в реестр, что существенно затрудняет правоприменение. Для унификации подходов судов автор предлагает дополнить Постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» пунктом 14.1 в части оснований для отказа во включении требований кредиторов в реестр.

Научная новизна: выполнена оригинальная оценка опыта правоприменения по обособленным спорам о включении требований кредиторов в реестр в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) в контексте формирования эффективного правового механизма выявления злоупотреблений кредиторов правами и стимулирования их к добросовестному поведению.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-76-87

Введение и постановка задачи²

Для целей участия в процедуре банкротства и распределения конкурсной массы должника кредиторы заявляют требования для включения в реестр. В условиях банкротства, недостаточности имущества должника, кредиторы конкурируют между собой, используя нередко методы, не отвечающие критериям добросовестности³. Зачастую и бенефициары должника, пытаясь сохранить его активы за собой⁴, через подконтрольные организации, аффилированные с должником, предъявляют в рамках дела о банкротстве требования, задолженность по которым в действительности отсутствует⁵, или требования, которые основания имеют, но не подлежат включению ввиду ст. 10 ГК РФ⁶. В данном случае речь идет о фиктивной задолженности, под которой в науке понимаются не только те долги, которые образовались в результате обычной неисполнительности в обороте или возникли случайно (непредумышленно), но и те, которые были созданы специально для получения незаконных имущественных выгод путем получения части конкурсной массы в ущерб другим кредиторам⁷. Заявление кредиторами подобных требований является одним из наиболее распространенных зло-

употреблений в рамках дела о несостоятельности, которое применительно к общему понятию злоупотребления правом при банкротстве как осуществления принадлежащего лицу субъективного права, не направленного на реализацию заложенного в этом праве интереса, которое влечет причинение вреда другим субъектам отношений несостоятельности либо создание условий для его причинения, и (или) получение самим злоупотребляющим лицом или третьим лицом (лицами) необоснованных преимуществ⁸, имеют специфику в части последствий. Так, последствиями могут выступать: помимо уменьшения доли требований независимых кредиторов, которые в значительной степени лишаются возможности оказывать влияние на ход дела о банкротстве, ограничение их права на удовлетворение требований к должнику за счет конкурсной массы⁹, а также создание ситуации контролируемого банкротства одним или несколькими кредиторами.

Поскольку Закон о банкротстве не содержит положений, касающихся оснований для отказа во включении требований кредиторов в реестр, судебная практика заняла особое место в данном во-

¹ Гурылева Кристина Игоревна, кандидат юридических наук, старший юрист юридической фирмы «РКТ», г. Москва, Российская Федерация. E-mail: www.gurileva.ru@mail.ru

просе¹⁰. Так, вопросы, касающиеся оснований для субординации требований кредиторов, разъяснены Верховным Судом РФ в Обзоре судебной практики от 29.01.2020¹¹, и они не будут являться предметом настоящего исследования, однако в отношении иных случаев злоупотреблений кредиторами при установлении требований в реестр разъяснения высшей судебной инстанции отсутствуют, и они нуждаются в отдельном исследовании. Вместе с тем подходы судов по этому вопросу разнятся; суды в делах при схожих фактических обстоятельствах могут как отказать во включении требования в реестр, так и удовлетворить заявление кредитора. Для унификации подходов судов необходима выработка на уровне Верховного Суда РФ единых критериев, при установлении которых в деле в удовлетворении заявления судом должно быть отказано¹².

Решение поставленной задачи

В ходе анализа судебной практики было выявлено, что маркеры злоупотребления правом имеют свою специфику в зависимости от обязательства, на котором основано требование кредитора. Для формулирования общих критериев необходимо остановиться на распространенных видах злоупотребления правом по отдельным видам обязательств, а затем сформулировать общие характерные для большинства видов критерии, которые, на наш взгляд, являются справедливыми.

(1) Требование кредитора по договору поручительства. В правоприменительной практике справедливо, на наш взгляд, признается, что сделка поручительства совершена со злоупотреблением правом, если имеет место заведомая недобросовестность сторон: должника-поручителя в том, что он принял на себя необоснованное бремя ответственности по обязательствам заемщика; со стороны заимодавца и заемщика — в том, что ими были безосновательно созданы акцессорные обязательства¹³.

Особое внимание, на наш взгляд, здесь необходимо уделять специфике корпоративных связей сторон, вступивших, во-первых, в отношения по основному обязательству¹⁴, во-вторых, в отношении поручительства¹⁵, поскольку от этого зависит экономическая целесообразность предоставленного должником обеспечения¹⁶. В научной литературе справедливо отмечается Р.И. Сайфуллиным, что необходимо различать нисходящее обеспечение (downstream guarantee), выданное участником (акционером) по обязательствам компании, экономически целесообразное в силу того, что получение кредита приводит к тому, что активы основного должника увеличиваются и активы поручителя становятся дороже; восходящее обеспечение (upstream guarantee), выданное компанией по обязательствам участника (акционера)¹⁷; перекрестное обеспечение (cross-stream guarantee), предоставленное по обяза-

тельствам членов группы компаний. Последние два обеспечения нецелесообразны для должника-поручителя в силу того, что он не имеет контроля над обеспечиваемым финансовым потоком¹⁸. Однако судебная практика такой подход не разделяет. Так, если речь идет о группе компаний, которые имеют общие корпоративные или иные связи¹⁹, независимо от наличия или отсутствия отношений участия (членства), данный критерий скорее имеет обратный эффект, он служит обоснованием мотива совершения обеспечительных сделок²⁰. Это является стандартной практикой и не свидетельствует о недобросовестности сторон²¹, поскольку предполагается, что при кредитовании одного участника группы выгоду получают все, так как активы группы в целом увеличатся²², то есть финансирование носит внутригрупповой характер, что свидетельствует о его распределении бенефициаром в целях обеспечения деятельности группы²³. Однако в последние годы в судебной практике наметилась тенденция дифференциации подходов к поручительству. Так, Верховный Суд РФ в одном из дел отметил, что предполагается экономическая целесообразность поручительств, выданных материнскими компаниями либо бенефициарами бизнеса, поскольку выгода ими получена в результате кредитования должника по основному обязательству²⁴. Следует поддержать такую позицию, отметив необходимость в каждом деле устанавливать связь между заемщиком и поручителем и определять модель поручительства для решения вопроса о наличии или отсутствии экономической целесообразности поручительства.

Кроме того, в судебной практике, как правило, большинство судов признают, что о злоупотреблении правами при структурировании договорных отношений между сторонами для целей формирования задолженности на случай банкротства свидетельствуют следующие обстоятельства и условия предоставления обеспечения.

Во-первых, наличие у заемщика²⁵ на момент заключения договора займа неисполненных обязательств перед контрагентами, о чем заимодавец знал или должен был знать, в том числе в силу аффилированности с ним²⁶. Следует отметить, что в ситуации, когда поручительство предоставляется за неплатежеспособное лицо, оно с точки зрения экономической целесообразности порочно еще и в силу заведомой безвозмездности.

Во-вторых, изначальная невозможность исполнить обязательства у поручителя, например, в связи с отсутствием активов для исполнения обязательств, несоответствием размера активов размеру принятых обязательств²⁷, обременением залогами всех или большей части активов, за счёт которых могли быть исполнены обязательства, в пользу других контрагентов²⁸, о чем кредитор знал или должен был знать²⁹.

В-третьих, заключение договора поручительства и (или) займа, в обеспечение которого предо-

ставляется поручительство, на невыгодных условиях: например, в обеспечение исполнения обязательств, возникших задолго до его заключения³⁰; обязательств на условиях, не соответствующих рыночным³¹.

В-четвертых, отсутствие экономической целесообразности заключения обеспечительной сделки для поручителя³², о чем могут свидетельствовать: отсутствие связи заключенного договора с его хозяйственной деятельностью, отсутствие взаимных хозяйственных отношений между сторонами сделки, расходование заемщиком заемных средств исключительно на личные нужды³³, отсутствие встречного предоставления в виде какой-либо экономической выгоды или экономического эквивалента от принятия на себя обязательств за должника³⁴, о чем кредитор знал или должен был знать³⁵.

В-пятых, отсутствие сведений о наличии обязательств из поручительства в документах, составленных до обращения в суд с заявлением о включении требований в реестр³⁶, например, когда в списке кредиторской задолженности такой долг перед кредитором отсутствовал, а также фальсификация документов³⁷. О фиктивности такого долга может свидетельствовать также необращение кредитора с заявлением о взыскании задолженности по займу вплоть до банкротства поручителя³⁸, незаъявление требования о возврате займа в судебном порядке не только к поручителю, но и к заемщику³⁹.

Таким образом, что, на наш взгляд справедливо, ключевым критерием при заявлении кредитором требования, основанного на договоре поручительства, является проверка экономической целесообразности обязательства для должника, которая может быть установлена при анализе таких факторов, как платежеспособность поручителя и заемщика на момент предоставления обеспечения, корпоративная взаимосвязь между поручителем и заемщиком, условия, на которых предоставлено обеспечение⁴⁰.

(2) Требование кредитора, основанное на задолженности по возврату займа (кредита)⁴¹, как показала судебная практика, не отвечает стандартам добросовестности и не подлежит включению в реестр требований при наличии условий:

- связанных с обеими сторонами договора: заинтересованность сторон⁴²;
- касающихся заемщика: а) неблагоприятное финансовое положение, о чем кредитор знал или должен был знать⁴³; б) отсутствие экономической целесообразности в заключении договора займа для должника⁴⁴ (в частности, когда у него имелись денежные средства на цели, для которых был предоставлен заем⁴⁵); в) использование целевого займа не по назначению⁴⁶ (например, полученные средства были в короткий промежуток времени переведены аффилированным с должником лицам для исполнения их обязательств перед контрагентами⁴⁷; транзитный характер платежей⁴⁸);

- касающихся заимодавца: а) не раскрыт источник, за счет которого производилась выдача займа⁴⁹, отсутствуют доказательства, подтверждающие финансовую возможность кредитора предоставить заем в заявленном размере⁵⁰, либо денежные средства, предоставленные должнику в качестве займа, были получены кредитором также в заем под поручительство должника⁵¹; б) нетипичные условия предоставления займа — посредством перечисления за заемщика на счета его контрагентов средств для исполнения за него обязательств⁵²; в) требование о возврате займа должнику было предъявлено только в процедуре банкротства⁵³;
- связанных с условиями договора: а) денежные средства на значительную сумму были выданы в отсутствие какого-либо обеспечения⁵⁴ и являются нецелевыми⁵⁵; б) «нерыночные» условия займа (необоснованно низкая процентная ставка⁵⁶, беспроцентный заем); в) неоднократное продление срока возврата займа или неоднократное увеличение суммы займа при условии, что долг не обслуживается должником⁵⁷;
- иные обстоятельства: а) отсутствие доказательств фактического исполнения обязательств кредитором, а также отражения хозяйственных операций в бухгалтерском учете по данной сделке⁵⁸, или б) фальсификация документов⁵⁹.

Однако данные критерии в совокупности свидетельствуют о наличии отношений компенсационного финансирования в ситуации имущественного кризиса должника, что является основанием для субординации требований кредитора. При этом, если отсутствуют такие критерии, как неблагоприятное финансовое положение должника на момент предоставления займа, аффилированность сторон или отношения контроля со стороны кредитора, и имеют место иные обозначенные критерии, то можно говорить о злоупотреблении кредитором в иной форме и о необходимости применения такого способа защиты добросовестных участников банкротства как отказ в установлении требований в реестр.

Выявленные в проанализированной судебной практике обстоятельства и условия, свидетельствующие о злоупотреблении кредитором при заявлении требований в реестр по отдельным видам обязательств, можно сгруппировать по трем критериям, представив анализ в виде таблицы.

Таким образом, в судебной практике, как правило, при проверке обоснованности требований кредиторов обращается внимание на такие обстоятельства взаимоотношений сторон, как: 1) кредитор и должник являются заинтересованными лицами¹⁰¹; 2) отсутствие экономической целесообразности или иных разумных оснований совершения сделки, на которой основано требование кредитора, например, когда условия сделки, на которой основано требование кредитора, невыгодны для должника и (или) кредитора, и кредитор на

момент совершения сделки, на которой основано требование, знал или должен был знать об отсутствии разумных оснований совершения сделки и (или) невыгодности ее условий для должника; 3) имеют место обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии договорных обязательств сторон, например, отсутствуют доказательства, подтверждающие наличие договорных обязательств сторон или наличие задолженности перед кредитором¹⁰²;

представленные документы сфальсифицированы, в реальности взаимоотношения сторон не существовали¹⁰³; если обязательство, на котором основано требование кредитора, прекращено¹⁰⁴ или в реальности отсутствует¹⁰⁵; и (или) кредитором в течение длительного времени после наступления срока исполнения обязательства к должнику не предъявлялись требования о взыскании задолженности.

Наличие признаков заинтересованности между сторонами	Отсутствие экономической целесообразности или иных разумных оснований для должника в заключении договора	Обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии договорных обязательств сторон
<i>1. Установление залогового статуса кредитора</i>		
основного должника и залогодателя ⁶⁰	отсутствие экономической целесообразности для залогодателя в предоставлении обеспечения, в частности, заключение договора на условиях безвозмездности ⁶¹ ; или при условии, что у основного заемщика имелось в собственности имущество, которое могло быть предоставлено им в залог; или в залог была предоставлена большая часть свободного (незаложенного) имущества должника, которое использовалось в предпринимательской деятельности ⁶² ; заключение договора залога в условиях просрочки исполнения обязательств основным должником, или при наличии условий, свидетельствующих о том, что обязательство не будет исполнено в срок ⁶³ или уже после возбуждения дела о банкротстве ⁶⁴	1) «неопубликование» в установленном законом порядке залога, то есть принятие мер по регистрации залога, например, в ЕГРН до возбуждения дела о банкротстве залогодателя ⁶⁵ ; 2) фактическое отсутствие залогового имущества для установления залогового статуса ⁶⁶ ; 3) невозникновение залога в силу закона ⁶⁷ .
<i>2. Требования кредитора, основанные на задолженности по оплате стоимости товара, приобретенного по договору купли-продажи или поставки⁶⁸</i>		
кредитора (продавца) и должника (покупателя) ⁶⁹	отсутствие разумных экономических мотивов заключения договора для должника, о чем свидетельствует, например, нерыночная стоимость приобретенного должником актива ⁷⁰ ; или заключение договора с лицом, которое фактически деятельность не осуществляло и изначально не могло поставить приобретенный товар, на условиях оплаты товара авансом ⁷¹	1) отсутствие надлежащих доказательств исполнения обязательств со стороны продавца или поставщика и принятия товара должником ⁷² (как минимум: товарных накладных ⁷³ , спецификаций), в связи с чем невозможно идентифицировать условия поставки; 2) несовпадение условий договоров поставки с условиями товарных накладных ⁷⁴ ; отсутствие доказательств отражения в бухгалтерском учете кредитора стоимости проданного актива, а после заключения договора — дебиторской задолженности должника ⁷⁵ ; 3) товар был продан без получения необходимого в силу закона согласия, например, залогодержателя ⁷⁶ ; 4) кредитором не принимались меры к взысканию в разумный срок задолженности, возникшей до неплатежеспособности должника ⁷⁷ .

Наличие признаков заинтересованности между сторонами	Отсутствие экономической целесообразности или иных разумных оснований для должника в заключении договора	Обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии договорных обязательств сторон
<i>Требование кредитора, основанное на задолженности по оплате подрядных работ</i>		
заказчика и подрядчика ⁷⁸		1) отсутствия доказательств объема выполненных кредитором и принятых должником работ ⁷⁹ ; 2) необращение кредитором в суд с требованием о взыскании задолженности до возбуждения в отношении должника дела о банкротстве ⁸⁰ ; 3) отсутствие фактических условий для выполнения кредитором работ, например, отсутствие у должника на праве собственности или ином вещном праве земельного участка, сельскохозяйственные работы на котором должен был выполнять кредитор ⁸¹ .
<i>Требование кредитора, основанное на задолженности по оплате приобретенного по цессии права требования</i>		
признаки заинтересованности между должником и (или) цедентом и цессионарием ⁸²	1) неликвидность приобретенного цессионарием права требования ⁸³ (например, когда уступлена задолженность к лицу, имеющему финансовые проблемы ⁸⁴ или признанному банкротом ⁸⁵ , либо срок исковой давности предъявления требования истек или истечет в этом году ⁸⁶), о чем цедент и цессионарий знали ⁸⁷ ; 2) отсутствие в результате заключения договора цессии имущественной или иной выгоды, поскольку цессионарий никакого встречного исполнения по сделке не получил ⁸⁸ ; 3) приобретение права требования к должнику, признанному несостоятельным ⁸⁹ .	непринятие цессионарием мер по замене кредитора в реестре, что свидетельствует о недобросовестности и отсутствии реального намерения получить исполнение по требованию ⁹⁰
<i>Требование кредитора, основанное на задолженности по уплате арендных платежей</i>		
арендатора и арендодателя ⁹¹	1) у должника отсутствовали собственные экономические нужды в аренде ⁹² ; 2) договор заключен на заведомо невыгодных для должника условиях (в частности, согласованная сторонами арендная плата не соответствует рыночной).	отсутствуют доказательства наличия и принадлежности кредитору имущества, переданного им по договору аренды, и доказательства фактического пользования имуществом должника ⁹³

Наличие признаков заинтересованности между сторонами	Отсутствие экономической целесообразности или иных разумных оснований для должника в заключении договора	Обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии договорных обязательств сторон
<i>Требование аффилированного с должником кредитора⁹⁴, основанное на задолженности по оплате его услуг⁹⁵</i>		
	1) несоразмерность оказываемых услуг их стоимости; 2) неэффективность исполнения кредитором принятых на себя обязательств; 3) отсутствие экономического эффекта от заключения договора управления для должника ⁹⁶ . Если либо на момент заключения договора у должника имелись признаки объективного банкротства и финансовое состояние ухудшилось, либо в результате осуществления кредитором полномочий руководителя данные признаки появились ⁹⁷ , это может свидетельствовать о действиях во вред должнику.	Кроме того, подозрительным суды признают, что, являясь управляющим и обладая доступом к счетам должника, имея возможность беспрепятственного получения собственного вознаграждения, кредитор данным правом не воспользовался и не обратился с заявлением об оплате до процедуры банкротства ⁹⁸ .
<p><i>Требования кредиторов, основанные на сложноструктурированных конструкциях договоров и схемах.</i> На практике все чаще используются сложные договорные конструкции, основанные на совокупности взаимосвязанных сделок, целью которых является вывод активов должника и (или) создание фиктивных требований для получения контроля над процедурой банкротства⁹⁹. Рассмотрим данный вид на конкретном примере. В деле № А46-19877/2009¹⁰⁰ в процедуре внешнего управления между должником (строительная организация) в лице управляющего и ИП заключен договор о строительстве дома и передаче квартиры. Оплата покупателем осуществлена зачетом встречных требований за консультационные услуги, оказанные ИП как представителем управляющего. Затем ИП в рамках дела о банкротстве подал заявление о включении требований о передаче квартиры в реестр. Суд отказал в удовлетворении заявления, признав договор купли-продажи будущей недвижимости и договор на оказание консультационных услуг в силу ст. 10 и 170 ГК РФ ничтожными. Суд посчитал, что реальной целью включения в реестр требований являлась реализация права на погашение требований путем передачи объекта незавершенного строительства, руководствуясь следующим:</p>		
кредитор аффилирован с внешним управляющим, является его постоянным представителем в различных делах	необходимость в оказании консультационных услуг отсутствовала	1) план внешнего управления не содержал такого мероприятия, как строительство жилого дома; 2) должник не вправе претендовать на это сооружение и в составе конкурсной массы, поскольку земельный участок под спорными объектами не отводился собственником и разрешение на строительство не выдавалось; 3) в отчетах внешнего управляющего сведения об ИП как о привлеченном лице не отражались.

Безусловно, при наличии таких условий речь может идти о недействительности сделки, на которой основано требование кредитора, ввиду ее мнимости или притворности,¹⁰⁶ а также злоупотребления правом сторонами при ее совершении¹⁰⁷. При этом заявление такого требования кредитором в реестр является злоупотреблением, поскольку в данном случае право осуществляется без намерения реализовать заложенный в нем интерес, так как реализующий право субъект не может не знать о дефектности его требования.

Необходимо обратить внимание, что когда речь идет о ситуации компенсационного финансирования со стороны кредитора, то неприменим такой способ защиты прав добросовестных участников банкротства, как отказ в установлении требования в реестр; в данном случае корректным способом защиты будет субординация требований.

Кроме того, в ходе анализа были выявлены иные случаи отказа судами во включении требований кредиторов в реестр, при том, что суд ссылался на ст. 10 ГК РФ как на основание отказа, что на наш взгляд, некорректно: пропуск кредитором срока исковой давности на предъявление требования¹⁰⁸; заявление для включения в реестр текущего платежа¹⁰⁹ (производство подлежит прекращению в таком случае¹¹⁰). Представляется, что оба основания не являются злоупотреблением правом со стороны кредитора, поскольку у кредитора право на заявление такого требования отсутствует, в связи с чем не может быть осуществлено злоупотребление.

Выводы

Подводя итог вышеизложенному, можно заключить следующее.

Арбитражным судом может быть отказано в установлении требования кредитора в реестр тре-

бований, если действия кредитора при заявлении требования имеют характер злоупотребления правом и (или) сделки, положенные в основу заявленного требования, являются недействительными на основании ст. 10, 168 ГК РФ. Представляется целесообразным в связи с вышеизложенным для разрешения обозначенной в настоящей статье проблемы, сложившейся в правоприменении, в связи с отсутствием критериев отказа для включения требований в реестр, Постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» дополнить пунктом 14.1 следующего содержания:

«В соответствии с пунктом 9 статьи 71 Закона о банкротстве арбитражный суд вправе вынести определение об отказе во включении требований кредитора в реестр требований кредиторов, если действия кредитора при заявлении требования имеют характер злоупотребления права по смыслу п. 2 ст. 2.1 настоящего закона и (или) сделка или несколько сделок, на которой основано требование кредитора, являются недействительными».

Считаем, что справедливыми критериями, свидетельствующими о наличии признаков злоупотребления правом, могут быть следующие: 1) кредитор и должник являются заинтересованными лицами¹¹¹; 2) отсутствие экономической целесообразности или иных разумных оснований совершения сделки, на которой основано требование кредитора; 3) имеют место обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии договорных обязательств сторон. Вместе с тем такие критерии могут служить обстоятельствами для отказа во включении требований в реестр, если не подтверждаются отношения компенсационного финансирования, являющиеся основаниями для субординации требований.

Сноски

2. Приведенные в настоящей статье судебные акты взяты из СПС «КонсультантПлюс».
3. Злоупотребление правом со стороны должника может заключаться в принятии необоснованного бремени ответственности, со стороны кредитора — в образовании искусственной кредиторской задолженности или «наращивании» требований к должнику, то есть безосновательном создании обязательств, которые в будущем могут конкурировать с обязательствами должника перед независимыми кредиторами (Определения ВС РФ от 23.08.18 № 305-ЭС18-3533, от 04.06.18 № 305-ЭС18-413, от 13.07.18 № 308-ЭС18-2197).
4. Определение ВС РФ от 23.07.18 по делу № 305-ЭС18-3009.
5. См. например, Определение ВС РФ от 11.09.17 № 301-ЭС17-4784.
6. Шефас П.А. Недобросовестность в банкротстве. Девять ключевых определений ВС РФ // Журнал РШЧП. Вып. 2. 2018. С. 191.
7. Ходаковский А.П. Реестр требований кредиторов и его формирование в процессе несостоятельности (банкротства): правовые аспекты : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 154.
8. Гурылева К.И. Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства) : монография. М. : Юстицинформ, 2023. С. 95.
9. Е.Д. Суворов указывал на то, что о злоупотреблении правом учредителем должника могут свидетельствовать его манипулирование денежными средствами путем наращивания задолженности на случай банкротства (Суворов Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 4. С. 130—161; № 5. С. 53 — 107).
10. На данное обстоятельство также неоднократно указывали ученые. В частности, А.П. Ходаковский (см. Правовой режим требований, не входящих в реестр требований кредиторов, в процессе несостоятельности (банкротства) // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения : монография, коллектив авторов / МГУ им. М.В. Ломоносова; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М. : Юстицинформ, 2020. С. 180, 181).
11. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2020.
12. Злоупотребление правом, допущенное при заключении договора, может служить достаточным основанием для отказа во включении требования кредитора в реестр, если такой договор не оспаривался в самостоятельном порядке (Определение ВС РФ от 14.08.2020 № 308-ЭС19-9133(12) // Цит. из: Суворов Е.Д. Судебное банкротное право: выпуск второй. М. : Статут, 2022. С. 213).

13. Кроме того, если заимодавцем выступает банк, то его реальной целью может быть отражение в отчетности сведений о достаточной обеспеченности своего кредитного портфеля (несмотря на реальное предбанкротное состояние) в целях введения в заблуждение регулятора банковской деятельности (Постановления АС Западно-Сибирского округа от 01.06.18 по делу № А81-1827/17, от 04.06.19 по делу № А46-19804/17).
14. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 04.06.19 по делу № А46-19804/17.
15. Определения ВС РФ от 31.08.20 № 308-ЭС19-9133(17), от 15.09.20 № 308-ЭС19-9133(11) и № 308-ЭС19-9133(10), от 11.09.20 № 308-ЭС19-9133(13).
16. Определение ВС РФ от 28.05.18 № 301-ЭС17-22652(1), Постановление АС Уральского округа от 07.02.18 по делу № А47-6362/16.
17. Или, например, обеспечение, выданное должником в обеспечение личных обязательств его руководителя (Определения ВС РФ от 06.07.17 № 308-ЭС17-1556, от 28.05.18 № 301-ЭС17-22652(1), Постановление АС Волго-Вятского округа от 28.10.19 по делу № А17-895/18, Постановление АС Уральского округа от 04.03.21 по делу № А60-55828/19).
18. Сайфуллин Р.И. Привлечение к субсидиарной ответственности за предоставление поручительства (комментарий к определению Верховного Суда по делу «СПАР Липецк» // Цивилисты о банкротстве : сборник научно-практических публикаций. М. : Ассоциация выпускников РШЧП. 2022. С. 32—33.
19. П. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.12 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Экономика и жизнь, № 34, 31.08.2012 (бухгалтерское приложение) (далее — Постановление № 42); пункт 15.1 Постановление Пленума ВАС РФ от 30.04.2009 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с сопоставлением сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ, № 7, июль, 2009 (далее — Постановление № 32).
20. Постановление Президиума ВАС РФ от 11.02.14 № 14510/13, Постановление АС Северо-Западного округа от 20.08.21 по делу № А21-8868/14, Постановление АС Западно-Сибирского округа от 24.08.18 по делу № А27-3407/17, Постановление АС Московского округа от 22.07.20 по делу № А40-109097/18.
21. Определения ВС РФ от 28.05.18 № 301-ЭС17-22652, от 24.12.18 № 305-ЭС18-15086(3), от 15.02.19 № 305-ЭС18-17611.
22. Определение ВС РФ от 15.06.16 № 308-ЭС16-1475, от 26.05.17 № 306-ЭС16-20056(6). Для доказывания сомнительности поручительства должны быть приведены веские аргументы, свидетельствующие о злоупотреблении заимодавцем своими правами, например, участие кредитора в неправомерном выводе активов должника; получение кредитором контроля над делом о банкротстве (Определение ВС РФ от 28.12.15 № 308-ЭС15-1607, пункт 9 Постановления № 42 и пункт 15.1 Постановления № 32).
23. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 24.09.19 по делу № А46-13441/18, Постановление АС Московского округа от 08.10.20 по делу № А40-146079/18.
24. Определение ВС РФ от 29.06.2021 № 305-ЭС20-14492(2).
25. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 24.08.18 по делу № А27-3407/17, Постановление АС Московского округа от 22.07.20 по делу № А40-109097/18.
26. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 04.06.19 по делу № А46-19804/17.
27. Постановления АС Северо-Западного округа от 07.06.19 по делу № А21-5146/17.
28. Постановление АС Уральского округа от 07.02.18 по делу № А47-6362/16.
29. Постановления АС Западно-Сибирского округа от 24.08.18 по делу № А27-3407/17, Постановление АС Западно-Сибирского округа от 01.06.18 по делу № А81-1827/17.
30. Постановление ФАС Поволжского округа от 22.01.13 по делу № А65-2362/12.
31. В частности, по процентной ставке выше ключевой ставки Банка России (Постановление АС Волго-Вятского округа от 28.10.19 по делу № А17-895/18). См. также: Определения ВС РФ от 06.07.17 № 308-ЭС17-1556, от 28.05.18 № 301-ЭС17-22652(1). Между тем суды также усматривают злоупотребление правом в действиях кредитора и основного должника по обеспечиваемому обязательству, нарушающих интересы поручителя, когда без его участия совершаются сделки, ухудшающие его положение. В частности, когда в обеспечение, помимо поручительства, предоставлен залог, то заключение между заемщиком и заимодавцем соглашения об отступном, в котором стоимость залога определяется в размере существенно ниже изначально определенной залоговой стоимости, что фактически влечет увеличение ответственности поручителя и лишает его того, на что он мог бы рассчитывать при исполнении обязательства за заемщика. При этом суды указывают, что такой поручитель должен отвечать на первоначальных условиях без учета соглашения об отступном (Постановление АС Западно-Сибирского округа от 21.09.16 по делу № А03-8209/15).
32. Определения ВС РФ от 28.05.18 № 301-ЭС17-22652(1), от 14.08.20 № 308-ЭС19-9133(12), от 15.09.20 № 308-ЭС19-9133(11), от 11.09.20 № 308-ЭС19-9133(13).
33. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 24.08.18 по делу № А27-3407/17.
34. Постановления АС Западно-Сибирского округа от 26.04.17 по делу № А75-14408/15, от 04.06.19 по делу № А46-19804/17.
35. Требование из поручительства в любом случае всегда не сопряжено с встречным предоставлением. Однако, по мнению Р.И. Сайфуллина, есть исключения из этого правила: при наличии имущественной выгоды для поручителя и его кредиторов, когда предполагается поступление имущественных благ от кредитора поручителю опосредованно через имущественную массу основного должника, например, предоставление материнской компанией обеспечения за дочернюю; при отсутствии имущественного вреда для поручителя и его кредиторов при высокой ликвидности обеспечиваемого требования (Сайфуллин Р.И. Поручительство и банкротство: взаимная связь правовых институтов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 14—15). С данной позицией сложно согласиться, поскольку наличие экономической целесообразности не свидетельствует о возмездности сделки, это две разные характеристики. При этом возмездность не всегда свидетельствует об экономической целесообразности, а экономически целесообразная сделка не всегда является возмездной. Например, заключение с неплатежеспособной компанией договора уступки прав требований, в котором предусмотрено условие о стоимости отчуждаемого права требования, являясь возмездной, но нецелесообразной сделкой. При этом частичное прощение долга кредитором должнику для продолжения его хозяйственной деятельности и сохранения устойчивых деловых связей с ним будет экономически целесообразной сделкой. Но в правоприменительной практике есть случаи, когда стороны заключают договор оказания возмездных услуг по предоставлению поручительства. Однако суды такие соглашения признают нетипичными, действия должника и кредитора по их заключению — выходящими за рамки стандартного поведения участников гражданского оборота, в связи с чем заключение таких соглашений на условиях, недоступных обычным участникам правоотношений, — мнимыми (Постановление АС Северо-Кавказского округа от 16.09.21 по делу № А25-2717/19).
36. Постановление АС Московского округа от 22.07.20 по делу № А40-109097/18.
37. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 18.01.18 по делу № А46-368/17.
38. Постановление АС Волго-Вятского округа от 28.10.19 по делу № А17-895/18.
39. Определения ВС РФ от 06.07.17 № 308-ЭС17-1556, от 28.05.18 № 301-ЭС17-22652(1), Постановление АС Западно-Сибирского округа от 18.01.18 по делу № А46-368/17.
40. В некоторых делах суды, помимо злоупотребления правом, указывают также на мнимость договоров поручительства, предоставленных в обеспечение не только по займам, но и по арендным, подрядным обязательствам, обязательствам поставки (Постановления АС Московского округа от 22.11.18 по делу № А40-184370/17, от 26.11.18 по делу № А40-184370/17, Постановление АС Центрального округа от 20.08.20 по делу № А23-4809/18). Злоупотребление правом устанавливается судами, если, например, договор аренды, в счет обеспечения которого заключен договор поручительства, на момент рассмотрения дела не был зарегистрирован в установленном законом порядке (Постановление ФАС Северо-Западного округа от 26.02.14 по делу № А05-996/13), либо когда в дело не представлены доказательства неисполнения обязательств основным должником по подряду (Постановление АС Северо-Западного округа от 17.12.18 по делу № А56-8910/17) или доказательства, подтверждающие реальность отношений по договору поставки (Постановление АС Северо-Западного округа от 27.04.15 по делу № А56-15870/14), оприходования и передачи в подотчет материально ответственным лицам товара, источники поступления товара для последующей реализации, доказательств транспортировки товара в место его передачи покупателю (Постановление АС Московского округа от 18.07.18 по делу № А40-2582/17). Например, в случае выдачи поручительства по векселю (выдача авалей) — отсутствие какого-либо обязательства, лежащего в основе выдачи авалей (Постановлении Президиума ВАС РФ от 25.07.11 № 5620/11).
41. Отношения по векселю сходны с отношениями по займу, поэтому условия, свидетельствующие о злоупотреблении сторон, схожи. Однако есть ряд особенностей, связанных в том числе с тем, что выдача векселя является абстрактной сделкой: 1) недоказанность реальности совершенных с векселями сделок, в связи с которыми они были выданы (Постановление АС Поволжского округа от 22.11.16 по делу № А55-20650/15), фактическая структура взаимоотношений не обусловлена экономическими мотивами (Постановление АС Западно-Сибирского округа от 31.08.18 по делу № А27-14314/17); 2) в обоснование не представлены ни оригинал векселя, ни его копия (Постановление АС Московского округа от 24.06.19 по делу № А40-82265/18) либо представленные векселя имеют порок формы (Постановление АС Уральского округа от 04.03.19 по делу № А07-14257/16); 3) кредитор не обладал денежными средствами, сопоставимыми с номиналом выпущенных в обращение векселей, следовательно, нет доказательств обеспеченности векселя при его выпуске (Постановление АС Московского округа от 24.06.19 по делу № А40-192927/17, Постановление АС Западно-Сибирского округа от 01.10.19 по делу № А46-13441/18); 4) не представлено доказательств оплаты кредитором приобретения у должника векселя (Постановление АС Западно-Сибирского округа от 31.08.18 по делу № А27-14314/17); 5) финансовая несостоятельность должника на дату выпуска векселя; 6) вексель фактически к оплате не предъявлялся (Постановление АС Московского округа от 24.06.19 по делу № А40-82265/18); 7) вексель использован в качестве средства платежа, что не является типичным в обычной хозяйственной деятельности юридического лица (Постановление АС Западно-Сибирского округа от 01.10.19 по делу № А46-13441/18); 8) «нерыночные» условия по векселям, в частности, длительный

- срок возврата займа (Постановление АС Уральского округа от 04.03.19 по делу № А07-14257/16); 9) отсутствие экономической целесообразности в выдаче должником векселя взамен полученных от приобретателя денег (Постановления АС Западно-Сибирского округа от 04.12.18 по делу № А45-11799/14).
42. Определение ВС РФ от 08.07.21 № 307-ЭС20-19667, Постановление АС Московского округа от 17.01.20 по делу № А40-14404/17, Постановления АС Поволжского округа от 29.06.20 по делу № А12-32584/16, от 25.12.18 по делу № А72-1268/17. Например, в рамках дела № А40-244943/15 было установлено, что заем заключен между должником (генеральным директором банка) и компанией на сумму более 2 млрд рублей. При этом ранее банк выдал данной компании кредит на эту же сумму. Суд посчитал, что заявлено требование, основанное на сделке, совершенной при злоупотреблении правом, так как денежные средства банка перечислялись на счета компаний из группы должника, которые их систематически перенаправляли на личные счета должника по разным обязательствам (Постановление АС Московского округа от 04.06.19 по делу № А40-244943/15).
  43. Определение ВС РФ от 14.08.20 № 308-ЭС19-9133(15), Постановления АС Московского округа от 21.05.18 по делу № А40-71340/17, Постановление АС Северо-Кавказского округа от 17.04.19 по делу № А63-522/17.
  44. Определение ВС РФ от 14.08.20 № 308-ЭС19-9133(15), Постановление АС Северо-Кавказского округа от 17.04.19 по делу № А63-522/17. Отсутствие разумных экономических мотивов заключения договора займа, например, было указано судом в деле № А45-5601/17. Так, за счет полученных по займу средств должник по договору лизинга приобрел автомобиль (размер лизинговых платежей 100 000 руб. в месяц). Затем этот автомобиль был сдан в аренду заимодавцу за 10 000 руб. в месяц. Суд отказал в удовлетворении заявления, сославшись на то, что целесообразность приобретения должником автомобиля за счет заемных средств с последующей передачей заимодавцу автомобиля в аренду по заниженной плате, в сравнении с лизинговыми платежами, отсутствовала (Постановление АС Западно-Сибирского округа от 27.04.18 по делу № А45-5601/17).
  45. Постановление АС Московского округа от 21.05.18 по делу № А40-71340/17.
  46. Постановление АС Поволжского округа от 20.06.18 по делу № А12-12419/17.
  47. Определение ВС РФ от 14.08.20 № 308-ЭС19-9133(15), Постановление АС Северо-Западного округа от 07.05.18 по делу № А56-61896/16, Постановление АС Уральского округа от 27.07.18 по делу № А50-38054/17.
  48. Постановление АС Северо-Западного округа от 03.10.22 по делу № А13-15159/19. Однако есть и противоположная судебная практика по этому критерию. Так, суды признают, что передача денежных средств, полученных по кредитным договорам, аффилированным лицам внутри группы компаний для исполнения ими своих обязательств перед кредиторами не выходит за пределы деловой практики. Погашение задолженности одним из членов группы компаний за счет средств от другого члена не свидетельствует о том, что движение денежных средств между Банком и лицами, входящими в кредитующую им группу компаний, имело транзитный характер (Определения ВС РФ от 24.10.22 № 305-ЭС21-24325 (4), от 08.08.22 № 305-ЭС21-6122 (3), Постановление АС Западно-Сибирского округа от 18.10.21 по делу № А45-21270/18).
  49. Определение ВС РФ от 14.08.20 № 308-ЭС19-9133(15).
  50. Постановления АС Московского округа от 21.05.18 по делу № А40-71340/17, от 24.06.19 по делу № А40-217577/17, Постановление АС Уральского округа от 13.05.22 по делу № А60-31963/20, от 29.03.22 по делу № А60-1307/20.
  51. Постановление АС Северо-Западного округа от 07.05.18 по делу № А56-61896/16.
  52. В таком случае суды могут признать, что заемные обязательства не возникли, если назначение платежей не свидетельствует о перечислении средств на основании договоров займов (Постановление АС Северо-Западного округа от 27.02.19 по делу № А56-68690/16).
  53. Постановления АС Московского округа от 17.01.20 по делу № А40-14404/17, Постановление АС Северо-Кавказского округа от 19.03.20 по делу № А53-32531/16.
  54. Постановление АС Московского округа от 21.05.19 по делу № А40-243121/16
  55. Постановление АС Московского округа от 20.05.19 по делу № А41-71054/17.
  56. Постановления АС Московского округа от 17.01.20 по делу № А40-14404/17.
  57. Определения ВС РФ от 07.06.18 по делу № 305-ЭС16-20992(3), от 14.08.20 № 308-ЭС19-9133(15), Постановление АС Поволжского округа от 20.06.18 по делу № А12-12419/17.
  58. Определение ВС РФ от 07.06.18 по делу № 305-ЭС16-20992(3).
  59. Постановление АС Московского округа от 21.05.18 по делу № А40-71340/17. В частности, искусственное состаривание документов, не позволившее установить реальную дату их подписания (Постановление АС Центрального округа от 25.02.19 по делу № А08-4272/16, Постановление АС Западно-Сибирского округа от 18.03.19 по делу № А27-27756/17).
  60. Определение ВС РФ от 11.09.20 № 308-ЭС19-9133(4).
  61. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 02.07.19 по делу № А33-25891/17.
  62. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 23.07.20 по делу № А53-29214/16.
  63. Например, когда основным должником первоначально принятые на себя обязательства не были исполнены, впоследствии они сторонами были новированы в заемные, после чего залогодатель в обеспечение исполнения предоставил залог (Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 02.07.19 по делу № А33-25891/17). См. также: Определение ВС РФ от 11.09.20 № 308-ЭС19-9133(4).
  64. Постановление АС Северо-Западного округа от 20.05.20 по делу № А56-19962/17.
  65. Определение ВС РФ от 20.04.21 № 307-ЭС19-23438(8), Постановление АС Северо-Западного округа от 09.11.22 по делу № А56-61/21, Постановление АС Северо-Кавказского округа от 22.10.18 по делу № А53-31249/17.
  66. См., в частности, Постановление АС Московского округа от 27.12.21 по делу № А41-64702/20, Постановление АС Поволжского округа от 15.11.21 по делу № А55-22969/20.
  67. См., в частности, Постановление АС Западно-Сибирского округа от 22.06.21 по делу № А45-43321/19.
  68. Заключенным при наличии признаков злоупотребления правом может быть признано и дополнительное соглашение к договору купли-продажи, ухудшающее положение должника (Постановление АС Северо-Западного округа от 29.06.18 по делу № А56-44095/17).
  69. Основанное на таком договоре требование кредитора может быть квалифицировано и как вытекающее из факта участия в уставном капитале должника. В одном из дел суды посчитали, что поведение должника и кредитора свидетельствует о направленности воли его участника не на продажу объектов недвижимости путем заключения договоров купли-продажи с отсрочкой оплаты, а на предоставление гарантий единственному участнику в виде прав залога на передаваемое учрежденному обществу имущество путем прикрытия сделки по наделению учрежденного им предприятия имуществом в целях осуществления уставной деятельности сделкой купли-продажи со значительной (пролонгируемой) отсрочкой оплаты (Постановление АС Центрального округа от 19.12.18 по делу № А48-5876/17).
  70. Это может быть установлено, в частности, путем сравнения цен приобретения продавцом объекта у третьего лица и стоимости его перепродажи должнику.
  71. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 02.10.19 по делу № А32-41494/17
  72. Постановление АС Московского округа от 21.05.19 по делу № А40-243121/16, Постановление АС Северо-Западного округа от 23.12.19 по делу № А56-68690/16,
  73. Постановление АС Волго-Вятского округа от 28.02.18 по делу № А43-25014/16.
  74. Достаточными и надлежащими доказательствами поставки товара считаются: перевозочные документы, доказательства наличия возможности у поставщика и покупателя хранить указанное имущество, возмещение НДС и транспортные накладные, доказательства оплаты транспортных расходов, постановки на бухгалтерский учет данных товарно-материальных ценностей, их оприходование и передачу в подотчет материально ответственным лицам, отпуск товара со склада.
  75. Постановление АС Северо-Западного округа от 28.02.19 по делу № А42-5575/17, от 09.11.22 по делу № А56-61/21.
  76. Постановление АС Московского округа от 04.02.20 по делу № А40-23276/18.
  77. Постановление АС Волго-Вятского округа от 28.02.18 по делу № А43-25014/16.
  78. Постановления АС Уральского округа от 02.04.18 по делу № А60-1864/17, от 10.02.20 по делу № А60-39053/17, Постановление АС Северо-Кавказского округа от 28.02.19 по делу № А63-20918/17.
  79. В частности, не представлено достаточно доказательств (например, исполнительная и техническая документация, ведение которой предусмотрено при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов) (Постановления АС Уральского округа от 10.02.20 по делу № А60-39053/17) или представленные документы содержат противоречивые сведения, подписаны лицами, наличие полномочий у которых не доказано, документы сфальсифицированы, например, изменена печать, документ подписан позднее даты, указанной на самом документе (Постановление АС Центрального округа от 17.10.18 по делу № А54-1273/17), задвоение сторонами при оформлении документации выполненных работ. Бухгалтерской документацией кредиторская задолженность должника не подтверждается, в частности, в книгах покупок и книгах продаж не отражены соответствующие операции (Постановление АС Уральского округа от 10.02.20 по делу № А60-39053/17).
  80. Постановление АС Уральского округа от 02.04.18 по делу № А60-1864/17.
  81. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 28.02.19 по делу № А63-20918/17.

82. Постановление АС Северо-Западного округа от 06.12.19 по делу № А05-12942/18, Постановление АС Уральского округа от 10.02.20 по делу № А60-39053/17.
83. Постановление АС Московского округа от 20.11.17 по делу № А40-165525/14.
84. Постановление АС Северо-Западного округа от 01.07.19 по делу № А56-78748/15.
85. Постановление АС Дальневосточного округа от 16.10.17 по делу № А59-934/16.
86. Постановление АС Московского округа от 20.11.17 по делу № А40-165525/14.
87. Например, поскольку информация о банкротстве размещается в открытом доступе (Постановление АС Западно-Сибирского округа от 22.08.17 по делу № А02-1375/16) или в связи с тем, что оба являлись конкурсными кредиторами должника, требования которых были включены в реестр (Постановление АС Северо-Западного округа от 01.07.19 по делу № А56-78748/15).
88. В частности, на момент подачи cedentом заявления о включении задолженности по оплате по договору цессии в реестр требований кредиторов, дело о банкротстве должника, права требования к которому было уступлено cedentом цессионарию, завершено, в связи с чем неудовлетворённые требования, в числе которых было требование цессионария, считались погашенными (пункт 9 статьи 142 Закона о банкротстве).
89. См. также Определение ВС РФ от 24.08.20 № 305-ЭС20-6599 и комментарий к судебному акту: Набережный А.Д. Верховный суд рассмотрел первое дело о субординации банка // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». 2020. № 2. С. 79—82.
90. Схожие критерии злоупотребления правом характерны для требования кредитора, приобретенного им по цессии (Определение ВС РФ от 21.04.22 № 305-ЭС21-15871 (2), от 29.03.21 № 305-ЭС16-20847(11)).
91. Постановление АС Поволжского округа от 20.03.18 по делу № А12-45751/15.
92. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 14.10.19 по делу № А19-1645/16.
93. Постановление АС Поволжского округа от 22.11.16 по делу № А55-20650/15.
94. Постановлением АС Западно-Сибирского округа от 03.10.19 по делу № А03-2172/17 дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. При новом рассмотрении Арбитражный суд Алтайского края определением от 23.11.20 признал требования кредитора подлежащим удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты. См. также: Определение ВС РФ от 24.03.22 № 308-ЭС21-21416 (2).
95. Например, услуг кредитора как управляющего или управляющей организации.
96. Постановление АС Северо-Западного округа от 19.02.20 по делу № А66-11857/17.
97. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 03.10.19 по делу № А03-2172/17.
98. Схожие критерии злоупотребления по требованию кредитора, основанного на задолженности по оплате услуг посредника (договоры поручения, агентский, комиссия). Например, когда агентский договор предусматривает осуществление платежей посредником в пользу третьих лиц от имени должника за его счет, взамен должник обязался уплатить вознаграждение посреднику (Постановление АС Московского округа от 22.09.20 по делу № А40-225223/18). Или, например, когда должник (комитент) обязался по договору отгружать продукцию потребителям, с которыми комиссионер заключил договоры поставки. Комиссионер обязался производить оплату за отгруженную продукцию после поступления денежных средств от потребителей (Постановление АС Московского округа от 26.02.18 по делу № А40-165525/14). В обоих случаях договоры были совершены между лицами, входящими в одну группу, операции кредитора и должника во исполнение обязательств посреднического договора являлись способом оптимизации внутригрупповой задолженности, при котором перераспределение активов приводило к выгоде отдельных членов группы и к убыточности деятельности должника.
99. Постановления АС Северо-Кавказского округа от 13.08.19 по делу № А25-605/18, от 09.08.19 по делу № А25-2825/17. Например, в деле № А40-36086/19 была использована следующая схема структурирования отношений: между банком и компанией «М» заключен кредитный договор. В обеспечение по нему должником предоставлена независимая гарантия и залог недвижимости. Затем банк уступает право требования по кредиту в пользу компании «К», которая переуступает права требования компании «Г» под отлагательным условием (после получения прав требований компанией «К» от банка). В последующем между компанией «К» и компанией «Г» заключается договор займа, по которому компания «Г» передает компании «К» денежные средства для оплаты договора цессии с банком. Затем между компанией «К» и компанией «Г» обязательства прекращаются зачетом встречных однородных требований. После чего компания «К» ликвидируется. Как посчитал суд, в данном случае у кредитора было две цели: вывод имущества должника и приобретение прав требования к должнику путем заключения последовательных договоров цессии для приобретения контроля на случай банкротства как основного должника, так и поручителя (Постановление АС Московского округа от 21.09.20 по делу № А40-36086/19).
100. Постановления АС Западно-Сибирского округа от 21.01.15 по делу № А46-19877/09.
101. При этом, как пояснил Верховный Суд РФ, само по себе нахождение в реестре требований кредиторов аффилированного с должником лица не влечет для независимых кредиторов негативных последствий и не является противозаконным (Определение ВС РФ от 20.08.20 № 305-ЭС20-8593).
102. Постановление АС Московского округа от 10.11.22 по делу № А40-242751/22.
103. См., в частности, Определение ВС РФ от 09.11.21 № 305-ЭС21-9462 (1,2).
104. Определение ВС РФ от 25.11.21 № 305-ЭС21-15277.
105. Постановление АС Уральского округа от 02.06.21 по делу № А07-21746/18.
106. Определение ВС РФ от 14.10.21 № 305-ЭС21-4104(3), Постановления АС Северо-Западного округа от 02.08.18 по делу № А26-85/17, от 04.03.19 по делу № А26-8956/17, от 07.06.19 по делу № А21-5146/17, от 18.12.19 по делу № А13-16755/14, Постановление АС Северо-Кавказского округа от 30.10.19 по делу № А32-4788/17.
107. Большинство судов считают, что в судебном акте достаточно ссылки на ст. 10 ГК РФ. Чаще всего такой позиции придерживается АС Западно-Сибирского округа (см. например, Постановления от 30.08.19 по делу № А46-13441/18, от 01.10.19 по делу № А46-13441/18), АС Московского округа (Постановление от 26.11.18 по делу № А40-184370/17, от 24.06.19 по делу № А40-82265/18, от 21.09.20 по делу № А40-36086/19), АС Северо-Западного округа (Постановления от 29.06.18 по делу № А56-44095/17, от 27.02.19 по делу № А56-68690/16, от 06.12.19 по делу № А05-12942/18). Другие суды — на ст. 10 и 168 ГК РФ. Чаще всего такой позиции придерживается АС Северо-Кавказского округа (см. например, Постановления от 13.08.19 по делу № А25-605/18), АС Северо-Западного округа (см. например, Постановление от 07.05.18 по делу № А56-61896/16).
108. См., в частности, Постановление АС Западно-Сибирского округа от 31.03.21 по делу № А45-31246/18.
109. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 15.08.21 по делу № А32-34481/18.
110. П. 1 ч. 1 ст. 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012; п. 39 Постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Специальное приложение к «Вестнику ВАС РФ», № 12, 2005.
111. При этом, как пояснил Верховный Суд РФ, само по себе нахождение в реестре требований кредиторов аффилированного с должником лица не влечет для независимых кредиторов негативных последствий и не является противозаконным (Определение ВС РФ от 20.08.20 № 305-ЭС20-8593).

Литература

1. Гурылева К.И. Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства) : монография. М. : Юстицинформ, 2023. 440 с.
2. Сайфуллин Р.И. Поручительство и банкротство: взаимная связь правовых институтов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 36 с.
3. Сайфуллин Р.И. Привлечение к субсидиарной ответственности за предоставление поручительства (комментарий к определению Верховного Суда по делу «СПАР Липецк» // Цивилисты о банкротстве : сборник научно-практических публикаций. М. : Ассоциация выпускников РШЧП. 2022. С. 32—33.
4. Суворов Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 4. С. 130—161.
5. Суворов Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 5. С. 53—107.
6. Суворов Е.Д. Судебное банкротное право : выпуск второй. М. : Статут, 2022. 832 с.
7. Набережный А.Д. Верховный суд рассмотрел первое дело о субординации банка // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». 2020. № 2. С. 79—82.
8. Ходаковский А.П. Правовой режим требований, не входящих в реестр требований кредиторов, в процессе несостоятельности (банкротства) // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения : монография, коллектив авторов / МГУ им. М.В. Ломоносова; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М. : Юстицинформ. 2020. С. 179—191.
9. Ходаковский А.П. Реестр требований кредиторов и его формирование в процессе несостоятельности (банкротства) : правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ходаковский А.П. М., 2021. 259 с.
10. Шефас П.А. Недобросовестность в банкротстве. Девять ключевых определений ВС РФ // Цивилисты о банкротстве : сборник научно-практических публикаций. М. : Ассоциация выпускников РШЧП. 2021. С. 490—500.

PRIVATE LAW SCIENCES (CIVIL LAW)

ABUSE OF LAW AS A GROUND FOR REFUSAL TO INCLUDE A CREDITOR'S CLAIM IN THE CLAIMS REGISTER: AN ANALYSIS OF COURT PRACTICE

Kristina Guryleva²

Keywords: *creditors' claims register, abuse of law, criteria, grounds for refusal to include claims in the register.*

Abstract

Purpose of the paper: analysing law enforcement practice and working out the criteria for abuse by creditors of their right to file claims for including them in the creditors' claims register, such that in case these criteria are found to be met the creditor's motion should be refused.

Methods of study: general scientific methods were used, including the formal legal method and the method of system analysis of the current laws and court practice.

Study findings: the author came to the conclusion that The Law on Bankruptcy contains no provisions on grounds for refusal to include creditors' claims in the claims register which considerably hampers law enforcement. For unifying the approaches of the courts, the author proposes to supplement Decree No. 29 of the 15th of December 2004 of the Plenum of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation "On Some Questions in the Practice of Applying the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" by Paragraph 14.1 in part pertaining to grounds for refusal to include creditors' claims in the claims register.

Research novelty: an original assessment was carried out of the experience of law enforcement in isolated disputes on including creditors' claims in the claims register in insolvency (bankruptcy) lawsuits in the context of forming an efficient legal mechanism for identifying abuses by creditors of their rights and encouraging them to act in good faith.

² Kristina Guryleva, Ph.D. (Law), Senior Lawyer at the RCT Law Firm, Moscow, Russian Federation. E-mail: www.guryleva.ru@mail.ru

References

1. Guryleva K.I. Zloupotreblenie pravom sub"ektami otnoshenii nesostoiatel'nosti (bankrotstva) : monografiia. M. : Iustitsinform, 2023. 440 pp.
2. Saifullin R.I. Poruchitel'stvo i bankrotstvo: vzaimnaia sviaz' pravovykh institutov : avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk. M., 2019. 36 pp.
3. Saifullin R.I. Privlechenie k subsidiarnoi otvetstvennosti za predostavlenie poruchitel'stva (kommentarii k opredeleniiu Verkhovnogo Suda po delu "SPAR Lipetsk". Tsivilisty o bankrotstve : sbornik nauchno-prakticheskikh publikatsii. M. : Assotsiatsiia vypusnikov RShChP, 2022, pp. 32–33.
4. Suvorov E.D. Trebovaniia sviazannykh s dolzhnikom lits v dele o ego bankrotstve: ot ob"ektivnogo k sub"ektivnomu vmeneniiu. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia RF, 2019, No. 4, pp. 130–161.
5. Suvorov E.D. Trebovaniia sviazannykh s dolzhnikom lits v dele o ego bankrotstve: ot ob"ektivnogo k sub"ektivnomu vmeneniiu. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia RF, 2019, No. 5, pp. 53–107.
6. Suvorov E.D. Sudebnoe bankrotnoe pravo : vypusk vtoroi. M. : Statut, 2022. 832 pp.
7. Naberezhnyi A.D. Verkhovnyi sud rassmotrel pervoe delo o subordinatsii banka. Bankovskoe obozrenie. Prilozhenie "FinLegal", 2020, No. 2, pp. 79–82.
8. Khodakovskii A.P. Pravovoi rezhim trebovanii, ne vkhodiashchikh v reestr trebovanii kreditorov, v protsesse nesostoiatel'nosti (bankrotstva). Institut nesostoiatel'nosti (bankrotstva) v pravovoi sisteme Rossii i zarubezhnykh stran: teoriia i praktika pravoprimeneniia : monografiia, kollektiv avtorov. MGU im. M.V. Lomonosova; otv. red. S.A. Karelina, I.V. Frolov. M. : Iustitsinform, 2020, pp. 179–191.
9. Khodakovskii A.P. Reestr trebovanii kreditorov i ego formirovanie v protsesse nesostoiatel'nosti (bankrotstva) : pravovye aspekty : dis. ... kand. iurid. nauk: 12.00.03. Khodakovskii A.P. M., 2021. 259 pp.
10. Shefas P.A. Nedobrosovestnost' v bankrotstve. Deviat' kliuchevykh opredelenii VS RF. Tsivilisty o bankrotstve : sbornik nauchno-prakticheskikh publikatsii. M. : Assotsiatsiia vypusnikov RShChP, 2021, pp. 490–500.

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЧАСТНОПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ

Зайцева Н.В.¹

Ключевые слова: дееспособность, воля и волеизъявление, риск, вина, принципы права, намерения, стандарты поведения.

Аннотация

Цель работы: исследование понятия субъективного фактора как неотъемлемой части частноправового отношения, влияющего на его формирование, исполнение, прекращение и действительность в целом.

Методы: в исследовании были использованы формально-логический метод для оценки правовых дефиниций и сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить аналогичные гражданско-правовые институты.

Результаты: определено понятие субъективного фактора и выявлены его ключевые составляющие, проведена оценка их влияния на возникновение и развитие частноправового отношения. В доктрине отечественного и зарубежного права вопросы существенных взаимосвязей между субъектом, его волей, намерениями, поведением и эффективностью правового регулирования до настоящего времени полноценного отражения не нашли. Одним из результатов данного исследования является определение субъективного фактора в контексте содержательной связи его структурных элементов между собой. В статье сформирован комплексный подход к субъективному фактору как собирательному родовому понятию, объединяющему различные характеристики личностного восприятия правовой действительности, оказывающего воздействие на все этапы существования частноправового отношения. Анализ участия и вовлеченности субъектов в правоотношения позволяет сделать вывод о существовании нескольких «точек отсечения», определяющих способность лица быть участником отношения: способность быть субъектом, способность «качественно или правильно» исполнять обязательство, способность отвечать за его неисполнение, при этом каждая «точка» коррелирует с определенным элементом субъективного фактора.

Научная новизна: были установлены основные элементы субъективного фактора частноправового отношения.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-88-93

Введение

Отсутствие в современной доктрине исследований субъективного фактора в частноправовых отношениях, влияния когнитивных и психоэмоциональных процессов стало причиной низкой эффективности учета таких поведенческих составляющих, как воля, намерения, вина, добросовестность, дееспособность и другие элементы. Имеющиеся в действующем законодательстве правовая неопределенность и противоречивость относительно определения элементов субъективной составляющей юридических действий субъектов частных отношений обуславливают сложности с применением и оценкой таких элементов и ставят участников гражданского оборота в зависимость от судебного усмотрения, которое не всегда отличается однозначностью и определенностью, что приводит к судебным ошибкам, нарушающим права и законные интересы физических и юридических лиц. В этой связи основной задачей настоящего исследования является определение эле-

ментов субъективного фактора, их роль в частноправовых отношениях, их взаимосвязь между собой и влияние на развитие правоотношения.

Субъективный фактор и его основные элементы

С субъективной составляющей частноправовых отношений и возможностью ее оценки тесно связана правовая эффективность, поскольку, с одной стороны, только учет действительных намерений сторон может привести к желаемому юридическому результату и тем самым обеспечить больше доверия к праву в целом, а с другой — правовые стандарты должны одинаково восприниматься и толковаться всеми, кому адресована конкретная правовая норма.

Как известно, помимо морали, право призвано в определенной степени отражать разумность,

¹ Зайцева Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: zaytsevanv@gmail.com

осмотрительность и иные эмоции физических лиц, ставших субъектами правоотношений, но их учет не должен приводить к психологизации правовых отношений. Например, гражданское процессуальное право с помощью создания специальных процедур направлено на сдерживание эмоциональной составляющей поведения участников процесса, что должно помогать в рассмотрении дела и в подготовке судебного решения.

Представляется бесспорным, что учет всех психологических особенностей индивидов в рамках правового регулирования и судебной практики объективно невозможен. Задача права заключается в поиске общих моментов в правовых и социальных связях, которые призваны регулировать частные правоотношения с помощью обобщенных категорий, понятий и критериев [1, с. 185]. Там, где учет персональных особенностей критичен, законодатель наделяет государственные службы максимальными ресурсами, позволяющими в необходимых случаях формировать индивидуальные характеристики, однако в подавляющем большинстве частных отношений законодатель, напротив, пытается избежать излишней персонализации процесса и идет по пути его унификации и упрощения.

Категории право- и дееспособности как элементы субъективного фактора

В цивилистической доктрине в качестве таких главных обобщающих характеристик, призванных унифицировать юридические требования к субъектам правоотношений, с древних времен используются категории право- и дееспособности, которые общепризнанно считаются обязательными элементами гражданской правосубъектности физических лиц. Помимо названных элементов, как убедительно доказывали еще дореволюционные ученые, на их гражданско-правовое положение оказывают свое влияние и другие факторы и обстоятельности [2, с. 40].

Правосубъектность как общеправовая категория носит статичный характер, и ее наполнение определяется правом и дееспособностью; в то же время применение данной категории к определенному субъекту может быть модифицировано с учетом индивидуальных особенностей конкретного лица. К таким «своеобразным проявлениям» человеческой личности относятся когнитивные и психоэмоциональные процессы в сознании конкретного индивида, совокупность и взаимообусловленность которых и образует субъективный фактор в частноправовых отношениях.

Понятие и значение субъективного фактора в гражданско-правовом регулировании активно изучались советскими учеными применительно к соотношению объективного и субъективного в советском праве. В первую очередь исследования на-

правлены на правовое регулирование субъективного фактора, поскольку нормы, регулирующие соответствующую сферу, не переносятся механически в конкретное правоотношение: между ними также имеется опосредующее звено — сознание и воля конкретного лица, направленные на достижение желаемого им юридического результата путем создания соответствующего правоотношения.

Первым и основным проявлением юридического обобщения на нормативном уровне являются понятия право- и дееспособности. В Гражданском кодексе (ГК) РФ правовая идентификация правоспособности представлена как «способность иметь права и нести обязанности» (ст. 17), а дееспособности — как «способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их» (ст. 1). Различия, имеющиеся в приведенных дефинициях, на первый взгляд, весьма незначительны [3, с. 107], но следует отметить, что применительно к правоспособности законодатель практически отказывается от учета субъективной составляющей, поскольку правоспособность как категория предполагает пассивность субъекта в его способности иметь права.

Смещение акцента с пассивного состояния на активные действия, как это предусмотрено в определении дееспособности, ставит вопрос об оценке присущих субъекту психологических характеристик, относительно которой доктрина не пришла к единому выводу, поэтому вопрос о том, какой фактор имеет наиболее важное значение при оценке поведения субъекта (волевой фактор [4, с. 29], возможность осознать последствия своих действий, способность осуществлять выбор между разными вариантами поведения, наличие желания достичь определенного результата, цель и мотив таких действий и др.), по-прежнему носит дискуссионный характер.

Попытка квалификации всех субъективных элементов конкретного правоотношения или хотя бы наиболее важных из них приведет к правовому коллапсу, поскольку вместо установления содержания правоотношения суды будут определять наличие у сторон способности действовать в целях возникновения соответствующих юридических прав и обязанностей. Для исключения такого развития событий законодатель идет по пути юридической фикции и презюмирует, что все физические лица становятся дееспособными при достижении определенного возраста, хотя очевидно, что к указанному законодателем 18-летнему рубежу граждане подходят с разным уровнем развития, осознанности и правосознания. Однако понимание объективной невозможности принять во внимание все индивидуальные особенности физических лиц привело, во-первых, к правовому обобщению и, во-вторых, к применению метода исключения, когда доказыванию подлежит не соответствие общепринятым представлениям, а отклонение от общей нормы.

Таким образом, в отношении субъективно-го элемента участников частных правоотношений гражданское законодательство РФ использует:

- › категорию правоспособности, основанную на признании пассивного обладания правами, относительно которого учет субъективного элемента не важен: пассивность не предполагает волевых действий, следовательно, она не требует оценки индивидуальных особенностей лица;
- › категорию дееспособности, которая предполагает, что лицо способно активно действовать и вступать в правоотношения, понимая сущность правоотношения и его правовые последствия, поэтому при ее применении ключевое значение имеет именно субъективный фактор, определяющий способность лица к самостоятельным действиям. Однако поскольку индивидуальный подход ко всем субъектам правоотношений объективно невозможен, правовое регулирование осуществляется по модели упрощенного допущения, в соответствии с которым все лица, достигшие 18 лет, признаются способными своими действиями создавать для себя права и нести обязанности [5, с. 12].

Исключения из рассмотренных правил допускаются либо в случае упрощенного характера правоотношения, смысл и последствия которого понятны и лицам, не достигшим совершеннолетия, либо в случае индивидуальных особенностей лица, настолько вовлеченного в гражданско-правовые или семейно-правовые отношения, что в рамках правового регулирования легче признать его дееспособным, чем разделять ответственность за его действия между субъектом и его законными представителями. При этом установленная законом процедура эмансипации имеет довольно сложный правовой механизм, что исключает возможность ее массового применения.

Воля и волеизъявление как основные характеристики субъекта

В современной доктрине представлены различные интерпретации корреляции воли и правоотношения, их взаимной обусловленности и влияния. Тема воли субъекта как основы правоотношения исследовалась многими авторами как в рамках общей теории права, так и в различных цивилистических аспектах (например, при решении вопроса о признании сделки недействительной по причине порока или дефекта воли) [6, с. 52].

Обозначенная проблематика неоднократно рассматривалась советскими учеными, которые в своих исследованиях испытывали идеологическое воздействие. Отсутствие частной собственности оставляло за рамками анализа многие проблемы вещного права и выводило на первый план так называемую «коллективную волю», направленную на реализацию государственной политики.

Следует отметить существенные различия между волей, выражающейся в совершении действий относительно имущества, и волей, направленной на создание обязательства, обусловленные тем, что при возникновении обязательства учету подлежит воля не одного, а минимум двух субъектов, то есть их согласованная воля. Обязательственные правоотношения предполагают не только наличие воли их субъектов, но и совпадение воли и волеизъявления одного участника с другим, именно поэтому воля часто идентифицируется как желание или намерение вступить в обязательственные правоотношения.

Необходимость согласования воли участников существенно усложняет обязательства, поскольку в них необходимы соответствие воли участника его волеизъявлению, понимание другим участником этой воли и соответствие его собственного намерения желаниям и целям контрагента. Дефект любого из указанных звеньев может привести к неустойчивой правовой связи либо даже к недействительности обязательства².

Риск как элемент воли в гражданских правоотношениях

Важной категорией, имеющей принципиальное значение для возникновения правоотношения, является риск, который лежит в плоскости принятия волевого решения. Риск в праве в большинстве случаев означает возможность субъекта принимать решения и делать выбор между имеющимися вариантами с неоднозначными результатами. При этом риск как системообразующий фактор встречается далеко не во всех отношениях. Так, в рамках мелких бытовых сделок изначально отсутствует принципиальная сложность в принятии связанных с ними решений. Конечно, всегда есть риск выбора некачественного товара, но такие вопросы решаются в праве с помощью создания особого режима защиты прав и интересов слабой стороны. В отличие от этого, в сложных правовых ситуациях действует система способов преодоления асимметрии информации и внешней противоречивости правовых связей, и на выбор модели поведения влияют такие категории, как правовая неопределенность, вариативная конфликтность и собственно риск. Степень предвидимости результата, очевидно, влияет на характер риска и перспективы его принятия, поэтому рассматриваемое правовое понятие распадается на две составляющие: субъективную — готовность адекватно оценить имеющийся риск и принять соответствующее решение, и объективную — когда речь идет уже о действии, свидетельствующем о сделанном выборе.

² Вопросы установления дееспособности, в том числе нотариусом, рассматривались в рамках дела: А40-304649/2018, Ф05-24344/2019, 09АП-29874/2019.

Воля и риск, точнее, возможность его принятия, влияют не только на обязательственные отношения. В широком смысле они являются основой большинства юридических фактов, находящихся в зоне контроля субъекта, даже действий, совершаемых при форс-мажоре, которые также имеют волевой характер. При этом понятие риска в гражданском праве и в уголовном праве существенно отличается [7, с. 170], что обусловлено в первую очередь разницей в оценке субъективной составляющей как на этапе волеизъявления, так и на этапе определения вины.

Особого внимания заслуживает понятие предпринимательского риска. Однозначная правовая дефиниция такого риска в современной доктрине не сформирована, поскольку при ее обсуждении акцент ставится, в зависимости от изучающей риск отрасли, на правовое явление. Все сферы общественной деятельности сопряжены с определенным риском в силу существования высокой вероятности появления негативных последствий тех или иных неблагоприятных событий, как выходящих за пределы человеческого контроля, так и зависящих от действий субъекта [8, с. 77—78].

Гражданское законодательство регулирует, в числе прочих, отношения между субъектами предпринимательской деятельности, осуществляемой на свой риск и направленной на систематическое извлечение прибыли. Таким образом, законодатель использует понятие риска как категорию, лежащую в основе коммерческого оборота, что влечет необходимость оценки субъективного элемента в свете волевой составляющей соответствующих правоотношений [9, с. 211]. Превалирующая роль юридических лиц в предпринимательской деятельности создала предпосылки для упрощения категории риска в гражданском праве³. Большинство авторов приходят к заключению о том, что предпринимательский риск — это явление, которое может привести к материальным потерям [10, с. 56]. Такой подход в целом укладывается в общеправовую концепцию, в соответствии с которой юридическое лицо создается с определенными целями, в рамках которых оно проявляет свою «коллективную волю» и оценивает имеющиеся риски⁴.

Юридический факт переводит поведение субъекта в правовую плоскость, и с этого момента волеизъявлению субъекта дается оценка с точки зрения правомерности. Поведение, ставшее причиной юридического факта, распадается на несколько составляющих, каждой из которых должна быть дана

оценка. К ним относятся: соответствие внутреннего и внешнего действия, правомерность причины, послужившей стимулом для волевого действия, и связь данного действия с ожидаемыми событиями.

Учет вины при квалификации поведения участников гражданских отношений

Оценка осознанности совершённого действия и соответствия воли волеизъявлению частично осуществляется в контексте дееспособности, а оценка «желания» субъекта наступления определенных юридических последствий происходит в контексте другой правовой межотраслевой категории — вины, учет которой требуется при оценке большинства юридических действий, однако ее влияние на правоотношение и на возникновение ответственности за его нарушение существенным образом отличается.

В составе преступления и правонарушения вина является обязательным элементом, что связано с особенностью объекта защиты. В гражданском законодательстве определение вины отсутствует. Рассматриваемая категория формируется в рамках ст. 372 ГК РФ, позволяющей методом от обратного выявить ее содержание: отсутствие у нарушителя должной осмотрительности и заботливости, которая требуется в условиях гражданского оборота или обусловлена конкретным обязательством, а также непринятие мер, направленных на надлежащее исполнение.

Такой подход существенно отличается от традиционного определения вины в уголовном праве как психического отношения субъекта к совершаемому действию или бездействию, которое носит общественно опасный характер, выражающееся в форме умысла или неосторожности. В уголовном праве вина выполняет несколько функций: во-первых, является необходимым условием привлечения к уголовной ответственности, во-вторых, от формы вины зависит квалификация преступного действия. Учитывая значение вины в уголовном и административном праве, доктрина выработала разнообразные подходы к этой категории, наиболее значимыми из которых являются психологическая и объективистская теории вины. Различие названных теорий обусловлено необходимостью учета отношения лица к содеянному в контексте его личностного или психологического восприятия.

Указанные подходы неприменимы в гражданском праве: во-первых, в нем учитываются совсем иные критерии вины (заботливость и осмотрительность или их отсутствие), и, во-вторых, частноправовое регулирование в принципе не нацелено на учет индивидуальных особенностей, т. к. частноправовые отношения изначально возникают в связи с обоюдным волевым действием его участников. Последствия нарушения гражданского обязательства крайне редко приводят к квалификации его субъ-

³ Решение по делу 2а-301/2016 ~ М-260/2016 (09.06.2016, Зональный районный суд), в котором рассматривался вопрос о нарушении должностных обязанностей вследствие обоснованного риска. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Q9V6pLntTUrC>

⁴ Отдельного внимания заслуживает решение арбитражных судов по делу А40-185615/2016 (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.11.2016), в котором дается понятие риска в контексте валютных рисков. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/IIjoBPPDK45Q>

ектов с позиции «преступник — жертва», поскольку возникновение отношения относилось к зоне персонального риска его субъектов, в связи с чем возникает эффект «распыления» ответственности. Предмет, которому может быть причинен вред, безусловно, имеет определенную ценность, однако это абстрактная ценность, персонализация которой происходит в обязательственных отношениях, и особую значимость данный предмет имеет для сторон, а не для всего общества. Именно поэтому благо, на защиту которого направлено гражданское право, несопоставимо с благом, которое относится к сфере правового регулирования уголовным правом.

Еще один немаловажный аспект цивилистической трактовки вины, существенной отличающийся от ее определения в уголовном праве, связан с составом участников гражданских правоотношений, в которых на первый план выходят юридические лица, установление «персональной» вины которых имеет весьма сложный характер. Вина в любой конфигурации представляет собой набор субъективных характеристик, присущих физическим лицам, поэтому в случае нарушения обязательства той или иной организацией (компанией) возникает ряд сложных вопросов: каким образом и через какое лицо должны транслироваться воля, принятие риска, психологическое отношение к действию и его последствиям, и, наконец, с какой степенью осмотрительности и заботливости действовало юридическое лицо.

Выводы

Подводя итог, можно отметить следующее. Гражданские правоотношения независимо от их вида создаются и реализуются субъектом (юридическим или физическим лицом), действующим в рамках основополагающего принципа автономии и свободы воли. Это предопределяет, что действия субъекта основаны на свободе выбора, сделанного в условиях ограничений, создаваемых государственными регуляторами. Базовый подход к субъективному критерию связан с наличием у субъекта не-

обходимого признака — собственной воли. Волевой фактор — основа оценки любого поведения субъекта в плоскости как частного, так и публичного права.

Анализируя участие и вовлеченность субъекта в правоотношения, можно выделить несколько «точек отсечения», определяющих способность лица быть участником отношения: способность быть субъектом, способность «качественно или правильно» исполнять обязательство, способность отвечать за его неисполнение.

Каждой способности соответствует набор субъективных факторов, позволяющих осуществить первичное «исключение» субъекта с тем или иным пороком. Первая градация субъектов осуществляется в рамках дееспособности. Порочность волевого элемента определяется технически, с помощью возрастного ценза, когда наличие определенных знаний у физического лица презюмируется. Вторая и третья способность определяется через вину и стандарты поведения, основанные на различном сочетании правовых принципов.

Анализ таких субъективных составляющих и их влияние на правоотношение позволяют определить дефиницию субъективного фактора, который представляет неразрывную и взаимозависимую систему когнитивных и психоэмоциональных процессов, происходящих в сознании физического лица и отражающихся в динамически изменчивом, юридически значимом поведении субъекта частноправового отношения. Субъективный фактор вызывает правовой интерес в контексте индивидуальных психических свойств человека, определяющих основные каналы его коммуникаций с внешним миром и средства его влияния на других участников гражданского оборота. Психоэмоциональные процессы, воздействующие на юридическую связь на разных этапах ее существования, обусловлены интенсивностью и направленностью психических регуляторов на организацию поведения физического лица, в основе которых лежат процессы целеполагания, мотивации, принятия решения, иные эмоциональные процессы, формирующие чувства долга, заботы и ответственности.

Литература

1. Величинская Ю.Н. Принципы права: проблемы применения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 180—207.
2. Матанцев Д.А. Деликтоспособность как элемент гражданской правосубъектности физических лиц // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 39—43.
3. Серьезнова О.А., Асташова Т.С. Отдельные вопросы, возникающие при реализации несовершеннолетними права на осуществление предпринимательской деятельности // Вестник науки. Выпуск 1. 2022. № 7 (52). С. 105—110.
4. Лазутин А.А. Воля и волеизъявление законодателя в процессе толкования норм права // Право и современные государства. 2018. № 6. С. 28—34.
5. Голубничий В.С. Феномен отделения гражданской процессуальной дееспособности от гражданской материальной дееспособности // В сборнике: Vox Juris. Глас права. Межрегиональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов» по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. СПб., 2019. С. 11—17.
6. Габов А.В. Притворные сделки в отечественном праве: история и современность // Государство и право. 2021. № 2. С. 49—64.
7. Бабаев М.М. Риск-ориентированное правосудие // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 2. Т. 15. С. 167—180.
8. Гринева А.В. Правовые риски и их минимизация: вопросы теории // Вестник Арбитражного суда Московской области. № 1. 2019. С. 77—87.

9. Шабуров А.С. Правовой риск в системе бизнес-отношений // Право и личность: история, теория, практика : сборник научно-методических работ кафедры права, экономики и методики их преподавания Института общественных наук УрГПУ. Выпуск 11. 2019. С. 209—215. EDN: OQONDL.
10. Архипов Д.А. Распределение договорных рисков в гражданском праве // Экономико-правовое исследование. М. : Статут, 2012. С. 213.

PRIVATE LAW SCIENCES (CIVIL LAW)

THE CONCEPT OF SUBJECTIVE FACTOR AND ITS USE IN FORMING PRIVATE LAW RELATIONSHIPS

Natal'ia Zaitseva⁵

Keywords: *legal capacity, will and declaration of will, risk, guilt, principles of law, intentions, standards of conduct.*

Abstract

Purpose of the paper: studying the concept of subjective factor as an integral part of the private law relationship which impacts its forming, execution, termination and its validity at large.

Methods used: the formal logical method, for assessing legal definitions, and the comparative legal method, making it possible to compare similar private law institutions.

Study findings: the concept of subjective factor is defined, its key components are identified, and an assessment of their impact on the emergence and development of the private law relationship. In the domestic and foreign law doctrine, the questions of essential relations between the subject, his/her will, intentions, conduct, and efficiency of legal regulation are so far not adequately reflected. One of the results of this study is defining the subjective factor in the context of substantial relations of its structural elements. The paper presents a multi-faceted approach to the subjective factor as a collective generic notion combining different features of personal perception of legal reality which impacts all stages of existence of the private law relationship. An analysis of participation and involvement of subjects in a relationship allows to come to the conclusion that there exist several 'cut-off points' crucial for a person's capacity to participate in the relationship: capacity to be its subject, capacity to fulfill an obligation correctly and with high quality, and capacity to bear responsibility for failure to fulfill it, where each 'point' corresponds to a certain element of the subjective factor.

Research novelty: the main elements of the subjective factor of the private law relationship were identified.

References

1. Velichinskaia Iu.N. Printsipy prava: problemy primeneniia. Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, 2022, No. 1, pp. 180—207.
2. Matantsev D.A. Deliktosposobnost' kak element grazhdanskoi pravosub'ektnosti fizicheskikh lits. Iuridicheskai nauka, 2021, No. 12, pp. 39—43.
3. Ser'eznova O.A., Astashova T.S. Otdel'nye voprosy, vznikaiushchie pri realizatsii nesovershennoletnimi prava na osushchestvlenie predprinimatel'skoi deiatel'nosti. Vestnik nauki, vypusk 1, 2022, No. 7 (52), pp. 105—110.
4. Lazutin A.A. Volia i voleiz"iavlenie zakonodatelia v protsesse tolkovaniia norm prava. Pravo i sovremennye gosudarstva, 2018, No. 6, pp. 28—34.
5. Golubnichii V.S. Fenomen otdeleniia grazhdanskoi protsessual'noi deesposobnosti ot grazhdanskoi material'noi deesposobnosti. V sbornike: Vox Juris. Glas prava. Mezhhregional'noe otdelenie Obshcherossiiskoi obshchestvennoi organizatsii "Assotsiatsiia iuristov" po Sankt-Peterburgu i Leningradskoi oblasti. SPb., 2019, pp. 11—17.
6. Gabov A.V. Pritvornnye sdelki v otechestvennom prave: istoriia i sovremennost'. Gosudarstvo i pravo, 2021, No. 2, pp. 49—64.
7. Babaev M.M. Risk-orientirovannoe pravosudie. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal, 2021, No. 2, t. 15, pp. 167—180.
8. Grineva A.V. Pravovye riski i ikh minimizatsiia: voprosy teorii. Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskoi oblasti, No. 1, 2019, pp. 77—87.
9. Shaburov A.S. Pravovoi risk v sisteme biznes-otnoshenii. Pravo i lichnost': istoriia, teoriia, praktika : sbornik nauchno-metodicheskikh rabot kafedry prava, ekonomiki i metodiki ikh prepodavaniia Instituta obshchestvennykh nauk UrGPU, vypusk 11, 2019, pp. 209—215. EDN: OQONDL.
10. Arkhipov D.A. Raspredelenie dogovornykh riskov v grazhdanskom prave. Ekonomiko-pravovoe issledovanie. M. : Statut, 2012, p. 213.

⁵ Natal'ia Zaitseva, Ph.D. (Law), Associate Professor at the Department of Legal Support of Market Economy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: zaitsevanv@gmail.com

ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ДОГОВОРОВ ПО ОКАЗАНИЮ УСЛУГ: «С КОНКРЕТИЗАЦИЕЙ ИСПОЛНИТЕЛЯ»

Вольвач Я.В.¹

Ключевые слова: непоименованная сделка, общие начала и смысл гражданского законодательства, личный характер обязательства, личные обязательства, оказание услуг, личное исполнение обязательства, конкретизированный исполнитель, конкретизант, правосубъектность юридического лица, третье лицо, не приобретающее права стороны по договору, регрессное обязательство.

Аннотация

Цель работы: исследование вопросов, касающихся признаков, определяющих правовую природу конкретизированного исполнения и статус исполнителя, если речь идет о договоре возмездного оказания услуг, в котором непосредственный исполнитель назван, то есть конкретизирован.

Метод исследования: в основе исследования — как общенаучные, так и частнонаучные методы исследования — сравнительно-правовой, системно-правовой, логический, метод анализа и толкования правовых актов.

Результаты исследования: сформулирован вывод о целесообразности введении в научный оборот термина, обозначающего субъекта, взявшего на себя обязанности по непосредственному осуществлению действий, направленных на исполнение договора; оптимальным с позиций компактности и смысловой обозначенности представляется термин «конкретизант». Кроме того, предложена альтернативная теоретическая модель отношений с участием конкретизанта, актуальная в ситуациях, когда личность данного субъекта имеет основополагающее значение в конкретных гражданских правоотношениях.

Научная новизна: введение в научный оборот термина «конкретизант» и предложение альтернативной теоретической модели отношений с участием конкретизанта, который, дав свое согласие на указание его в договоре в качестве исполнителя, не становясь стороной договора, совершает одностороннюю гражданско-правовую сделку (в том числе являясь при этом субъектом трудовых отношений), содержание которой — те действия, которые он обязуется совершить. Взаимосвязь этих действий с действиями исполнителя определяет статус указанных субъектов как участников многостороннего гражданского правоотношения, возникшего на основании юридического состава (договор оказания услуг и односторонняя сделка конкретизанта).

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-94-101

Введение и постановка задачи

Выявление оснований обособления и квалификации в качестве непоименованной сделки особой разновидности личного договора — «с конкретизацией исполнителя» — обуславливает необходимость установления сути данного явления, статуса непосредственного исполнителя в обязательстве, наличия/отсутствия оснований возникновения прав, обязанностей и ответственности непосредственного исполнителя в обязательстве.

Обозначим терминологическую проблему: допуская указание в договоре субъекта, который будет непосредственно осуществлять действия, составляющие предмет обязательства, законодатель не вводит компактное понятие для обозначения данного

субъекта, что вынуждает оперировать терминами «непосредственный исполнитель», «конкретизированный исполнитель», «конкретный исполнитель» — в доктрине единый термин не сложился [1, с. 25—26].

Решение данной проблемы видится во введении в научный оборот термина, обозначающего субъекта, взявшего на себя обязанности по непосредственному осуществлению действий, направленных на исполнение договора; наиболее оптимальным с позиций компактности и смысловой обозначенности представляется термин «конкретизант». Важно отметить, что этот термин позволяет избежать упоминания об «исполнителе», неизбеж-

¹ Вольвач Януара Валентиновна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет», г. Москва, Российская Федерация. E-mail: adv_71@mail.ru

ном при обозначении «конкретизированного исполнителя», что позволит избежать неверного понимания и терминологических дискурсов.

Далее в настоящей статье мы будем использовать данный термин; договор с непосредственным/конкретизированным исполнителем будем именовать «договором с конкретизантом».

К числу конкретизантов могут относиться две категории субъектов:

1) наемный работник исполнителя (субъект трудовых отношений с субъектом-исполнителем договора об оказании услуг);

2) лицо, привлеченное исполнителем по гражданско-правовому договору, не связанному с трудовой деятельностью.

Обращает на себя внимание многоаспектность исследуемых отношений, в связи с чем представляется необходимым рассмотреть наличие или отсутствие, а также характер взаимосвязи конкретизанта с исполнителем и заказчиком как субъектами отношений.

С этой целью проанализируем конструкции, на основании которых правоприменитель приходит к тому, что действия определенных субъектов порождают права и обязанности у юридического лица. К таковым относятся:

а) деятельность некоторых органов юридического лица отождествляется с деятельностью юридического лица²;

б) действия работников юридического лица, осуществляемые в рамках реализации трудовой функции или возложенных на них полномочий по исполнению его обязательства (без привлечения других физических или юридических лиц), считаются действиями самого юридического лица³.

Решение поставленной задачи

С учетом сказанного выше вполне обоснованным представляется вывод о том, что действия, деятельность юридического лица в рамках реализации его правосубъектности — суть действия его работников и/или иных уполномоченных на определенные действия лиц. В доктрине подобные выводы обосновываются⁴ [2, с. 67—69].

Правосубъектность юридического лица — понятие широкое, емкое и многоплановое. Прежде всего, конечно, правосубъектность — конструкция

частноправовая⁵ [3, с. 115; 4, с. 6—10]. Но она применима и юридически значима не только в гражданском праве, но и в иных отраслях, в частности, в трудовом праве⁶ [5, с. 8; 6, с. 202; 7, с. 20].

Вместе с тем именно в праве гражданском названная категория содержит интересующий нас аспект, а именно — действия работников должника по исполнению его обязательства считаются действиями должника (п. 1 ст. 402 Гражданского кодекса (ГК) РФ).

Но если действия юридического лица суть действия работника, связанного с работодателем трудовым договором и исполняющего трудовую функцию (в данном исследовании автор не касается вопроса оценки расширительного толкования в контексте соотношения/тождества/корреляции между действиями работников по исполнению обязательства и действиями юридического лица, и между действиями работников и действиями юридического лица), то возникает вопрос о сохранении либо не сохранении этой конструкции в условиях возникновения регулируемого гражданским правом основания возникновения у работника — физического лица прав и обязанностей в гражданско-правовом договоре исполнителя с заказчиком, которые потенциально, согласно ст. 8 ГК РФ, могут создавать гражданские права и обязанности даже в случаях, прямо не предусмотренных законом.

Однако здесь следует учитывать следующее.

Положения ст. 8 ГК РФ позволяют квалифицировать в качестве действий, могущих порождать гражданские права и обязанности, любые действия граждан и юридических лиц, которые в силу общих начал и смысла гражданского законодательства направлены на возникновение обязательственных взаимосвязей.

Между тем принятие такой позиции влечет вывод о том, что квалифицирующим признаком обладает не собственно действие, а гражданско-правовое последствие, которое это действие порождает или способно породить.

При этом логично предположить, что лицо, совершающее это действие, не действует хаотично, а имеет “causa” — цель достижения определенного гражданско-правового результата; в противном смысле эти действия юридически незначимы. Наличие гражданско-правовых последствий определяет, по общему правилу, характер, содержание, направленность действия, его соответствие общим началам и смыслу гражданского законодательства.

² Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда (ААС) от 10.12.2012 № 08АП-9377/12. URL: <https://clck.ru/av8xQ> (дата обращения: 11.11.2022).

³ Постановление Восемнадцатого ААС от 26.08.2008 № 18АП-4513/2008. URL: <https://clck.ru/av8oD> (дата обращения: 11.11.2022); Постановление Пятнадцатого ААС от 19.03.2021 № 15АП-1156/12. URL: <https://clck.ru/av94j> (дата обращения: 11.11.2022).

⁴ Артеменков В.К. Орган юридического лица как правовое средство // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 84—93; Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве: понятие, виды, государственные юридические лица. М., 1947. 364 С.

⁵ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М.: Юридическая литература, 1974. 340 с.; Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 3. М., 1912. С. 577.

⁶ Межотраслевая координация правового регулирования труда в корпоративных организациях: монография / Под редакцией Н.Л. Лютова. М.: Буки Веди, 2016. 194 с.; Харитонов М.М. Множественность лиц на стороне работодателя: дис. ... канд. юрид. наук / М.М. Харитонов. СПб., 2010. 160 с.

В этой связи представляется важным вопрос: могут ли действия, не регулируемые гражданским правом, повлечь именно гражданско-правовые последствия? Актуальность данного вопроса прямо связана с теми примерами из правоприменительной практики, которые приведены выше.

Так, общим выводом из упомянутых судебных актов является то, что действиями работника юридического лица в рамках возложенных на него трудовых обязанностей создаются права и обязанности юридического лица перед третьими лицами.

Возвращаясь к п. 1 ст. 8 ГК РФ с целью выявления буквального смысла слов и выражений, применяемых законодателем к непоименованным законом действиям, порождающим гражданско-правовые последствия, констатируем, что такие должны соответствовать общим началам и смыслу гражданского законодательства.

Научные исследования демонстрируют достаточно единообразную позицию, толкуя общие начала и смысл как основные принципы гражданского законодательства⁷ [8, с. 57; 9, с. 3—4; 10, с. 74—75; 11, с. 10; 12, с. 15].

Положение п. 2 ст. 6 ГК РФ оперирует категорией «общие начала и смысл гражданского законодательства»; общие начала применимы в порядке аналогии права. И если в первом случае эта категория представляется понятием оценочным и неопределенным, мыслимым достаточно широко, то в контексте ст. 6 ГК РФ — более определенным и менее субъективным.

Под аналогией права понимается применение в случае пробела в регламентации общих начал и принципов соответствующей отрасли права⁸; доктрина отмечает значимость и актуальность применения аналогии права⁹ [13, с. 65]. Совокупность изложенных в приведенном определении признаков позволяет сделать вывод, в соответствии с которыми любые действия, не урегулированные нормами гражданского права, могут породить гражданско-правовые последствия, если эти действия не проти-

воречат общим началам и смыслу гражданского законодательства.

Важно, чтобы такие действия были основаны на признании равенства участников регулируемых отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечении восстановления нарушенных прав и их судебной защиты, приобретении и осуществлении гражданских прав своей волей и в своем интересе, свободе установления прав и обязанностей по основаниям, не противоречащим закону, добросовестности действий, свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств на всей территории РФ, установлении ограничения гражданских прав федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 1 ГК РФ), на дозволительной направленности гражданско-правового регулирования¹⁰.

Таким образом, представляется, исходя из ранее поставленного вопроса, что иные действия граждан и юридических лиц, хотя и не предусмотрены законом и иными правовыми актами, охватывают абсолютно любые действия, формально не противоречащие основным началам и принципам гражданского законодательства.

Но возникает вопрос: а если эти действия уже урегулированы нормами иной самостоятельной отрасли права, в частности, трудового права?

Одни и те же действия могут являться основаниями возникновения, изменения прав и обязанностей как в трудовых отношениях, так и в гражданско-правовых, однако это не может привести к выводу о совпадении предметов регулирования двух самостоятельных отраслей права.

Вместе с тем объективно невозможным в силу природы трудовых отношений и трудового договора является совпадение в одном лице работника и работодателя, даже если единственный участник является его директором, поскольку работодателем выступает не единственный участник, а юридическое лицо — хозяйственное общество [14, с. 44].

Кроме того, действия, совершаемые работником в рамках трудового договора, не удовлетворяют основным началам и принципам гражданского законодательства¹¹.

⁷ Рыженков А.А. Дифференцирование применения принципов гражданского права в судебной практике // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 210—216; Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 200 с.; Дроздова Е.Г. Основные принципы гражданского права. URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/ponyatie_grazhdanskogo_prava/chto_takoe_grazhdanskoe_pravo (дата обращения: 11.11.2022); Ткаченко А.А. Понятие и система принципов гражданского права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-sistema-printsipov-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 11.11.2022).

⁸ Большой юридический словарь. М. : Инфра-М. А.Я. Сухарев, В.Е. Курутских, А.Я. Сухарева. 2003. 1235 с.

⁹ Балашов А.Н., Мишутина Э.И. Вопросы применения аналогии закона и аналогии права в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2009. № 10. С. 59—62; Шиндяпина Е.Д., Бошно С.В. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юрист. 2006. № 7. С. 6—9; Фомина Л.А. Аналогия закона и аналогия права в системе способов преодоления пробелов гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с. Шиндяпина Е.Д. Аналогия права в правоприменении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

¹⁰ Дроздова Е.Г. Основные принципы гражданского права. URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/ponyatie_grazhdanskogo_prava/chto_takoe_grazhdanskoe_pravo (дата обращения: 11.11.2022).

¹¹ Трудовое право России (учебник, 4-е изд., испр. и доп.) (коллектив авторов; под ред. д. ю. н., проф. А.М. Куренного). М. : Проспект, 2021 г. 672 с. (Автор гл. 7 — Куренной А.М.).

Любое правоотношение — это связь между его субъектами¹² [15, с. 167]. В этой ситуации внутренняя связь между субъектом-работником и организацией-работодателем объяснима, но эта связь не является гражданско-правовой.

В этой связи представляется весьма показательным дуализм правоприменительной практики по данному вопросу.

Так, при применении одного из двух подходов, для возложения представительских функций поверенного — юридического лица на своего работника совершение передоверия не требуется¹³.

При этом данный подход обоснован тем, что передача полномочий от юридического лица — поверенного к его работнику не происходит, поскольку действия работника-поверенного по исполнению обязательства считаются действиями самого поверенного (ст. 402 ГК РФ).

Согласно следующему подходу, возложение функций представителя — юридического лица на своего работника может производиться только путем совершения передоверия¹⁴.

При этом представляется, что применение ст. 402 ГК РФ вне учета ее места в структуре гражданско-правовых норм в системе гражданского права, и, главное, — вне системно-логического толкования, позволяющего лишь в некоторых случаях расширительное толкование¹⁵, представляется по меньшей мере необоснованным.

Кроме того, рассмотрение действий работника юридического лица как действий, которые хотя и не предусмотрены законом или иными правовыми актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности, представляется, по общему правилу, недопустимым, поскольку таковые регулируются трудовым правом и основаны на трудовом договоре, что предопределяет невозможность применения к ним общих начал и смысла гражданского законодательства. Далее следует обратить внимание

и на принципиальную разницу предметов трудового и гражданско-правового договора в части соответственно отсутствия, отсутствия и наличия направленности, цели на достижение гражданско-правового результата. В этой части мнения ученых достаточно единообразны¹⁶ [16].

Незыблемым представляется тезис, в рамках которого гражданско-правовые последствия могут возникать исключительно из гражданско-правового основания.

Вместе с тем важным является вопрос: может ли процесс труда в виде выполнения работником трудовой функции в соответствии с трудовым договором повлечь возникновение гражданско-правовых отношений?

Анализ положений ст. 262, 402, 1068, 1295, гл. 59 ГК РФ приводит к выводу о том, что гражданско-правовые последствия могут возникнуть лишь в случаях, предусмотренных законом, то есть, в частности, в ситуациях, когда закон, регламентирующий одни отношения, содержит прямую отсылку к применению закона, регламентирующего иные отношения.

Конкретизант в личном обязательстве возмездного оказания услуг имеет не внешний, а внутренний статус, сущностное отличие которого состоит в том, что на него соглашением сторон договора возлагается должностное (правовая квалификация которого как права или обязанности вызывает некоторые затруднения) непосредственного исполнения обязанностей стороны-услугодателя, вытекающих из данного договора. Конкретизант, не являясь субъектом обязательства, осуществляет фактические действия, составляющие предмет обязательства, будучи при этом работником услугодателя либо контрагентом по отдельному договору.

Сказанное позволяет утверждать, что и заключение соответствующего договора, и изъявление конкретизантом воли исполнить определенные действия, и фактическое исполнение этих действий — все это не влечет возникновения у конкретизанта прав и обязанностей стороны договора. Вместе с тем совокупность этих признаков характеризуют конкретизанта в качестве субъекта исполнения.

Следовательно, есть правовая возможность построения целостной конструкции и возможность квалификации конкретизированного исполнителя на основе сравнения с иными субъектами исполнения [17, с. 254—255].

Так, рассматриваемые вопросы могут быть исследованы путем применения аналогии конструкции третьего лица, не приобретающего прав сто-

¹² Буянов Ю.Г. Гражданское правоотношение: его содержание и правовая природа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-pravoотноshenie-ego-soderzhanie-i-pravovaya-priroda> (дата обращения: 11.11.2022); Вавилин Е.В. Гражданское правоотношение в механизме реализации субъективного права и исполнения субъективной обязанности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-pravoотноshenie-v-mehanizme-realizatsii-subektivnogo-prava-i-ispolneniya-subektivnoy-obyazannosti> (дата обращения: 11.11.2022).

¹³ Постановление Восемнадцатого ААС от 26.08.2008 № 18АП-4513/2008. URL: <https://clck.ru/av8oD> (дата обращения: 11.11.2022); Постановление Пятнадцатого ААС от 19.03.2012 № 15АП-1156/2012. URL: <https://clck.ru/av94j> (дата обращения: 11.11.2022).

¹⁴ Определение Московского городского суда от 26.01.2012 № 33-1836. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/128971057> (дата обращения: 11.11.2022); Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 13.07.2016. № 04АП-6838/15 URL: <https://clck.ru/33BFMG> (дата обращения: 11.11.2022).

¹⁵ Тихонравов Е.Ю. Специфика распространительного и ограничительного толкования права // *Advances in law studies*. Т. 4. № 3. 2016. С. 13—17; Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М.: Госюриздат, 1962. 165 С. С. 113—114.

¹⁶ Трудовое право России (учебник, 4-е изд., испр. и доп.) (коллектив авторов; под ред. д. ю. н., проф. А.М. Куренного). М.: Проспект, 2021 г. 672 с. (Автор гл. 7 — Куренной А.М.); Шелепина Е.А. О разграничении гражданско-правовых и трудовых отношений: практический аспект. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-razgranichenii-grazhdansko-pravovyh-i-trudovyh-otnosheniy-prakticheskiy-aspekt> (дата обращения: 11.11.2022).

роны по договору, например, по договору, согласно условиям которого исполнение обязательства перед кредитором производится путем передачи предмета исполнения третьему лицу (п. 2 ст. 509 ГК РФ) или по указанию кредитора, поступившему впоследствии (переадресация исполнения).

Конкретизант может быть квалифицирован как особая специфическая разновидность иного лица, определяемого рядом признаков, отличных от ранее сформулированных основных объединяющих признаков субподрядчика, соисполнителя и третьего лица [17, с. 255—256].

Вместе с тем конкретизант не может быть признан участником обязательства в силу классически ограничительного толкования статуса участника обязательства: а) как участвующего в нем в качестве стороны; б) когда создание обязательством прав и (или) обязанностей в отношении или для третьих лиц в отношении стороны (сторон) обязательства не влечет их признание в качестве участвующих в нем лиц¹⁷; в) когда юридическое признание за лицом, не участвующим в обязательстве, статуса субъекта обязательства возможно только в случаях и в порядке, предусмотренных гл. 24 ГК РФ.

В качестве признаков, присущих конкретизанту, можно назвать следующие:

1. субъект реализации прав и исполнения обязанностей стороны-исполнителя в обязательстве;
2. наделяется правами и обязанностями стороны-исполнителя согласно содержанию трудового указания или иного обязательства;
3. не является самостоятельным участником обязательства, обособленным от стороны-исполнителя;
4. находится в непосредственной правовой связи со стороной-исполнителем в силу индивидуализации путем указания его в обязательстве, в силу наделяния правами и обязанностями стороны-исполнителя и фактического исполнения обязательства стороны-исполнителя;
5. может быть охарактеризован как участник обязательства на стороне исполнителя;
6. не отвечает по обязательству стороны-исполнителя;
7. не имеет самостоятельной цели в обязательстве, преследует цель стороны-исполнителя;
8. действует в интересах стороны-исполнителя;
9. его замена не является заменой стороны обязательства, к таковой неприменимы положения гл. 24 ГК РФ.

При этом с точки зрения предпринимаемого исследования имеют значение выявленные признаки наличия непосредственной правовой связи между стороной и конкретизированным исполнителем,

его возникновение и содержание, определяемые гражданско-правовым договором.

Выводы

По общему правилу, основанием наступления гражданско-правовой ответственности является нарушение гражданских прав иного лица.

Вместе с тем, если исходить из ранее изложенной позиции, в соответствии с которой на конкретизанта соглашением сторон договора возлагается право непосредственного (фактического) исполнения обязанностей стороны-услугиодателя, вытекающих из данного договора [18, с. 37], то придется признать, что неисполнение или ненадлежащее исполнение им действий по исполнению указанных обязанностей способно повлечь как неисполнение (ненадлежащее) исполнение обязательства услугиодателя, так и юридическую ответственность перед услугодателем.

То есть практические действия конкретизированного исполнителя могут быть расценены не иначе как ненадлежащее исполнение стороной-исполнителем гражданско-правового обязательства и как основание для гражданско-правовой ответственности, поскольку нарушение обязанностей, установленных в законе или договоре, влечет, по общему правилу, гражданско-правовую ответственность перед заказчиком.

При этом, согласно общему правилу ст. 402 ГК РФ, должник отвечает за действия работников, которые повлекли неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. Очевидно, рассматриваемые отношения являются гораздо более сложными, предполагающими некие трансформационные составляющие.

Конкретизант — это не только работник, но и лицо, приобретшее право на непосредственное осуществление действий, составляющих предмет обязательства, на основании гражданско-правового договора. Таким образом, сторона-исполнитель вправе при наличии в действиях конкретизанта состава гражданского правонарушения — деликта — привлечь его как субъекта исполнения гражданско-правового обязательства на стороне исполнителя к гражданско-правовой ответственности путем предъявления регрессного требования, в отсутствие законодательного запрета на это.

В пользу данного вывода свидетельствуют следующие аргументы:

1. Перечень оснований для возникновения регрессного требования, установленный ст. 1081 ГК РФ, является открытым.

2. ГК РФ содержит нормы, устанавливающие основания регрессного требования, вытекающие из обязательственных отношений¹⁸.

¹⁷ Пункт 2 Постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении». URL: <http://www.pravozakona.ru/articles/2337> (дата обращения: 11.11.2022).

¹⁸ См. например, ст. 147, 200, 325, 366, 379, 399 ГК РФ.

3. Гражданским законодательством РФ ограничение права регресса по субъектам не установлено, ограничение права регресса не признается¹⁹.

Регрессная теория «свидетельствует в конечном итоге о личной ответственности самого работника за свои действия» [19, с. 36—37].

Отметим доктринальный [20, с. 71; 21, с. 33; 22, с. 13; 23, с. 60—61; 24, с. 17—20] и практический²⁰ интерес к проблематике регресса в отношениях работодателя и работника.

Возможна и еще одна теоретическая модель отношений с участием конкретизанта, актуальная в ситуациях, когда личность данного субъекта имеет основополагающее значение в конкретных гражданских правоотношениях. В качестве примера можно привести договор оказания медицинских услуг, предмет которого — проведение сложного хирургического вмешательства известным хирургом, что, соответственно, существенно влияет на стоимость в сторону удорожания. При этом хирург понимает, что сам факт заключения договора обусловлен именно его личными качествами; более того, хирург может получать определенный процент в виде вознаграждения (в том числе в качестве гонорара успеха, но данный вопрос выходит за рамки настоящей статьи).

Соответственно, возможна следующая модель, обусловленная трансформативным эффектом межотраслевых взаимосвязей: конкретизант, давший свое согласие на указание его в договоре в качестве исполнителя, не становясь стороной договора, совершает одностороннюю гражданско-правовую сделку (в том числе являясь при этом субъектом трудовых отношений), содержание которой — те действия, которые он обязуется совершить. Поскольку действия

конкретизанта и исполнителя взаимосвязаны, то данные субъекты становятся участниками многостороннего гражданского правоотношения, возникшего на основании юридического состава (договор оказания услуг и односторонняя сделка конкретизанта). Таким образом, происходит правовая трансформация статуса конкретизанта — оставаясь субъектом трудовых либо иных гражданско-правовых отношений, он в части конкретного договора оказания услуг становится субъектом данного договора.

Распределение ответственности в представленной трансформационной модели строится исходя из степени вовлеченности в исполнение конкретной обязанности, повлекшей убытки. Например, если операция прошла неудачно вследствие того, что клиника не обеспечила хирурга необходимыми медикаментами, то ответственность ложится на клинику, но если хирург нарушил свои обязательства, например, не явился в определенное время, то возможна реализация солидарной ответственности.

Приоритизация привлечения к ответственности конкретизанта и исполнителя в рамках данной модели должна быть поставлена в зависимость от интересов услугополучателя, а также, в случае необходимости, его наследников.

Кроме того, реализация данной модели сможет воспрепятствовать произвольной замене конкретизанта, что в настоящее время имеет место и нередко весьма негативно сказывается на интересах услугополучателя.

Применение указанной модели позволит включить в орбиту гражданско-правовой регламентации конкретизанта, что представляется необходимым и востребованным на практике.

Литература

1. Вольвач Я.В. Правовые подходы к возможности применения общих правил о недействительности сделок к личному договору с участием юридических лиц по основанию замены конкретизированного исполнителя // Вестник арбитражной практики. 2022. № 4. С. 18—29.
2. Мамагеишвили В.З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 3. С. 36—73.
3. Груздев В.В. О сущности гражданской правосубъектности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 113—121.
4. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М. : Статут, 2005. 476 с.
5. Костян И.А. Вопросы правосубъектности работодателя (юридического лица) // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 7—10.
6. Лузянин Т.Ю. Юридический состав сделок в трудовом праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 187—215.

¹⁹ Айвори И., Рогоза А. Неиспользование английского права в российских сделках / Non-use of English law in Russian transactions. М. : Альпина Паблишер, 2011. 136 с.

²⁰ Обзор практики рассмотрения судами дел о материальной ответственности работника (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.12.2018). Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2019, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 № 78-КГ19-54. URL: <https://clck.ru/33FkFu> (дата обращения: 11.11.2022); Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381735 (дата обращения: 11.11.2022).

7. Потапов А.В. Правосубъектность работодателя — юридического лица: историко-правовой аспект // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 19—21.
8. Вавилин Е.В., Волос А.А. Системность принципов и их действие в гражданском праве России и Китая // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 1. С. 53—73.
9. Волос А.А. Принципы обязательственного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 26 с.
10. Комиссаров И.М. Смысл законодательства как явление современного гражданского права. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/smysl-zakonodatelstva-kak-yavlenie-sovremenno-go-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 11.11.2022).
11. Лихтер П.Л. Проникающая (объединяющая) ответственность в свете коллизий принципов гражданского права // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 8—10.
12. 12. Макеева И.В., Зейналова Л.М. Принципы и пределы осуществления гражданских прав // Право и экономика. 2022. № 8. С. 13—18.
13. Микрюков В.А. Интенсификация применения аналогии права в практике преодоления гражданско-правовой неопределенности // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 63—71.
14. Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества : монография. М. : Статут, 2022. 316 с.
15. Третьяков С.В., Генкин Д.М. Дискуссия об абсолютных правах вне правоотношений и некоторые вопросы классификации субъективных гражданских прав // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 151—188.
16. Головина С. Сложности в разграничении гражданско-правовых и трудовых договоров. URL: <https://kontur.ru/articles/5374> (дата обращения: 11.11.2022).
17. Вольвач Я.В. Правовые подходы к особому личному обязательству — «с конкретизацией исполнителя» — как основанию специфичной разновидности соучастия в обязательстве // Вестник МГЭИ. 2022. № 2. С. 247—260.
18. Вольвач Я.В. Правовые подходы к определению оснований для применения общих правил, регламентирующих перемену лиц в обязательстве, к особому личному обязательству — «с конкретизацией исполнителя» // Право и экономика. 2023. № 1. С. 33—40.
19. Дерюгина Т.В. Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности при причинении вреда // Власть закона. 2018. № 1. С. 31—39.
20. Грозовская Е. Ответственность работодателя за вред, причиненный работником // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2022. № 6. С. 70—75.
21. Давыдова Е.В. Как взыскать ущерб с работника в порядке регресса? // Оплата труда: бухгалтерский учет и налогообложение. 2021. № 5. С. 30—37.
22. Ибрагимова А.И. Особенности регулирования гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный дисциплинарно-трудовым правонарушением // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 12—15.
23. Кораблева Н. Взыскиваем материальный ущерб с работника // Автономные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2021. № 6. С. 57—67.
24. Осипян Б.А. Правомерное и целесообразное различие разных видов юридической ответственности физических, должностных и юридических лиц / Б.А. Осипян // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 16—22.

PRIVATE LAW SCIENCES (CIVIL LAW)

A SPECIAL CLASS OF CONTRACTS FOR SERVICES: “PERFORMER SPECIFIED”

Ianuara Vol'vach²¹

Keywords: *non-defined transaction, general principles and meaning of civil law, personal nature of obligation, personal obligations, services rendering, personal performance of an obligation, concretised performer, concretisant, legal capacity of legal entity, third party having no rights of a party to the contract, recourse obligation.*

Abstract

Purpose of the paper: studying questions related to attributes defining the legal nature of concretised performance and the status of the performer in case of a contract for paid services where the direct performer is specified, that is, concretised.

Method of study: the study is based on both general and specific scientific methods of study, i. e. the comparative legal, systemic legal, and logical methods, as well as the method of analysing and interpreting legal regulations.

Study findings: the conclusion is made that it is advisable to bring into scholarly discourse a term for the subject who accepted the obligations of directly performing the actions aimed at fulfilling the contract, the term “concretisant” being perceived as optimal from the viewpoint of compactness and meaningfulness. Besides, an alternative theoretical model

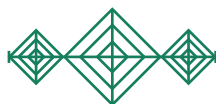
²¹ Ianuara Vol'vach, Ph.D. (Law), Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of Moscow Humanitarian Economic University, Moscow, Russian Federation. E-mail: adv_71@mail.ru

of relationships with the participation of the concretisant which is relevant in situations where the personality of this subject is of crucial importance in specific civil law relationships is proposed.

Research novelty: bringing into scholarly discourse the term “concretisant” and proposing an alternative theoretical model of relationships with the participation of the concretisant who, giving his consent to being specified in the contract as a performer while not being a party to the contract, concludes a one-party civil law transaction (including being at the same time a subject of employment relations) the substance of which is the actions s/he undertakes to perform. The connection between these actions and the actions of the performer determines the status of the said subjects as participants of a multilateral civil law relationship based on the set of legal facts (contract for services and the concretisant’s one-party transaction).

References

1. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k vozmozhnosti primeneniia obshchikh pravil o nedeistvitel'nosti sdelok k lichnomu dogovoru s uchastiem iuridicheskikh lits po osnovaniuu zameny konkretizirovannogo ispolnitelia. Vestnik arbitrazhnoi praktiki, 2022, No. 4, pp. 18–29.
2. Mamageishvili V.Z. O znachenii teorii iuridicheskogo litsa v sovremennom korporativnom prave. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii, 2021, No. 3, pp. 36–73.
3. Gruzdev V.V. O sushchnosti grazhdanskoi pravosub'ektnosti. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2018, No. 2, pp. 113–121.
4. Kozlova N.V. Pravosub'ektnost' iuridicheskogo litsa. M.: Statut, 2005. 476 pp.
5. Kostian I.A. Voprosy pravosub'ektnosti rabotodatelia (iuridicheskogo litsa). Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom, 2020, No. 4, pp. 7–10.
6. Luzianin T.Iu. Iuridicheskii sostav sdelok v trudovom prave. Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki, 2022, No. 2, pp. 187–215.
7. Potapov A.V. Pravosub'ektnost' rabotodatelia – iuridicheskogo litsa: istoriko-pravovoi aspekt. Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom, 2021, No. 2, pp. 19–21.
8. Vavilin E.V., Volos A.A. Sistemnost' printsipov i ikh deistvie v grazhdanskom prave Rossii i Kitaia. Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki, 2018, No. 1, pp. 53–73.
9. Volos A.A. Printsipy obiazatel'stvennogo prava : avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk. Saratov, 2015. 26 pp.
10. Komissarov I.M. Smysl zakonodatel'stva kak iavlenie sovremennogo grazhdanskogo prava. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/smysl-zakonodatel'stva-kak-yavlenie-sovremennogo-grazhdanskogo-prava> (data obrashcheniia: 11.11.2022).
11. Likhter P.L. Pronikaiushchaia (ob'ediniiaushchaia) otvetstvennost' v svete kollizii printsipov grazhdanskogo prava. Rossiiskaia iustitsiia, 2019, No. 6, pp. 8–10.
12. Makeeva I.V., Zeinalova L.M. Printsipy i predely osushchestvleniia grazhdanskikh prav. Pravo i ekonomika, 2022, No. 8, pp. 13–18.
13. Mikriukov V.A. Intensifikatsiia primeneniia analogii prava v praktike preodoleniia grazhdansko-pravovoi neopredelennosti. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2021, No. 8, pp. 63–71.
14. Shitkina I.S. Iсполnitel'nye organy khoziaistvennogo obshchestva : monografiia. M.: Statut, 2022. 316 pp.
15. Tre't'iakov S.V., Genkin D.M. Diskussiia ob absoliutnykh pravakh vne pravootnoshenii i nekotorye voprosy klassifikatsii sub'ektivnykh grazhdanskikh prav. Vestnik grazhdanskogo prava, 2022, No. 4, pp. 151–188.
16. Golovina S. Slozhnosti v razgranichenii grazhdansko-pravovykh i trudovykh dogovorov. URL: <https://kontur.ru/articles/5374> (data obrashcheniia: 11.11.2022).
17. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k osobomu lichnomu obiazatel'stvu – “s konkretizatsiei ispolnitelia” – kak osnovaniuu spetsifichnoi raznovidnosti souchastiia v obiazatel'stve. Vestnik MGEI, 2022, No. 2, pp. 247–260.
18. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k opredeleniiu osnovanii dlia primeneniia obshchikh pravil, reglamentiruiushchikh peremenu lits v obiazatel'stve, k osobomu lichnomu obiazatel'stvu – “s konkretizatsiei ispolnitelia”. Pravo i ekonomika, 2023, No. 1, pp. 33–40.
19. Deriugina T.V. Problemy opredeleniia uslovii grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti pri prichinenii vreda. Vlast' zakona, 2018, No. 1, pp. 31–39.
20. Grozovskaia E. Otvetstvennost' rabotodatelia za vred, prichinennyi rabotnikom. Kadrovaia sluzhba i upravlenie personalom predpriatiia, 2022, No. 6, pp. 70–75.
21. Davydova E.V. Kak vzyskat' ushcherb s rabotnika v poriadke regressa? Oplata truda: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie, 2021, No. 5, pp. 30–37.
22. Ibragimova A.I. Osobennosti regulirovaniia grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti za vred, prichinennyi distsiplinarno-trudovym pravonarusheniem. Rossiiskaia iustitsiia, 2020, No. 5, pp. 12–15.
23. Korableva N. Vzyskivaem material'nyi ushcherb s rabotnika. Avtonomnye uchrezhdeniia: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie, 2021, No. 6, pp. 57–67.
24. Osipian B.A. Pravomernoe i tselesoobraznoe razlichenie raznykh vidov iuridicheskoi otvetstvennosti fizicheskikh, dolzhnostnykh i iuridicheskikh lits. B.A. Osipian. “Chernye dyry” v rossiiskom zakonodatel'stve, 2018, No. 1, pp. 16–22.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА В ПРАКТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ: ОПЫТ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Третьякова Л.А.¹

Ключевые слова: здравоохранение, показатели, индикаторы, управление, Брянская область.

Аннотация

Цель статьи: представление проблем, с которыми сталкивается практика принятия управленческих решений в здравоохранении на уровне региона, что предполагает постоянное научное сопровождение данной практики на всех этапах принятия этих решений и их реализации на уровне региона, постоянный мониторинг результативности проводимых мер.

Метод исследования: индукция, дедукция, анализ статистики и материалов социологических исследований.

Полученные результаты: сформулированы в виде аналитических положений и предложений, направленных на совершенствование процесса управления здравоохранением в регионе. Выявлены проблемы, с которыми сталкивается здравоохранение региона, обоснована необходимость и возможности применения социолого-статистического мониторинга как наиболее эффективной исследовательской стратегии для решения данных проблем.

Научная новизна: на материалах проведенного в Брянской области социолого-статистического мониторинга обосновано использование в процессе анализа результативности управления здравоохранением региона социолого-статистического мониторинга как исследовательской методологии, которая может быть адаптирована к особенностям здравоохранения как элемента социальной сферы региона, и обладает при этом высоким уровнем эвристичности и информативности полученных результатов.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-102-111

Введение и постановка задачи

Уровень общей эффективности системы здравоохранения Российской Федерации в условиях ее постоянного реформирования является регулярным предметом дискуссий в научной среде [3, 4, 6, 7, 9, 10, 11]. Трансформация модели управления здравоохранения, базирующаяся на конкурентной структуре ее организационно-экономического обеспечения, является основной целью проводимых реформ.

В качестве основы и гаранта результативности реформирования системы здравоохранения в нормативных и законодательных документах (например, таких, как Постановление Правительства Российской Федерации «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»², Федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на ос-

нове единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)»³ и Постановление Российской Федерации «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения»⁴) выступает совершенствование «...организационно-методической деятельности, являющейся неотъемлемой частью механизма управления здравоохранением на федеральном, региональном, муниципальном и учрежденческом уровнях» [8].

² Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 28.12.2022) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».

³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 2 апреля 2021 г. № 290 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ)», входящего в национальный проект «Здравоохранение» // СПС «Гарант».

⁴ Постановление Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 140 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

¹ Третьякова Лариса Анатольевна, глава регионального исполкома Общероссийского народного фронта в Брянской области, г. Брянск, Российская Федерация. E-mail: lrstretyakova@mail.ru

Но разработанные и зафиксированные в вышеуказанных и иных документах методологии по работе со сбором, обработкой и хранением медицинской информации, сопровождающей реализацию национальных и региональных проектов развития здравоохранения в целом, и процесс управления здравоохранением регионов в частности сами по себе никак не улучшили состояние самого здравоохранения и существенно не изменили результативность управления данной сферой. По-прежнему в качестве первостепенных проблем, с которыми сталкивается процесс управления здравоохранением региона, называется, например, неэффективное управление, проявляющееся в децентрализации управления региональным здравоохранением, расщеплении ключевых функций по охране здоровья в разных ведомствах, наличии массы противоречий в нормативной базе и т. д.⁵

Как это отражается на здоровье населения и на состоянии самой сферы здравоохранения, наглядно видно по показателям, отражающим результативность функционирования (и, соответственно, управления) здравоохранения Брянской области.

Общие данные. Брянская область с точки зрения показателей здоровья населения относится к областям, рейтинг которых в 2021 г. существенно снизился по сравнению с 2020 г.: с 36ой позиции область переместилась на 52^{ую} с показателем индекса эффективности 44,59 (самый высокий показатель данного индекса, 89,76 — у Республики Ингушетия)⁶. По целому ряду показателей, связанных со сферой здравоохранения, область существенно отличается от показателей по Российской Федерации в целом и даже от показателей по Центральному федеральному округу в частности. Так, например, коэффициент общей смертности за 2021 г. по Брянской области составил 20,3 на 1 тыс. населения, что выше показателя по России на 20,8% (за 12 месяцев 2021 г. — 16,8)⁷. За 11 месяцев 2022 г. естественная убыль населения Брянской области составила 9 095 человек. Как следует из данных Росстата, за 10 месяцев 2022 года в области скончалось 35 младенцев (до 1 года). Это на 14 (или 66%) больше, чем было год назад⁸. По этому показателю Брянская область вышла в абсолютные «антилидеры» по Центральному федеральному округу.

⁵ Предложения по развитию (реформы) российской системы здравоохранения до 2024 г. и на период до 2030 г. Проект, версия от 10.10.2020. URL: https://www.vshouz.ru/orgzdrav2020/Reforma_ohrany_zdorovya.pdf (дата обращения: 11.12.2022).

⁶ Эффективность систем здравоохранения регионов России, 2021 год. URL: <https://www.orgzdrav.com/statistics/healthcare-efficiency-2021> (дата обращения: 11.12.2022).

⁷ Итоги социально-экономического развития Брянской области за 2021 год. URL: <http://www.bryanskobl.ru/economy-2021> (дата обращения: 12.12.2022).

⁸ Брянская область при Богомазе стала абсолютным лидером по младенческой смертности в ЦФО. URL: <https://avchernov.ru/tak-izhivem/bryanskaya-oblast-pri-bogomaze-stala-absolyutnym-liderom-pomladencheskoy-smertnosti-v-tsofo/> (дата обращения: 11.12.2022).

Ожидаемая продолжительность жизни населения Брянской области в 2021 году составила 68,7 года (в 2020 г. — 70,7 года). По сравнению с 2020 г. данный показатель уменьшился на 2 года (при том, что по Российской Федерации этот показатель демонстрирует позитивную динамику: по итогам 2022 года ожидаемая продолжительность жизни в России — 72,4 года, увеличение на 2,4 года по сравнению с 2021 г.⁹).

Даже приведенных данных достаточно для того, чтобы актуальность проблемы результативности управления здравоохранением Брянской области не вызывала сомнения.

Насколько система здравоохранения Брянской области готова и способна реагировать на те показатели (вызовы), которые отражают состояние здоровья населения области? Сбором, обработкой и хранением статистической медицинской информации в области, согласно приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации¹⁰, занимается Медицинский информационно-аналитический центр (МИАЦ) [1, 2, 5]. МИАЦ в Брянской области, в соответствии со своими функциональными обязанностями и выполняемыми задачами по сбору медицинской статистической информации, фиксирует эти данные в отчетах, используя метод статистического анализа. Далее будут представлены некоторые из данных, с которыми работает МИАЦ.

По данным, предоставленным Федеральной службой государственной статистики, численность врачей всех специальностей в организациях, оказывающих медицинские услуги, по Брянской области в конце 2021 г. составляла 4568 человек (таблица 1).

Таблица 1

Численность врачей всех специальностей (физических лиц) в организациях, оказывающих медицинские услуги, на конец года¹¹

	2020	2021
Российская Федерация	737371	741858
ЦФО	210336	214379
Белгородская область	6231	6426
Брянская область	4793	4568

⁹ Средняя продолжительность жизни в Брянской области. URL: <https://gogov.ru/life-expectancy/brn> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁰ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 25 марта 2022 г. № 205н «Об утверждении Типового положения о медицинском информационно-аналитическом центре». URL: <https://base.garant.ru/404572834/> (дата обращения: 12.12.2022).

¹¹ Здравоохранение. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 10.12.2022).

Как следует из цифр, приведенных в таблице, в Брянской области, в отличие от Российской Федерации в целом и ЦФО в частности, произошло существенное снижение количества врачей за период 2020—2021 гг. В сравнении с данными за 2020 год, в 2021 г. численность врачей и среднего медицинского персонала уменьшилась на 225 и 367 специалистов соответственно.

По данным МИАЦ по Брянской области, цифры, отражающие количественные показатели медицинского персонала сферы здравоохранения — еще ниже: «...по состоянию на 31.12.2021 в медицинских организациях, подведомственных департаменту здравоохранения Брянской области, работают 3 886 врачей и 11 271 средний медицинский работник, имеющие законченное высшее и среднее профессиональное (медицинское) образование»¹².

На 31.12.2021 обеспеченность медицинских организаций врачами составляет 32,9 на 10 тыс. населения, средним медицинским персоналом — 95,3 на 10 тыс. населения. Укомплектованность медицинских организаций Брянской области врачами (с учетом имеющегося совместительства) составляет 85,8% (коэффициент совместительства — 1,7 при норме по Российской Федерации 1,4. Если показатель больше этого значения, то врач работает с перегрузкой), средним медицинским персоналом — 93,0% (коэффициент совместительства — 1,3).

По возрастному составу врачи в Брянской области распределяются следующим образом:

- до 36 лет — 1 063 человека (27,4%),
- от 36 до 45 лет — 529 человек (13,6%),
- от 46 до 50 лет — 412 человек (10,6%),
- от 51 до 55 лет — 515 человек (13,3%),
- от 56 до 59 лет — 421 человек (10,8%),
- от 60 до 64 лет — 464 человека (11,9%),
- 65 лет и старше — 482 человека (12,4%).

Из этого следует, что в настоящее время 24,3% работающих врачей входят в возрастную группу «от 60 лет и старше», что свидетельствует о естественном старении кадров. Среди среднего медицинского персонала 1 118 человек — в возрасте от 60 лет и старше, что составляет 9,9%.

В 2021 году в подразделениях скорой медицинской помощи (СМП) Брянской области было 2282,0 штатных единиц сотрудников, из них занято 2040,0 — 89,4% (в 2020 году — 2281,5 штатных единиц, занято 2079,25 — 91,1%). Количество физических лиц уменьшилось: с 1697 человек в 2020 году до 1668 в 2021 году (на 1,7%). В службе скорой медицинской помощи в 2021 году работали 899 средних медицинских работников (в 2020 году — 915). Многие подразделения СМП Брянской области недостаточно укомплектованы кадрами средних ме-

дицинских работников. Количество педиатрических бригад уменьшилось с 5 в 2020 г. до 3 в 2021 году.

Тенденция по снижению количественного показателя по кадрам здравоохранения в Брянской области обусловлена сразу несколькими факторами: низкой востребованностью профессии медицинского работника, низким уровнем средней заработной платы и уже описанным выше фактором старения кадрового состава здравоохранения.

Низкая востребованность профессии медработника. По данным, представленным на портале ГородРабот.ру¹³, востребованность профессии медработника в Брянской области среди ищущих работу является достаточно низкой. Так, в последние месяцы 2022 г. (диаграмма 1) профессия врача среди востребованных профессий по области находилась на 7 месте, а уже в январе 2023 г. (диаграмма 2) вообще не вошла в топ-10 профессий, которые были востребованы.

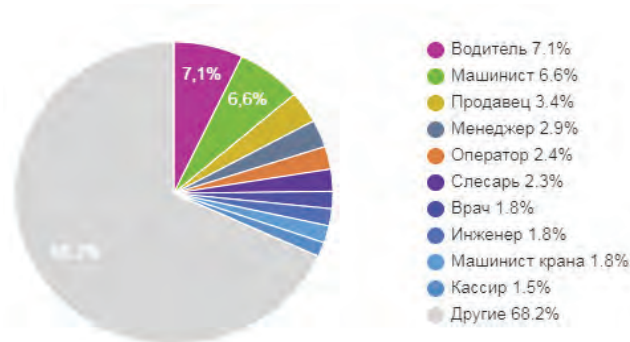

Диаграмма 1. Топ-10 востребованных профессий в Брянской области (на октябрь — ноябрь 2022 г.)¹⁴

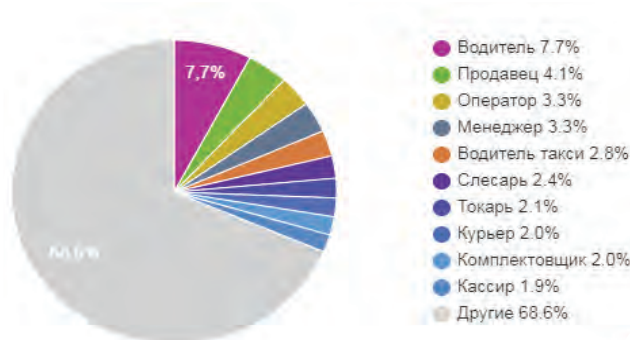

Диаграмма 2. Топ-10 востребованных профессий в Брянской области (на январь 2023 г.)¹⁵

Низкий уровень средней заработной платы медицинского работника. Брянская область в рейтинге

¹² Государственный доклад о состоянии здоровья населения Брянской области за 2021 год. Брянск : МИАЦ, 2021 г., 142 с. URL: <https://brkmed.ru/media/uploads/documents/izdatelskaya-deyatelnost/gd-2021.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

¹³ Статистика рынка труда в Брянской области. URL: <https://gorodrabot.ru/salary?l=брянская+область> (дата обращения: 11.12.2022).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

регионов по зарплатам занимает 68 место¹⁶. Средняя зарплата в Брянской области за 2021 год составила 35582 руб.¹⁷ Прожиточный минимум составил 14309 руб.

На 1 декабря 2022 года зарплата в медицине в Брянской области составляла 34 430 руб. В микропредприятиях с численностью работников до 15 человек средняя зарплата составляла 20 660 руб., в малых предприятиях с численностью сотрудников до 100 человек — 30 990 руб., а в средних компаниях с численностью более 100 человек — 37 870 руб.

В бюджетной сфере в медицине в Брянской области средняя зарплата составляла 27 540 руб. Средняя зарплата в медицине в Брянской области в 2021 году составляла 32 740 руб., а в 2022 — 34 430 руб. Анализ средней зарплаты непосредственно по сфере здравоохранения в Брянской области показывает следующий диапазон средней заработной платы: 21460—61830 руб. В среднем главный врач получал 61 830 руб., заведующий отделением — 46 450 руб., стоматолог — 40 040 руб., хирург — 39 720 руб., ортодонт, соответственно, — 38 440 руб., терапевт — 34 920 руб.; фельдшер — 21 460 руб., медсестра — 27 550 руб., санитар — 24 350 руб. По отношению к 2021 г. в 2022 г. рост средней зарплаты в медицине в Брянской области за год составил 1690 руб.¹⁸ Представленные цифры указывают на тот факт, что зарплаты таких значимых для здравоохранения врачей, как терапевты, фельдшеры, медсестры, санитары «не дотягивают» даже до средней по области, что, соответственно, является антимотивационным фактором при выборе профессии или поиске работы.

Недостаточное количество медицинских кадров, наряду с другими факторами, приводило и приводит к недостижению Брянской областью показателей, которые заложены в стратегических документах, сопровождающих деятельность здравоохранения. Так, например, уже как минимум два года подряд, в 2020—2021 гг., в отчетах о достижении областью показателей, заложенных в национальных проектах, фиксируется недостижение целого ряда этих показателей, таких, например, как:

- обеспеченность населения врачами и средними медицинскими работниками, работающими в государственных и муниципальных медицинских организациях (чел. на 10 тыс. населения) — значение показателя 34,13 при необходимом 39,0;
- укомплектованность медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях (доля занятых физическими лицами должностей, от общего количества должностей в медицинских учреждениях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях),

¹⁶ Рейтинг городов и регионов по средней зарплате 2022. URL: <https://top-ru.ru/places/166-rejting-regionov.html> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁷ Зарплаты в России в 2022–2023 году. URL: <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/zarplaty-v-rossii.html> (дата обращения: 10.12.2022).

¹⁸ Зарплаты врачей в Брянской области. URL: <https://bdex.ru/bryanskaya-oblast/?type=medicine> (дата обращения: 10.12.2022).

нарастающим итогом: врачами — значение показателя 69,74% при необходимом 80,0%¹⁹ и т.д.

Причем значение этих показателей демонстрирует явную отрицательную тенденцию. Так, в Сводном годовом отчете о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственных программ Брянской области за 2020 год по Департаменту здравоохранения Брянской области из оцениваемых индикаторов было выполнено 35 из 44, в Сводном годовом докладе за 2021 г. из оцениваемых показателей было не выполнено 27²⁰.

Фиксируя эти и подобные данные в своем Государственном докладе о состоянии здоровья населения Брянской области, МИАЦ при этом не предоставляет углубленного комплексного анализа проблем, которые сопровождают процесс управления здравоохранением, фиксируя только общие рекомендации по выявленным и описанным тенденциям.

Именно описанная ситуация сформировала задачу данной статьи: представление возможностей социолого-статистического мониторинга в качестве обязательного дополнительного инструментария, который необходимо использовать для обеспечения комплексного анализа управления медицинской сферой Брянской области (и любого региона Российской Федерации в целом).

Решение поставленной задачи

Проведенный в 2021 году в Брянской области социолого-статистический мониторинг^{21*} дал возможность комплексно проанализировать проблемы, с которым сталкивается здравоохранение Брянской области.

В качестве самостоятельных разделов в системе социолого-статистического мониторинга управления здравоохранением Брянской области были проведены:

¹⁹ Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственных программ Брянской области за 2021 год. URL: <http://delphic.bryanskobl.ru/docs/state-programs/stateprogram-report-2021.pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

²⁰ Сводный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственных программ Брянской области за 2020 год. URL: <http://брянская-область.рф/docs/state-programs/stateprogram-report-2020.pdf>; Сводный годовой доклад о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственных программ Брянской области за 2021 год. URL: <http://delphic.bryanskobl.ru/docs/state-programs/stateprogram-report-2021.pdf> (дата обращения: 10.12.2022).

²¹ * Под социолого-статистическим мониторингом управления здравоохранением автор подразумевает исследование, представляющее собой совокупность социологических и статистических исследований, проводимых по единой программе и предоставляющих социолого-статистические характеристики объекта исследования, представленные системой социолого-статистических показателей, скорректированных с системой показателей, отражающих характеристики объекта, зафиксированных в документах стратегического планирования развития объекта исследования.

- › мониторинг состояния функционирования региональной системы здравоохранения и соответствия основных показателей ее функционирования общероссийским;
- › мониторинг достигнутых показателей реализации региональных проектов и программ;
- › мониторинг результативности программ взаимодействия как реакции на управленческие решения, принимаемые в здравоохранении на региональном уровне.

В данной статье представлен ряд результатов мониторинга результативности программ взаимодействия как реакции на управленческие решения, принимаемые в здравоохранении на региональном уровне.

В качестве методов сбора информации для мониторинга результативности программ взаимодействия как реакции на управленческие решения, принимаемые в здравоохранении на региональном уровне, были использованы:

- › вторичный анализ данных медицинской статистики, представленной в отчетах МИАЦ по Брянской области, Департамента здравоохранения Брянской области и т. д.;
- › вторичный анализ данных, представленных в мониторинговых исследованиях по вопросам здравоохранения, проводимых в Брянской области (например, социолого-гигиенического мониторинга);
- › вторичный анализ данных социологических исследований по обозначенной тематике (проводившихся как на федеральном, так и на региональном уровнях в 2018—2021 гг.);
- › опрос (анкетирование): использовался для получения количественных данных, респондентами являлись медицинские работники и пациенты;
- › экспертный опрос (экспертное интервью): использовался для получения данных, которые отражают общественное мнение экспертного сообщества (административных медицинских работников: главврачей и т. д.), являющихся как непосредственными исполнителями принимаемых в здравоохранении региона управленческих решений, так и управленцами, принимающими решения на уровне отдельной медицинской организации.

При проведении мониторинговых замеров в рамках мониторинга результативности программ взаимодействия как реакции на управленческие решения, принимаемые в здравоохранении на региональном уровне, было проведено две волны экспертных опросов (экспертное интервью), где в качестве экспертов выступали медицинские работники, занимающие административные должности в медицинских организациях как г. Брянска, так и Брянской области, а также государственные служащие, работающие в департаменте здравоохранения Брянской области.

В процессе анализа данных проведенных замеров был зафиксирован ряд тенденций, которые

проявились одновременно и в данных, полученных при экспертном опросе, и в данных опроса, проводимого методом анкетирования. Т. е. вне зависимости от статуса респондента, по ряду представленных в анкетах вопросов была продемонстрирована высокая степень совпадения мнений медицинских работников, как тех, которые занимают административные должности (главные врачи и т. д.), так и медицинских работников (врачей), не занимающих административные должности. К таким вопросам относились, например, вопросы о достижимости в здравоохранении Брянской области социальных показателей, представленных в национальном проекте «Здравоохранение», о задачах, связанных с функционированием системы здравоохранения Брянской области, которые должны быть решены в первую очередь, и т. д.

Вместе с тем было зафиксировано наличие определенной разницы между ответами на вопросы анкеты у медицинских работников, работающих в больницах (стационарах) г. Брянска и Брянской области соответственно.

Медицинские работники, работающие в медицинских организациях г. Брянска демонстрируют, в частности, более высокий уровень информированности по вопросу о структуре и содержании пациенто-ориентированной модели (ответ на вопрос представлен в 70% анкет респондентов, относящихся к данной группе при 10% ответов в анкетах респондентов, которые относятся к группе «медицинские работники, работающие в больнице (стационаре) Брянской области»).

По возрастному распределению по Брянской области отмечается более высокий процент врачей, относящихся к старшей возрастной группе: «51—60 лет» и «более 60 лет», чем в г. Брянске — 33,8% и 32,5% соответственно; и в г. Брянске, и в Брянской области самая многочисленная по возрасту группа медицинских работников — работники в возрасте «41—50 лет»; по г. Брянску к этой группе относится 31% медицинских работников, по Брянской области — 38,3%.

По результатам анализа данных *экспертных опросов* был сделан вывод о том, что проведение социолого-статистического мониторинга, в первую очередь, было отмечено самими медицинскими работниками, занимающими административные должности, как значимое мероприятие (что можно обозначить как преимущество этой исследовательской методологии перед другими исследовательскими инструментами). Оно оказалось важным для медицинских работников, занимающих административные должности в медицинских организациях, входящих в систему здравоохранения Брянской области, поскольку все остальные формы контроля (реализуемые в виде сбора статистических данных) ориентированы на фиксацию показателей функционирования системы здравоохранения, но малоинформативны с точки зрения отражения обществен-

ного мнения самих медицинских работников, занимающих административные должности, от участия в принятии управленческих решений которых, по сути, и зависит результативность работы данной системы. Т. е. социолого-статистический мониторинг в данном случае полностью реализовывает свое значение в качестве института общественного контроля.

Это проявляется также в том, что традиционные формы отчетности, которую предоставляют медицинские организации, предполагают фиксацию «стандартных» статистических данных, а данные, полученные в процессе проведения социолого-статистического мониторинга, отражают «живую картину» общественного мнения, позволяют понимать мотивацию и т. д., которая влияет на принятие медицинскими работниками, занимающими административные должности, государственными служащими управленческих решений, а также фиксировать степень «включенности» управленческих кадров в решения важных для управления и функционирования региональной системы управления здравоохранением вопросов.

При проведении экспертного опроса был отмечен высокий уровень интереса экспертов к вопросам, которые задавались интервьюерами, и большая потребность в их публичном обсуждении экспертным сообществом.

Еще одним преимуществом социолого-статистического мониторинга, которое было зафиксировано в процессе проведения замеров, стала возможность фиксировать реакцию респондента на определенные явления, действия или принимаемые управленческие решения, которая проявляется в ответах именно как реакция «внутренняя», спонтанная (или, наоборот, профессионально-оценочная), которая может не проявляться при составлении официальных статистических данных. Так, например, при ответе на вопрос «Целесообразна ли, по Вашему мнению, работа межведомственных комиссий в нынешнем виде (таких, например, как межведомственная комиссия по предупреждению и борьбе с туберкулезом и т. д.), в Брянской области» ответ одного из экспертов был следующим: «Я не знаю, как сейчас работают межведомственные комиссии, но в регионе за 2020—2021 год было проведено много КТ-исследований, что дает большое подспорье по выявлению туберкулеза и постановке данной группы населения на учет». В своем ответе эксперт не просто отреагировал на определенную тему или ситуацию, обозначенную в вопросе, но и предложил конструктивное, профессионально обоснованное решение по конкретной ситуации. Т. е. данные, полученные в процессе проведения социолого-статистического мониторинга, могут рассматриваться не просто в качестве индикатора состояния региональной системы здравоохранения, но и индикатора, характеризующего степень реагирования на проблемы, которые испытывает данная система, самих медицинских работников, занимающих административные долж-

ности. При этом само участие данных работников в экспертном опросе, проводимом в рамках социолого-статистического мониторинга, способствует более глубокому содержательному пониманию самими медицинскими работниками, занимающими административные должности, принципов управления региональной сферой здравоохранения, и принимаемых управленческих решений.

При формировании вопросов для экспертного интервью использовался подход, ориентированный на возможность усиления и подтверждения получаемой информации. Так, ответы на вопрос «В какой мере, на Ваш взгляд, региональные проекты по развитию системы детского здравоохранения влияют на показатели здоровья детского населения, детской смертности?» сопоставлялись с ответами на вопрос «Как Вы оцениваете состояние здоровья населения Брянской области и динамику его изменения за последние 10 лет?», поскольку именно показатели детской смертности (в числе нескольких параметров) являются определяющим показателем (индикатором) результативности работы региональной системы здравоохранения. При этом сама артикуляция в вопросе показателя «детская смертность» позволяет заострить внимание на этом показателе самих медицинских работников, в том числе медицинских работников, занимающих административные должности, и таким образом выявить те ракурсы проявления исследуемого объекта (в данном случае — необходимости минимизации процента детской смертности), которые не всегда в полной мере могут быть выявлены в процессе осуществления традиционных статистических исследований, поскольку не всегда определяются респондентами как первостепенные.

Вместе с тем анализ результатов анкетирования медицинских работников (врачей) показал, что примерно 30% респондентов по группе «медицинские работники, работающие в Брянской области» и 35% респондентов по группе «медицинские работники (врачи), работающие в г. Брянске» отметили, что социальные показатели, представленные в Национальном проекте «Здравоохранение» в Брянской области, «частично достигаемые», а 10% и 12% соответственно высказали более пессимистическую позицию и отметили, что эти показатели в Брянской области частично или полностью не достигаемы, что указывает на следующую особенность развития сферы здравоохранения Брянской области: позитивные изменения, которые происходят в самой системе здравоохранения (повышение уровня оснащенности оборудованием, открытие высокотехнологичных медучреждений и т. д.), являются недостаточным вкладом в здравоохранение, поскольку сами показатели здоровья населения Брянской области остаются низкими или даже ухудшаются.

Данные, полученные в процессе проведения экспертных опросов, указывают на наличие следующего (представлены обобщенные данные, в первую

очередь, в соответствии с обозначенной выше тенденцией по снижению количественного показателя по кадрам здравоохранения в Брянской области):

1. Высокого уровня кадровой стабильности и укомплектованности медицинского персонала Брянской области и укомплектованности медицинских организаций. На вопрос «Каковы Ваши планы на ближайшие 1—2 года» 81% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в г. Брянске» и 77% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в Брянской области» выбрали «Продолжать работать в той же должности».

2. Из респондентов всех целевых групп на выбор в пользу ответа «Перейти в другую организацию со сменой специальности» пришлось меньше 1%, что подтверждает высокий уровень профессиональной сознательности медицинского персонала Брянской области.

3. Отдельно заслуживает внимания позиция «Перейти на следующую должность» — такой выбор продемонстрировали 3,2% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в г. Брянске» и 1,5% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в Брянской области». Это — отдельный вопрос, требующий дополнительного исследования, поскольку, с одной стороны, наличие этих данных может рассматриваться как положительный фактор, свидетельствующий о высокой степени сознательности респондентов данного исследования (и в целом медицинского персонала) в выборе своей профессии и высокой степени удовлетворенности процессом и результатами своего труда, что при этом не получает соответствующего подтверждения по ответам на вопрос о степени удовлетворенности различными сторонами трудовой деятельности: по данной позиции высокую степень удовлетворенности (90—100%) продемонстрировали только 46% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в г. Брянске» и 43% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в Брянской области»; это дает возможность сделать вывод, что приверженность медицинского работника конкретной медицинской организации не определяется его удовлетворенностью именно условиями труда, которые ему предоставляет организация.

С другой стороны, это может рассматриваться как результат высокого уровня загруженности медицинских работников (что подтверждается повышенным процентом совместительства), вследствие чего медицинскому работнику не остается времени на получение необходимых навыков, компетенции и т. д., обязательных для того, чтобы претендовать на переход на должность, находящуюся на более высоком уровне иерархии — например, на должность заведующего отделением.

Дополнительным фактом, подтверждающим большее соответствие ситуации, которая характерна для здравоохранения именно Брянской области,

второй версии, представленной выше, являются выбор респондентами важности для себя отдельных характеристик работы:

- ▶ возможность должностного продвижения определили как наиболее важную характеристику 15,5% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в г. Брянске» и 20,6% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в Брянской области»;
- ▶ участие в управлении отделением определили как наиболее важную характеристику для себя 8% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в г. Брянске» и 7,5% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в Брянской области».

Вместе с тем 100% удовлетворенность различными сторонами своего труда отметило только 17% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающих в г. Брянске» и 23,5% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в Брянской области». Наименьший процент удовлетворенности — 30% отметило 4,4% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающих в г. Брянске» и 1,5% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в Брянской области».

Только по одной позиции бóльшую требовательность к условиям труда — «уровень технической оснащенности» — проявили медицинские работники Брянской области: 20,6% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в Брянской области» против 7,7% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающих в г. Брянске», что объясняется тем, что в медицинских организациях, находящихся в г. Брянске, техническая оснащенность выше, чем в медицинских организациях первичного звена здравоохранения Брянской области.

Респонденты из целевой группы «медицинские работники, работающие в г. Брянске» в целом более требовательны к условиям, которые определяют условия труда медицинских работников, чем респонденты из целевой группы «медицинские работники, работающие в Брянской области», например, по следующим позициям: размером заработка больше не удовлетворены медицинские работники, работающие в г. Брянске, чем их коллеги из области.

Это позиция требует дополнительного исследования, поскольку в заключении Контрольно-счетной палаты Брянской области за 2020 г. отмечено: «...обеспечено соотношение средней заработной платы отдельных категорий работников... на установленном уровне и выше:

- ▶ по категории «врачи и работники медицинских организаций, имеющие высшее медицинское (фармацевтическое) или иное высшее образова-

- ние, предоставляющие медицинские услуги (обеспечивающих предоставление медицинских услуг)», к средней заработной плате в соответствующем регионе — 221,6% при плане 200,0%;
- по категории «средний медицинский (фармацевтический) персонал (персонал, обеспечивающий условия для предоставления медицинских услуг)» к средней заработной плате в соответствующем регионе — 117,6% при плане 100,0%;
  - по категории «младший медицинский персонал (персонал, обеспечивающий условия для предоставления медицинских услуг)» к средней заработной плате в соответствующем регионе — 116,9% при плане 100,0%»²².

Если учесть высокий коэффициент совместительства для всех указанных категорий медицинских работников, то их заработная плата должна быть как минимум не меньшей средней по Брянской области на указанный период — 30 040 руб.²³, что для Брянской области является достаточно высокой. Следовательно, появление достаточно большого количества выборов этой позиции в ответах респондентов должно стать предметом анализа для Департамента здравоохранения Брянской области.

Медицинские работники, работающие в г. Брянске, более требовательны к санитарно-гигиеническим условиям помещений, в которых осуществляется медицинская деятельность, чем их коллеги: 13% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в г. Брянске» и только 4,4% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в Брянской области».

Отмеченные выше позиции также объясняются более высоким процентом медицинских работников, относящихся к возрастным группам «20—30 лет» и «31—40 лет» — 34% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в г. Брянске» и 28% респондентов из целевой группы «медицинские работники, работающие в Брянской области». При этом по обеим целевым группам, и «медицинские работники, работающие в г. Брянске», и «медицинские работники, работающие в Брянской области», основное количество респондентов относится к возрастной группе «41—50 лет» — 28,5% по целевой группе «медицинские работники, работающие в г. Брянске» и 37% — по целевой группе «медицинские работники, работающие в Брянской области», что в целом соответствует возрастным характеристикам медицинского персонала Брянской области.

Полученные по данному вопросу результаты указывают не только на информированность меди-

цинских работников в вопросе задекларированных в национальном проекте «Здравоохранение» социальных показателей и заинтересованность в их достижении, но и высокий уровень сформированного профессионального (экспертного) мнения медицинских работников по поводу того, на реализацию каких задач, связанных с функционированием региональной системы здравоохранения, в первую очередь должны быть направлены управленческие решения департамента здравоохранения Брянской области.

Результаты и выводы

Сложность управления такими системообразующими комплексными социальными институтами, как здравоохранение, как показала практика, требует не только законодательного обеспечения новых подходов к работе с необходимой для принятия управленческих решений информацией (что тоже, безусловно, является важным и обязательным сопровождением данного процесса), но и все большего внимания к вопросам управления сферой здравоохранения со стороны междисциплинарного научного сопровождения.

При любой полноте ресурсного обеспечения статистических методов работы с медицинской информацией и цифровизации процесса управления сферой здравоохранения, без задействования возможностей социологической науки, в частности, возможностей социолого-статистического мониторинга как исследовательской методологии, результативность и эффективность управления будет не всегда достижима и обеспечена. Это наглядно доказывает опыт Брянской области. Приведенная выше информация способствовала формированию ряда рекомендаций, реализация которых будет способствовать повышению результативности управления здравоохранением Брянской области.

Данные, полученные в результате реализации программы социолого-статистического мониторинга, могут также стать базовой информацией для определения, разработки и реализации оптимальной модели функционирования системы здравоохранения, поскольку проведение такого мониторинга на протяжении ряда лет позволит выявить и зафиксировать те устойчивые тенденции развития самой системы, на базе которых и можно будет разрабатывать уникальную и универсальную модель системы здравоохранения, в которой будут учтены особенности именно российской системы здравоохранения.

²³ Заключение Контрольно-счетной палаты Брянской области на отчет об исполнении областного бюджета за 2020 год. Утверждено решением Коллегии Контрольно-счетной палаты Брянской области от 26 мая 2021 года № 29-рк. Брянск, 2021 г. 116 с. С. 10. URL: https://bryanskoblfn.ru/upload/Files/2021/ksp_2020.pdf (дата обращения: 10.12.2022).

²⁴ Зарплаты в Брянской области на 2020 г. URL: <https://bdex.ru/bryanskaya-oblast> (дата обращения: 10.12.2022).

Литература

1. Богдан И.В., Праведников А.В., Чистякова Д.П. Актуальные вызовы и решения для использования социологии в управлении здравоохранением // *Здоровье мегаполиса*. 2021. Т. 2. № 1. С. 79—83.
2. Еремина М.Г. Медико-социологическое исследование сельского здравоохранения в современных социально-экономических условиях (по материалам Саратовской области) : автореф. дис. ... докт. мед. наук: 14.02.05 — Социология медицины. М., 2022. 48 с.
3. Желтенков А.В. Особенности моделей функционирования систем здравоохранения в развитых странах // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Экономика. 2019. № 2. С. 64—72. DOI: 10.18384/2310-6646-2019-2-64-72 .
4. Жукова Т.И. Мониторинг развития социальной инфраструктуры в территориальном управлении / Жукова Т.И., Страшнова Ю.Г., Страшнова Л.Ф. // *Евразийский Союз Ученых*. 2020. № 1-6 (70). С. 12—16. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.560 .
5. Королев М.А. Управление организацией медико-социальной помощи в учреждениях социальной защиты населения в городе Москве : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 — Социология управления. Нижний Новгород, 2022. 151 с.
6. Лобачев В.В. Эффективное управление региональной системой здравоохранения : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика). Курск : Юго-Западный государственный университет, 2018 г. 153 с.
7. Лудупова Е.Ю. Научно-организационные принципы построения территориальной системы управления качеством медицинской деятельности : автореф. дис. ... докт. мед. наук: 14.02.03 — общественное здоровье и здравоохранение. М. : Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко, 2019 г. 47 с.
8. Медик В.А. Пути совершенствования организационно-методической деятельности в медицинских организациях на современном этапе реформирования здравоохранения // *ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение*. Вестник ВШОУЗ. 2021. Т. 7. № 4. С. 40—50.
9. Морозова Ю.А. Стратегические приоритеты регионального развития здравоохранения в контексте мировых и отраслевых трендов // *Стратегирование: теория и практика*. 2022. Т. 2. № 1. С. 147—162. DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-1-147-162 .
10. Полесков И.С. Развитие системы управления здравоохранением региона / И.С. Полесков // *Молодой ученый*. 2022. № 8 (403). С. 191—193.
11. Швеиц Ю.Ю. Развитие методологии и инструментария мониторинга социально-экономической безопасности системы здравоохранения : дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством: экономическая безопасность (экономические науки). М., 2020. 405 с.

SOCIOLOGY

POSSIBILITIES FOR USING THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL STATISTICAL MONITORING IN THE PRACTICE OF HEALTHCARE MANAGEMENT: THE BRYANSK OBLAST EXPERIENCE

Larisa Tret'iakova²⁴

Keywords: *healthcare, indicators, management, Bryansk Oblast.*

Abstract

Purpose of the paper: presenting problems encountered in the practice of managerial decision making in healthcare at the level of the region (Bryansk Oblast) which implies continuous academic support of this practice at all stages of taking these decisions and their implementation at the regional level as well as continuous monitoring of the efficacy of the measures carried out.

Methods of study: induction, deduction, analysis of statistics and materials of sociological studies.

Study findings: they are worded in the form of analytical theses and proposals aimed at improving the healthcare management processes in the region. Problems faced by the regional healthcare are identified, and the need and possibilities are justified for using sociological statistical monitoring as the most efficient research strategy for solving these problems.

Research novelty: using the materials of sociological statistical monitoring carried out in Bryansk Oblast, a justification is given for applying sociological statistical monitoring in analysing the efficacy of regional healthcare management, as a research methodology that can be adapted for specific features of healthcare as an element of the region's social sphere, being at the same time highly heuristic and meaningful as regards the results obtained.

²⁴ Larisa Tret'iakova, Head of the Regional Executive Committee of the All-Russia People's Front in Bryansk Oblast, Bryansk, Russian Federation. E-mail: lrstret'yakova@mail.ru

References

1. Bogdan I.V., Pravednikov A.V., Chistiakova D.P. Aktual'nye vyzovy i resheniia dlia ispol'zovaniia sotsiologii v upravlenii zdavookhraneniem. Zdorov'e megapolisa, 2021, t. 2, No. 1, pp. 79–83.
2. Eremina M.G. Mediko-sotsiologicheskoe issledovanie sel'skogo zdavookhraneniia v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviiax (po materialam Saratovskoi oblasti) : avtoref. dis. ... dokt. med. nauk: 14.02.05 – Sotsiologiya meditsiny. M., 2022. 48 pp.
3. Zheltenkov A.V. Osobennosti modelei funktsionirovaniia sistem zdavookhraneniia v razvitykh stranakh. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, seriia: Ekonomika, 2019, No. 2, pp. 64–72. DOI: 10.18384/2310-6646-2019-2-64-72 .
4. Zhukova T.I. Monitoring razvitiia sotsial'noi infrastruktury v territorial'nom upravlenii. Zhukova T.I., Strashnova Iu.G., Strashnova L.F. Evraziiskii Soiuz Uchenykh, 2020, No. 1-6 (70), pp. 12–16. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.6.70.560 .
5. Korolev M.A. Upravlenie organizatsiei mediko-sotsial'noi pomoshchi v uchrezhdeniiakh sotsial'noi zashchity naseleniia v gorode Moskve : dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.08 – Sotsiologiya upravleniia. Nizhnii Novgorod, 2022. 151 pp.
6. Lobachev V.V. Effektivnoe upravlenie regional'noi sistemoi zdavookhraneniia : dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05 – Ekonomika i upravlenie narodnym khoziaistvom (regional'naia ekonomika). Kursk : Iugo-Zapadni gosudarstvennyi universitet, 2018 g. 153 pp.
7. Ludupova E.Iu. Nauchno-organizatsionnye printsipy postroeniia territorial'noi sistema upravleniia kachestvom meditsinskoii deiatel'nosti : avtoref. dis. ... dokt. med. nauk: 14.02.03 – obshchestvennoe zdorov'e i zdavookhranenie. M. : Natsional'nyi nauchno-issledovatel'skii institut obshchestvennogo zdorov'ia imeni N.A. Semashko, 2019 g. 47 pp.
8. Medik V.A. Puti sovershenstvovaniia organizatsionno-metodicheskoi deiatel'nosti v meditsinskikh organizatsiiax na sovremennom etape reformirovaniia zdavookhraneniia. ORGZDRAV: novosti, mneniia, obuchenie. Vestnik VShOUZ, 2021, t. 7, No. 4, pp. 40–50.
9. Morozova Iu.A. Strategicheskie priority regional'nogo razvitiia zdavookhraneniia v kontekste mirovykh i otraslevykh trendov. Strategirovanie: teoriia i praktika, 2022, t. 2, No. 1, pp. 147–162. DOI: 10.21603/2782-2435-2022-2-1-147-162 .
10. Poleskov I.S. Razvitie sistema upravleniia zdavookhraneniem regiona. I.S. Poleskov. Molodoi uchenyi, 2022, No. 8 (403), pp. 191–193.
11. Shvets Iu.Iu. Razvitie metodologii i instrumentariia monitoringa sotsial'no-ekonomicheskoi bezopasnosti sistema zdavookhraneniia : dis. ... dokt. ekon. nauk: 08.00.05 – Ekonomika i upravlenie narodnym khoziaistvom: ekonomicheskaiia bezopasnost' (ekonomicheskie nauki). M., 2020. 405 pp.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Registration Certificate No. FS77-49472 of the 24th of April 2012. The journal is on the list of scholarly publications approved by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of Russia

Editor-in-Chief

Aleksandr KARTSKHIIA,
Dr.Sc. (Law), Assoc. Prof., *Moscow*

Executive Editor

Grigory MAKARENKO, *Moscow*

Editorial Board

Elena ANTONYAN, Dr.Sc. (Law), Prof., *Moscow*
Andrei GABOV, Dr.Sc. (Law), Prof., corr. member of the Rus. Acad. of Sciences, *Moscow*
Elizaveta DEMIDOVA-PETROVA, Dr.Sc. (Law), Assoc. Prof., *Kazan*
Vladimir ZAITSEV, Dr.Sc. (Law), Prof., *Moscow*
Sergei ZAPOL'SKII, Dr.Sc. (Law), Prof., *Moscow*
Sergei ZAKHARTSEV, Dr.Sc. (Law), Prof., *Moscow*
Oleg SIBOROV, Dr.Sc. (Law), Prof., *Moscow*
Pavel Kabanov, Dr.Sc. (Law), Ass.Prof., *Kazan*
Aleksandr MAL'KO, Dr.Sc. (Law), Prof., *Saratov*
Igor' MATSKEVICH, Dr.Sc. (Law), Prof., *Moscow*
Benjamin SHAKHNAZAROV, Dr.Sc. (Law), Ass.Prof., *Moscow*
El'mira ATAGIMOVA, Ph.D. (Law), *Moscow*
Viktor SHARSHUN, Ph.D. (Law), *Minsk, the Republic of Belarus*
Valentin BABINTSEV, Dr.Sc. (Sociology), Prof., *Belgorod*
Svetlana BARMATOVA, Dr.Sc. (Sociology), Prof., *Bryansk*
Mikhail MALYSHEV, Dr.Sc. (Sociology), Prof., *Moscow*
Anatolii SILIN, Dr.Sc. (Sociology), Prof., *Tyumen*
Ol'ga URZHA, Dr.Sc. (Sociology), Prof., *Moscow*

Founder and publisher:

Federal State-Funded Institution "Scientific Centre for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation" (SCLI)

Postal address:

Mikhalkovskaya str., bld. 65/1, 125438, Moscow, Russia
Telephone: +7 (985) 939-75-01
E-mail: monitorlaw@yandex.com

Guidelines for preparing manuscripts for publication and archive files are available on the website
<http://uzulo.su/mon-prav>

Printed by the Printing and Publication Division of the SCLI.
Approved for print on the 20th of March 2023.
Number of items printed: 120. Free price.

CONTENTS

PUBLIC LAW SCIENCES (CONSTITUTIONAL LAW SCIENCES)

MONITORING THE REPRESENTATION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN THE COMMISSIONS COORDINATING THE ACTIVITIES FOR COMBATING CORRUPTION IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
Pavel Kabanov 2

PUBLIC LAW SCIENCES (DIGITAL LAW)

IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON RAISING THE LEVEL OF INFORMATION SECURITY CULTURE OF RUSSIA'S CITIZENS
Natal'ia Troian 20

INHERITING THE 'INFORMATION BODY': LEGAL REGULATION PROBLEMS
Svetlana Kodaneva 27

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENITENTIARY LAW

CONFISCATION OF PROPERTY ACQUIRED AS A RESULT OF COMMITTING AN OFFENCE UNDER ARTICLE 290 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA
Dinar Farakhiev, Guzel' Farakhieva 37

IMPROVING THE LEGAL MECHANISMS FOR COUNTERING THE INVOLVEMENT OF THE YOUTH IN OFFENCES RELATED TO EXTREMISM AND TERRORISM
Elena Sarapkina 44

USING COMPUTER TECHNOLOGIES AGAINST PERSONS: APPROACHES TO CRIMINALISATION IN THE COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES
Anzhela Perina 59

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

FROM LOGOS TO LOGOS. CORRIGENDA AND ADDENDA
Sergei Zakhartsev, Viktor Sa'nikov 69

PRIVATE LAW SCIENCES (CIVIL LAW)

ABUSE OF LAW AS A GROUND FOR REFUSAL TO INCLUDE A CREDITOR'S CLAIM IN THE CLAIMS REGISTER: AN ANALYSIS OF COURT PRACTICE
Kristina Guryleva 76

THE CONCEPT OF SUBJECTIVE FACTOR AND ITS USE IN FORMING PRIVATE LAW RELATIONSHIPS
Natal'ia Zaitseva 88

A SPECIAL CLASS OF CONTRACTS FOR SERVICES: "PERFORMER SPECIFIED"
Ianuara Vol'vach 94

SOCIOLOGY

POSSIBILITIES FOR USING THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL STATISTICAL MONITORING IN THE PRACTICE OF HEALTHCARE MANAGEMENT: THE BRYANSK OBLAST EXPERIENCE
Larisa Tre't'iakova 102